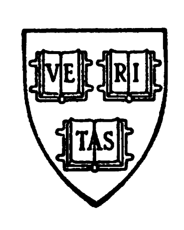
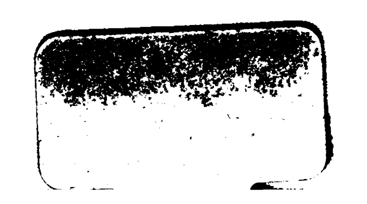

VE RI
TAS

П. Я.

Bronislava Herbenová

СТИХОТВОРЕНІЯ.

Томъ I.

(1878 — 1897).

ПЯТОЕ ИЗДАНІЕ
РЕДАКЦІИ ЖУРНАЛА
„РУССКОЕ БОГАТСТВО".

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Н. Н. Клобукова, Пряжка, д. № 3—1.
1902.

Два посвященія.

Жизнь и поэзія—одно!
В. А. Жуковскій.

I.

Эти пѣсни гирляндою розъ
Мнѣ чела не украсятъ, конечно,
Но онѣ создавались изъ слезъ
И изъ крови сердечной...
Добрый другъ! если хочешь, возьми
Эту кровь, эти слезы мои.

II.

Я пою для тѣхъ, чьи души юны,
Кто болѣлъ, какъ за себя, за брата.

. . . .

Вамъ заботы объ искусствѣ строгомъ,
Вамъ, пѣвцы любви и ликованья!
Я пою великія страданья
Поколѣнья, прóклятаго Богомъ.

1884.

1878—1879.

Падающая звѣзда.

Звѣздное небо, нѣмое, чудесное...
Вотъ, словно яркій опалъ,
Ка́тится звѣздочка: въ царство небесное
Душу Господь отозвалъ!

Бѣдная! Долго ей ночь неразсвѣтная
Жизни — темницей была;
Вихрь уносилъ ея грёзы завѣтныя
Въ море неправды и зла.

Сжалился Богъ: колесницу прекрасную
Съ ангеломъ кроткимъ за ней Онъ послалъ.
Людямъ же звѣздочкой чудною, ясною
Божій посланникъ предсталъ.

* * *

Вотъ и кончился день, отъ котораго я
Ожидалъ такъ безумно отрады...
Не пройдетъ ли такъ блѣдно и жизнь вся моя,
Какъ въ подвалѣ глухомъ безъ лампады?

И болитъ, и томится тревогой душа...
Я стою, озаренный весь луннымъ сіяньемъ,
Точно въ храмѣ обширномъ... Какъ ночь хороша!
Какъ она незнакома съ страданьемъ!

Сердце жъ проситъ любви, жаждетъ ласки родной, —
Громкій вопль на устахъ замираетъ напрасно...
Ахъ, зачѣмъ нельзя жить для идеи одной?
Для чего эта грудь такъ волнуется страстно?

Весенняя сказка.

Въ брилліантовой коронѣ,
Въ пышномъ гротѣ ледяномъ
Царь-Морозъ сидитъ на тронѣ,
Крытомъ чистымъ серебромъ.
Борода его сѣдая
Вся алмазами горитъ;
Синій плащъ, какъ жаръ, сіяя,
Съ богатырскихъ плечъ виситъ.
Но старикъ одинъ. Угрюмо
Предался своимъ мечтамъ,
И упалъ, скользнувъ безъ шума,
Скипетръ къ царственнымъ ногамъ.

Что за чудо! Вѣкъ не снилось—
Снится вотъ ужъ третій день:
Будто съ трескомъ откатилась
Трона верхняя ступень,
Будто перстень драгоцѣнный
У него съ руки пропалъ,
Будто витязь дерзновенный
Дочь-красу его укралъ...

Встать онъ хочетъ; въ нетерпѣньи
Хочетъ кликнуть вѣрныхъ слугъ...
Вдругъ онъ вздрогнулъ: въ изумленьи

Непонятный слышитъ звукъ.
Точно въ бурный часъ прибоя.
Валъ морской пророкоталъ,
Точно въ жаркой схваткѣ боя
Стукъ оружья прозвучалъ!
Вотъ опять... И задрожали
Стѣнъ хрустальные столпы:
Налетѣли, застонали
Сѣдовласыхъ вьюгъ толпы!
Съ искаженными чертами,
Съ воплемъ ужаса въ груди:
«Царь, спасайся! Врагъ за нами
Съ царь-Дѣвицей впереди...
Сосчитать нѣтъ силы-мочи
Свѣтлыхъ витязей Весны—
Шлемы, копья... Наши очи
Блескомъ ихъ ослѣплены...
И не робкій бы отпрянулъ,
Только-бъ издали взглянулъ...»

То не громъ ли съ неба грянулъ,
Не перунъ ли проблеснулъ?
Всталъ старикъ, могучій, смѣлый,
Снова юнъ, отваги полнъ;
Взоръ горитъ и сыплетъ стрѣлы,
Ходитъ грудь, какъ въ бурю челнъ.
Топнулъ съ окрикомъ ногою!
Въ гнѣвѣ машетъ бородой
И надъ робкою толпою
Тяжкой движетъ булавой.
Вихрь поднялся съ шумомъ, свистомъ,
Въ страхѣ весь чертогъ дрожитъ...

И далече въ полѣ чистомъ
Богатырь уже летитъ.
Гдѣ тряхнетъ онъ бородою—
Темный боръ посеребритъ,
Гдѣ взмахнетъ лишь булавою—
Воды рѣкъ окостенитъ.
Дунетъ — небо одѣваетъ
Въ бѣлый саванъ облаковъ,
Снѣгъ и иней вытряхаетъ
Изъ косматыхъ рукавовъ.
А узоры ткетъ — царевнамъ
Не шивать такихъ!— Но вдругъ
Онъ застылъ въ движеньи гнѣвномъ,
Смотритъ пристально вокругъ.

Тишину полей безбрежныхъ
Звукъ невѣдомый прервалъ:
Точно крыльевъ плавныхъ, нѣжныхъ
Шелестъ мягкій пробѣжалъ...
И вдали, во тьмѣ неясной,
Промелькнулъ и скрылся вмигъ
Чей-то царственно-прекрасный,
Улыбающійся ликъ.

И кругомъ все просвѣтлѣло,
Порвались оковы сна:
Дрогнулъ лѣсъ оцѣпенѣлый,
Всколыхнулася волна...
Первый жаворонокъ грянулъ
Пѣсню первую любви,
И подснѣжникъ первый глянулъ,
И запѣли ручейки,—

Зазвенѣли, покатились
Огнеструйнымъ серебромъ;
Муравьи закопошились
Въ сонномъ городѣ своемъ;
И изъ келейки подпольной
Прерывая долгій сонъ,
На просторъ степной раздольный
Пчелка вылетѣла вонъ.
Все покорно властнымъ чарамъ!
Кто жъ онъ, тайный лиходѣй?..

И стоитъ въ безсильи яромъ
Изумленный чародѣй.
— «Гей вы, слуги»!—Гдѣ же слуги?
Вотъ ихъ вѣрность какова!
А въ глазахъ пестрѣютъ круги,
Тяжелѣетъ голова.
Гнутся гордыя колѣни...
Полонъ вѣщихъ сновъ и грёзъ
И томящей сладкой лѣни,
Таетъ, таетъ царь-Морозъ!
Солнце красное неслышно
Льетъ тепла живой потокъ,
И Весна-царица пышно
Входитъ въ свѣтлый свой чертогъ.

Ловля бѣлки.

(Изъ дѣтскихъ воспоминаній.)

— Бѣлка! бѣлка!—крикъ раздался:
Эй, сюда, Арапъ, Заграй *)!—

И стрѣлою я помчался
На призывный шумъ и лай.
У густой зеленой ели,
По срединѣ полосы,
Злились, лаяли, ревѣли
Разъярившіеся псы.
А одинъ, герой примѣрный,
Прыгалъ, дерево глодалъ...
Ѳедя, мой товарищъ вѣрный,
Имъ ни въ чемъ не уступалъ.
Прибѣжалъ и я въ волненьи...
— Что такое?!
Безъ рѣчей
Сыплемъ камни въ углубленье
Двухъ сомкнувшихся вѣтвей.
Наша бѣлочка-голубка,
Тамъ прижавшись, ждетъ врага:
Красно-пепельная шубка,

*) Клички собакъ.

Хвость изогнутъ, какъ дуга.
То раскроетъ глазки шире,
То ушами поведетъ...
На одну идутъ четыре —
Все забористый народъ!
Ѳедя живо изловчился:
Подсадилъ Ѳедюшу я —
Онъ за вѣтку ухватился,
Изогнулся, какъ змѣя.
— Ну, голубчикъ, примудрись-ка,
Подцѣпи ее живой! —
Прытокъ Ѳедя: вотъ ужъ близко,
Хвать — и взвылъ охотникъ мой!
Укусила!.. Неказистый,
Да отчаянный звѣрёкъ.
Развернулся хвостъ пушистый,
Словно парусъ, и — прыжокъ!
Крикъ, содомъ на всю полянку...
Я кричу: «Ату! Ату!»
Псы визжатъ, и вотъ бѣглянку
Подхватили на лету.
Я затѣялъ съ ними драку,
Ѳедя съ ели кувыркомъ,
И едва-едва собаку
Укротили мы вдвоемъ.
Бѣлку отняли...
Бѣдняжка!
Кратокъ былъ конецъ её:
Раза два вздохнула тяжко,
Лапкой дрогнула — и все...
Тѣло быстро остывало,
Кровь сочилась вдоль спины...

О, какъ мало ты дышала
Свѣжимъ воздухомъ весны!
Заструились только рѣки,
Только ожили лѣса —
И сомкнула ты навѣки
Эти кроткіе глаза.
По кудрямъ березъ веселыхъ
Ужъ не будешь ты скакать,
Съ елей темныхъ и тяжелыхъ
Шишки красныя ронять.
Все погибло: край родимый,
Птички вольное житье...

Тутъ вопросъ неотразимый
Всталъ: куда же намъ ее?..
Долго въ горѣ мы стояли...
Наконецъ, прогнавъ собакъ,
Бѣлку въ ямку закопали
Тамъ, у рощи, гдѣ оврагъ,—
Гдѣ, рѣзвясь, ручей студеный
Воды звонкія несетъ,
Соловей въ листвѣ зеленой
Рокотать не устаетъ.

Подъ снѣгомъ.

Равнина мертвая подъ снѣжной пеленой...
Кругомъ тоска, зловѣшая тоска!
И, вѣя холодомъ, стояли надо мной
Недвижныя, сѣдыя облака.
А вѣтеръ вылъ все яростнѣй и злѣй,
Напѣвъ отчаянья равнину оглашалъ,
И стая вороновъ, кружившая надъ ней,
Злорадно каркала... Въ раздумьи я стоялъ.

— Родимая! тебя ли вижу я,
Поникшую прекрасной головой?
Возможно-ль? Гордая, цвѣтущая земля
Покорена безжизненной зимой!
Проходятъ дни — все снѣгъ да снѣгъ одинъ
И мертвый сонъ... И завтра, что вчера...
О, матушка! зоветъ тебя твой сынъ:
Вставай, проснись! Ужели не пора?
Негодованія грозою растопи,
Разбей, стряхни покровъ свой ледяной,
Слезами радости долины окропи,
Развѣй тоску души моей больной!
Молю, надѣнь вѣнчальный свой нарядъ,
Густыя облака отъ солнца отгони —

Его лучи, какъ перлы, заблестятъ,
И потекутъ безоблачные дни
И вдругъ послышалось: «Не въ пору ты пришелъ—
Еще весна сіяетъ далеко.
Могильный саванъ мой и душенъ, и тяжелъ,
И мнѣ его отдернуть нелегко».

Напрасно я взывалъ, напрасно я молилъ
И за вопросомъ задавалъ вопросъ:
Глубокій сонъ глаза ея смежилъ,
Уста сковалъ безжалостный морозъ.
И стая вороновъ, кружившая надъ ней,
Злорадно каркала... Въ раздумьи я стоялъ;
А вѣтеръ вылъ все яростнѣй и злѣй...
О чемъ онъ пѣлъ? Кого онъ проклиналъ?

Тревога.

Ночь сошла, лазурно-ясная,
Въ даль ушелъ огнистый путь...
Выходи, моя прекрасная!
Глазъ усталыхъ не сомкнуть.

Съ поля, только что уснувшаго,
Льется мягкій ароматъ;
Съ неба, въ блескѣ утонувшаго,
Звѣзды кроткія глядятъ.

Все уснуло — злоба жгучая,
Голодъ, зависти змѣя...
Но дрожитъ слеза горючая
На рѣсницѣ у меня!

Душу, полную смятенія
И тревоги, позабылъ
Кроткій ангелъ примиренія —
Тихимъ сномъ не исцѣлилъ!

Давятъ грудь рыданья страстныя,
Встала думъ мятежныхъ рать...
Приходи, моя прекрасная,
Вмѣстѣ мыслить и страдать!

Рѣчью гордою, свободною
Мое сердце вдохнови,
Дай мнѣ силу благородную
Для вражды и для любви!

Вся лазурная, безшумная,
Ночь на крыльяхъ сновъ плыветъ;
Но не спитъ душа безумная,
Все болитъ, тревогу бьетъ!..

Корабль.

Лазурны, ласковы и знойны
И океанъ, и небеса;
Корабль нашъ, гавани краса,
Стоитъ, торжественный и стройный.
— Проснись, душа моя! Воспрянь!
Пора изъ омута мірского
Направить путь, пора на брань,
Долой мертвящія оковы!
Исполненъ гнѣва и любви,
Я поплыву легко и смѣло...
Впередъ, друзья мои! За дѣло,
Матросы вѣрные мои:
Сознанье молодости, силы,
Ключомъ бунтующая кровь,
Рѣшимость биться до могилы,
Къ порабощенному любовь!
Снимайтесь съ якоря проворно!
Мы нашу лѣность побѣдимъ
И цѣпью крѣпкой и позорной
Къ кормѣ высокой привинтимъ.
Одно, еще одно усилье —
И якорь вытащенъ... Ура!

Корабль, почуявъ будто крылья
Зашевелился, какъ гора.
Надулся парусъ бѣлоснѣжный...
Невозмутимы небеса,
И вѣтеръ ласковый и нѣжный
Несетъ насъ въ океанъ безбрежный...
Корабль нашъ — гавани краса!

---

* * *

О, если-бъ я владѣлъ стихомъ
Такимъ могучимъ и разящимъ,
Чтобъ онъ звучалъ, какъ Божій громъ,
Надъ человѣчествомъ скорбящимъ!
Чтобы проклятія мои
Сердца, грубѣй и тверже стали,
Дрожать и плакать заставляли;
Призывы правды и любви —
Надежду въ слабыхъ поднимали!
Какъ свѣтлый духъ, не зналъ бы я
Запретной грани и дороги, —
И пѣсня вольная моя
Входила-бъ въ нищія жилья
И въ золоченые чертоги,
Повсюду славя новый міръ,
Гдѣ смолкнутъ злобныя проклятья,
Гдѣ люди, любящіе братья,
Начнутъ великій счастья пиръ!
И въ тотъ эдемъ благословенный
Моей пророческой мечты
Сзывалъ бы я съ концовъ вселенной
Семью печальной нищеты.
Она на праздникъ обновленья
Въ одеждахъ праздничныхъ вошла-бъ,
И сбросилъ бы усталый рабъ
Оковы гнета и презрѣнья!

Изъ Сюлли Прюдома.

I.

ДАНАИДЫ.

Не вѣдая покоя, ежечасно
Онѣ бѣгутъ съ кувшинами толпой
То къ бочкѣ, то къ колодцу, но — напрасно!
Имъ не наполнить бочки роковой.

Увы! дрожатъ слабѣющія руки,
И, онѣмѣвъ, не движется плечо...
— Пучина страшная! Конецъ ли нашей мукѣ?
Неумолимая, чего тебѣ еще?

И падаютъ онѣ, идти уже не въ силахъ...
Но младшая изъ всѣхъ въ сестеръ своихъ унылыхъ
Умѣетъ прежнюю увѣренность вдохнуть.

Такъ грёзы и мечты блѣднѣютъ, разлетаясь,
А юная Надежда, улыбаясь,
— О сестры, говоритъ, пойдемте снова въ путь!

II.

НА БАШНѢ.

На башнѣ, въ поздній часъ, ученый наблюдалъ,
Какъ звѣздный хоръ торжественно и смѣло
Свой вѣчный путь въ пространство направлялъ;
А утро въ безконечности бѣлѣло.

Онъ вычислялъ... Средь золотыхъ міровъ
Комета встрѣтилась внимательному взору,
И грозному онъ молвилъ метеору:
«Ты вновь придешь чрезъ столько-то вѣковъ!»

Звѣзда придетъ, велѣнье исполняя,
И обмануть не сможетъ никогда
Науки вѣчной, въ вѣчности блуждая!

Пусть человѣчество исчезнетъ безъ слѣда:
На башнѣ бодрствовать упорно и тогда
Ты будешь, Истина святая!

III.

ЗАТЕРЯВШІИСЯ КРИКЪ.

Игрой мечты ушелъ я въ глубь вѣковъ —
И вижу юношу: болѣзненный, печальный,
Возводитъ онъ съ толпой другихъ рабовъ
Хеóпсу мавзолей пирамидальный.

Вотъ онъ несетъ на сѝгнутой спинѣ
Чудовищный гранитъ. Дрожащая походка...
Глаза глядятъ страдальчески и кротко...
И страшный крикъ раздался въ тишинѣ!

Тотъ крикъ потрясъ весь воздухъ, строй эфира,
Дошелъ до звѣздъ—и тамъ, за гранью міра,
Все вверхъ идетъ въ пространствѣ вѣковомъ.

Онъ ищетъ Божества и правды безконечной...
И цѣлые вѣка гигантъ остроконечный
Надъ деспотомъ стоитъ, въ величіи нѣмомъ!

IV.

РАНЫ.

Со стономъ падаетъ въ сраженіи солдатъ.
Его возьмутъ, обрызганнаго кровью,
Въ больницу отвезутъ и рану заживятъ.
И въ ясный день поддѣльному здоровью

Онъ вѣритъ, какъ дитя... Но съ запада сырой
Подуетъ вѣтеръ вдругъ, и въ облакахъ тумана
Потонетъ солнца блескъ,—и вновь заныла рана!
И вѣры нѣтъ въ душѣ его больной!

Такъ прихоть времени всесильна; такъ, порою,
На мѣстѣ, гдѣ душа поражена судьбою,
Я плачу, воскресивъ забытую печаль.

Слеза, печальный звукъ, одно пустое слово,

Иль тучка въ небесахъ,—какъ лучъ, освѣтятъ снова
Погибшихъ лѣтъ затерянную даль!

V.

РАЗБИТАЯ ВАЗА.

Та ваза съ гибнущей вербеной
Задѣта вѣеромъ была.
Ударъ безшумный и мгновенный
Чуть тронулъ зеркало стекла.
Но рана, легкая сначала,
Что день, таинственно росла:
Хрусталь точила, разъѣдала
И мѣрнымъ кругомъ обошла.
Бѣда не во-время открыта:
Цвѣтокъ безмолвно умиралъ,
По каплѣ кровью истекалъ...
— Не тронь ея: она разбита!

Такъ часто милая рука
Намъ сердце любящее ранитъ,—
И рана тонко-глубока,
И, какъ цвѣтокъ тотъ, сердце вянетъ.
Но долго гибельный огонь
Отъ равнодушныхъ взоровъ прячетъ,—
Болитъ и тихо-тихо плачетъ...
Оно разбито вѣдь — не тронь!

VI.

ВЪ ПРЕДСМЕРТНЫЙ ЧАСЪ.

Въ часъ кончины моей меньше вздоховъ и слезъ,—
Горе въ сердцѣ пусть спитъ глубоко!
Вы гармоніей сладкой ласкайте мой слухъ,
И умру я легко.
Такъ усталъ видѣть ложь я подъ маской любви,
Слышать слово холодное «братъ»...
Пусть баюкаютъ боль мою струны однѣ,
И пусть люди молчатъ!
Няню, бѣдную няню пришлите ко мнѣ —
Она стадо въ долинѣ пасетъ
Извѣстите ее, что, готовясь навѣкъ
Сдѣлать съ жизнью разсчетъ,
Увидать я хочу ея ласковый взоръ,
Услыхать ея пѣсню... И пусть
Будетъ грустью дышать монотонный напѣвъ —
Я люблю эту грусть!
Вы найдете ее: люди хижинъ живутъ
Дольше насъ... Мы, явившись на свѣтъ,
Прозябаемъ, какъ пальма въ холодной странѣ,
И живемъ... двадцать лѣтъ!
Ахъ, оставьте вдвоемъ насъ! Она мнѣ споетъ,
Пальцы рукъ на горячій мой лобъ положивъ...
Звукъ за звукомъ съ любовью ловить стану я,
Все на свѣтѣ забывъ!
И, навѣрно, одна только грудь и вздохнетъ
Обо мнѣ въ этотъ часъ глубоко...
Я мечтой улечу къ свѣтлымъ дѣтства годамъ,
Далеко, далеко!

И, чтобъ я не слыхалъ, какъ покинетъ душа
Мой больной, охладѣлый скелетъ,
Чтобы такъ человѣкъ незамѣтно ушелъ,
Какъ явился на свѣтъ,—
Нѣтъ, не нужно ни вздоховъ печальныхъ, ни слезъ,
Горе въ сердцѣ пусть спитъ глубоко́...
Тихой музыкой мой убаюкайте слухъ —
И умру я легко!

1880.

Къ свѣту.

«Куда же мчимся мы съ такою быстротою?»
Я, въ ужасѣ, мечту мою спросилъ
И передъ бездною, зіявшей подо мною,
Невѣрный шагъ остановилъ.
«Смотри, смотри—какой утесъ ужасный
Тамъ, впереди... Какой тамъ мракъ нѣмой!..»
Но ты не слушала... Съ осанкой гордой, властной,
Съ мечемъ въ рукѣ, съ свѣтильникомъ въ другой,
Меня, дрожащаго, въ пространство увлекала
И, какъ ребенку робкому, шептала:
— Впередъ, не бойся, я съ тобой!

«Стой! жалость странная мнѣ душу охватила...
Я бросилъ для тебя спокойствіе, друзей,
Все, все, что молодость мнѣ свѣтлая сулила,
Не смѣйся жъ надъ тоской моей!
«Остановись! Хоть на одно мгновенье
Остановись! О, дай еще хоть разъ
Взглянуть назадъ: я знаю, въ этотъ часъ
Тамъ плачутъ обо мнѣ»...

Напрасное моленье!
Вдругъ пышная заря во мракѣ занялась.
И ты, презрѣвъ ребяческій мой ропотъ,
Навстрѣчу шла сіяющему дню...
И уловилъ я ласковый твой шепотъ:
— Не плачь! Все, все я замѣню!..

Битва жизни.

Ахъ, безъ жизни проносится жизнь вся моя!..
Увлекаемый мутною тиною,
Я борюсь день и ночь, самъ себѣ—и судья,
И тюрьма, и палачъ съ гильотиною.
И мучительный сонъ на яву и во снѣ
Не даетъ мнѣ покоя желаннаго:
Вижу въ полѣ широкомъ уснувшихъ бойцовъ
Послѣ дѣла великаго браннаго.
Ночь беззвучно плыветъ надъ печальной землей,
Уходя въ вышину безпредѣльную;
Мѣсяцъ смотритъ изъ тучъ — дикій ужасъ разлилъ
По лицу его блѣдность смертельную...
Съ головами разбитыми, къ небу лицомъ,
Посинѣвшіе, кровью облитые,
Тихо спятъ мертвецы; безотвѣтно глядятъ
Ихъ глаза, неподвижно раскрытые.
Словно блѣдная тѣнь, словно призракъ нѣмой,
Обхожу я поляны ужасныя
И считаю, не зная зачѣмъ, мертвецовъ
И гляжу на ихъ лица безстрастныя...
— О, все милыя лица! Все братья, друзья,
Все черты дорогія и близкія!—

Всѣ отважно погибли, какъ слѣдуетъ пасть
Тѣмъ, въ комъ жили не помыслы низкіе,

А одна неподкупная, свѣтлая страсть
И одно лишь желанье великое,
Чтобы солнцу любви и свободы святой
Уступило насиліе дикое!
Точно призракъ ночной, точно блѣдная тѣнь,
Я иду чрезъ поляны унылыя...
— О, рыдай, моя пѣсня! Все братья, друзья,
Все черты дорогія и милыя!

Обезумѣвъ отъ горя, упасть я хочу
Съ громкимъ воплемъ на землю холодную,—
Ей повѣдать всю лютую злобу мою,
Всю любовь и тоску безысходную.
Наклонившись, хочу я страдальцевъ обнять.
Вдругъ... О, ужасъ! ихъ лица безстрастныя
Стали тёмны, какъ ночь... На недвижныхъ устахъ
Зазмѣилась усмѣшка ужасная...
И, объятому трепетомъ, чудится мнѣ
Шепотъ злобный, упреки суровые:
«Гдѣ ты былъ, когда въ битву мы грозную шли,
Побѣдить иль погибнуть готовые?
«Отчего не лежитъ твой истерзанный трупъ
Рядомъ съ нами, погибшими братьями?
Отчего ты, какъ воръ, лишь во мракѣ ночномъ
Къ намъ приходишь съ своими объятьями?
«Что̀ намъ въ злобѣ твоей, хоть и нѣтъ ей конца,
Что̀ тоска намъ твоя безысходная?
Пѣсни скорбныя громко умѣешь ты пѣть,
Но страшна тебѣ смерть благородная!
«Уходи, уходи! намъ противны, смѣшны
Оправданья твои малодушныя...
«Гдѣ ты былъ, когда въ бой мы безтрепетно шли,

Зову чести и долга послушные?
«О, уйди же, уйди... Мы не знаемъ тебя!»

И помчался я въ даль безпредѣльную...
Мѣсяцъ сумрачный плылъ... Дикій ужасъ разлилъ
По лицу его блѣдность смертельную!
Руки горько ломая, я въ небо гладѣлъ,
Будто вѣря, что, зову послушное,
Усыпитъ оно скорбь мою, жгучую скорбь;
Но синѣло оно, равнодушное,
Равнодушно взирая на правду, на ложь,
И на все, что подъ бурею клонится,
И на все, что ликуетъ, царитъ и гнететъ,—
Ни мольбой, ни проклятьемъ не тронется!
Я бѣжалъ, словно гнался невѣдомый врагъ
По пятамъ моимъ мертвой поляною:
Брань и крики его, какъ отточенный ножъ,
Наносили мнѣ рану за раною.
И напрасно пощады вымаливалъ я...

— Такъ безъ жизни проносится жизнь вся моя:
Поглощаемый мутною тиною,
Я борюсь день и ночь, самъ себѣ — и судья,
И тюрьма, и палачъ съ гильотиною!..

Октябрь.

*
* *

Въ часъ веселья и шумной забавы,
Беззаботна, какъ птичка полей,
Ореолъ обольстительной славы
Ты пророчила музѣ моей.
А завѣтныя сердца мечтанья
Мнѣ вѣнецъ обѣщали иной,
И въ груди наболѣвшей рыданья,
Закипая, вставали грозой...

Въ наше время дорогой прямой
Бодрымъ шагомъ идти до могилы
За идеей великой, святой —
Нужно чувствовать гордыя силы
И владѣть закаленной душой!
Быть готовымъ безъ стона, безъ крика
Подъ ударами вражьими пасть
Въ битвѣ грозной, безжалостной, дикой,
Нужно грёзы о счастьи проклясть!

А въ душѣ безпокойной и нѣжной,
Не рожденной для доли борца,

Нѣтъ предѣла тревогѣ мятежной,
Нѣтъ желаньямъ безумнымъ конца!
Не даютъ они — цѣли прекрасной
Безраздѣльно отдаться во власть:
Сердце бьется томительно-страстно,
И душа молодая невластна
Грёзы личнаго счастья проклясть!...

20 ноября.

Успокоеніе.

Яркія звѣзды горятъ надъ землей...
Тамъ, гдѣ владычицей — ночь безконечная,
Движутся стройной, могучей толпой
Хоры ихъ дивные, вѣчные.

Тихо тамъ, тихо, какъ въ храмѣ святомъ
Въ часъ, когда смолкнетъ докучное пѣніе...
Не оттого ли и въ сердцѣ моемъ
Къ небу такое стремленіе?

Черною злобой устала дышать
Эта душа молодая, мятежная,
И обняла ее кротко, какъ мать,
Ночь безконечная, тихая, нѣжная...

Декабрь.

1881.

Въ театрѣ.

Шумъ нетерпѣнья... И струны послушныя
Громомъ аккордовъ откликнулись вдругъ!
Фауста мрачнаго тайный недугъ
И Маргариты любовь простодушная

Ожили въ чудномъ созданьи мечты.
Ужасъ, печаль и восторгъ чередуются,
А очарованнымъ взорамъ рисуются
Храмы, фонтаны, огни и цвѣты...

Что за поэзія дивная, властная,
Близкая скорби завѣтной моей!
И, точно въ царствѣ заоблачномъ фей,
Я твои очи встрѣчаю прекрасныя.

Дѣтскимъ восторгомъ сверкаютъ они...
Мягкихъ кудрей я волну вижу зыбкую,
Вижу уста молодыя съ улыбкою...
— Не омрачайте ихъ, черные дни!

Ахъ! неужель эти грёзы чудесныя —
Грубый обманъ, потѣшающій умъ,
Весь этотъ блескъ, этотъ праздничный шумъ,
Всѣ эти звуки небесные?

Черезъ минуту все скроется, все...
Блѣдная жизнь колеёю обычною
Вновь потечетъ, пустотой безграничною
Сердце пугая мое?

— О, если такъ... Мои думы тяжелыя,
Боль мою ты вѣдь поймешь, милый другъ?
Не преступленье-ль—минута веселая,
Каждая грёза и радостный звукъ?

Видишь, болитъ мое сердце безумное,
Плакать готовъ я надъ думой моей
И умолять тебя—бросимъ скорѣй
Зрѣлище шумное!..

Не обвиняй меня... Вспомни, что тамъ,—
Тамъ, за стѣною театра волшебнаго —
Море холоднаго мрака, враждебнаго
Этимъ нряднымъ мечтамъ.

Корчится тамъ нищета... Тамъ утрачено
Жизни желанье, тамъ злоба кипитъ...
Слово проклятія робко звучитъ...
Другъ мой! кому то́ проклятье назначено?

О, неужели же намъ, для кого
Горе народное — горе великое,

Намъ, осудившимъ безправіе дикое,
Намъ, для которыхъ любовь—божество?!

. . . .

Тотъ же все блескъ; та же музыка шумная
Льется въ мой слухъ гармоничной волной...
Плачетъ душа моя, стонетъ безумная,
Полная скорби святой!

Январь.

Обдѣленные.

Забытый міръ!.. Надъ каждою могилой
Витаетъ грусть... У этой нѣтъ креста,
У той—погнувшійся съ покорностью унылой,
У той—безъ надписи, вся въ трещинахъ, плита.
Сонъ, тишина и сумракъ запустѣнья...
Кругомъ бурьянъ... Тутъ все полно забвенья,
Все говоритъ: «Ихъ нѣтъ!»

Но Правда?... Что жъ она
Съ громами Божьими?.. Забыты имена,
Но ложь — ту ложь съ безстыдными глазами,
Что̀, выпивъ кровь, людей равняла съ псами, —
Какъ позабыть? Нѣтъ, нѣтъ, жива она!
Она жива. Всѣ скорби, всѣ обиды
Летаютъ въ воздухѣ, мнѣ чудится порой,
И грозный ликъ суровой Немезиды
Глядитъ съ безумною враждой...

Спятъ, крѣпко спятъ, не зная мукъ сомнѣній,
Жильцы гробовъ, покорные червямъ.
«Несчастные! горѣ назначенъ вамъ
Міръ лучшій здѣшняго, міръ вѣчныхъ упоеній...
Здѣсь прахъ и тлѣнъ, здѣсь сумракъ безъ лучей,
Мертва и суетна сія юдоль печали!»—

Такъ утѣшалъ ихъ сытый фарисей,
А бѣдняки довѣрчиво внимали,
И каждый съ вѣрою наивной угасалъ.

Что-жъ, если... если ночь угрюмую сознанья,
Въ предсмертный мигъ, лучъ свѣта пронизалъ
И холодомъ наполнилъ содроганья?!
Такъ иногда подстрѣленный куликъ
Лежитъ, не шевелясь, и лишь въ послѣдній мигъ,
Прощаясь съ свѣтомъ вольнымъ и широкимъ,
Вздохнетъ всей грудью, вздохомъ столь глубокимъ,
Взмахнетъ крыломъ такъ горестно, и крикъ
Такой протяжный, жалобный промчится,
Что духъ убійцы скорбью омрачится!..

Быть можетъ, злоба душу обняла,
Рука въ кулакъ спѣшила крѣпко сжаться;
Быть можетъ, Правда горькая пришла
Къ страдальческому ложу, чтобъ сознаться
Въ обманѣ вѣковомъ... Но поздно! вѣчный сонъ
Идетъ смежить измученныя очи,
И прежній мракъ холодной, страшной ночи
Стоитъ кругомъ, и зло—его законъ!

Пройдутъ года, какъ бѣглое мгновенье —
Усну и я такимъ же крѣпкимъ сномъ
И подъ такимъ же сóгнутымъ крестомъ,
Иль безъ креста найду успокоенье —
Отъ всѣхъ обидъ, отъ всѣхъ земныхъ тревогъ,
Надеждъ, страстей съ ихъ сладостнымъ обманомъ.
Другимъ пловцамъ я ввѣрю свой челнокъ,
Уставъ бороться съ шумнымъ океаномъ.

Они помчатся бодро по волнамъ
Пытать въ борьбѣ нетронутыя силы:
Маякъ любви сіять имъ будетъ тамъ,
Гдѣ для меня нависнетъ тьма могилы...
Во всѣ вѣка страданія земли
Одна лишь смерть надежно исцѣляла.
Вотъ кость покойника валяется въ пыли,
А онъ? Онъ спитъ и не скорбитъ нимало!

Надъ рѣкою.

Все было тихо надъ рѣкою,
Въ рукѣ не двигалось весло,
И лодку сонную волною
Внизъ по теченію несло.

Луна холодный свѣтъ роняла,
Закрывшись сизымъ облачкомъ,
И за звѣздой звѣзда дрожала
Въ пространствѣ темно-голубомъ.

Казалось, чьимъ-то властнымъ словомъ
Огромный міръ завороженъ,
И лишь къ моимъ мечтамъ суровымъ
Забылъ придти цѣлебный сонъ!

И, точно тѣнь передъ грозою,
Ложилась дума на чело...
А лодку сонную волною
Внизъ по теченію несло.

И думы гордыя вставали,
И леденилъ ихъ тайный страхъ...
Въ груди рыданья трепетали
И замирали на устахъ.

Желаній судорожныхъ полный,
Съ огнемъ въ клокочущей крови,
Какъ огласить хотѣлъ я волны
Мольбами жизни и любви!

---

* * *

— Здравствуйте, бодрые мыслью и духомъ!—
Всѣ вы, въ комъ барства надменнаго нѣтъ,
Къ братскимъ страданіямъ чуткіе слухомъ,
Всѣ мой примите привѣтъ!
Братья! Есть воля у насъ непреклонная,
Есть у насъ вѣра... Нашъ лозунгъ: «Впередъ—
Всѣ, кому жизнь эта блѣдная, сонная
Жизни живой не даетъ!»
Ночи, темнѣвшей столѣтія цѣлыя,
Призраки скрылись... Заря занялась...
Выйдемъ на встрѣчу ей, бодрые, смѣлые,—
Время и правда за насъ!
Съ первыми краснаго солнца лучами
Въ высь улетитъ непроглядный туманъ;
День нескончаемый вспыхнетъ надъ нами,
Веселъ и пышно румянъ!

1882.

* * *

Я твой, земля! Твои страданья,
Твои восторги близки мнѣ,—
Былинки мирное шуршанье
И ропотъ грома въ вышинѣ.

Я—твой!.. И волновать до гроба
Земная будетъ жизнь меня,
Ея тоска, любовь и злоба,
Заботы вѣчности и дня.

На крыльяхъ грёзъ въ лазури вольной
Люблю, какъ птица, я нырять,
Но страшно мнѣ отчизнѣ дольной
Прости послѣднее сказать!

Чтó мнѣ небесъ обѣтованья?..
О, мать-земля, я твой, я твой!
Приму я крестъ, приму страданья,
Но жизнью жить хочу земной!

И если тамъ, въ странѣ безвѣстной,
Иная жизнь и счастье есть,
Хотѣлъ бы я—и рай небесный
Сюда, на землю, перенесть!

Февраль.

---

* * *

Ни въ чемъ очарованья нѣтъ!
Безкровны, будто привидѣнья,
Безъ радостей, безъ тяжкихъ бѣдъ
Влачатся скучныя мгновенья.
И тѣ, кто размышлять привыкъ,
Не покорятся вновь обману:
Имъ каждый звукъ веселья—дикъ,
Имъ каждый день наноситъ рану...

— «Спѣшимъ, о братья! Жизнь—одна...
Пускай же призракомъ мгновеннымъ,
Крылатымъ сномъ мелькнетъ она,
Но—сномъ прекраснымъ, незабвеннымъ!
Не бойтесь смерти... Смерти ночь
Страшнѣе-ль жизни бездыханной?
Кошмаръ безсилья сбросимъ прочь
И въ путь—къ землѣ обѣтованной!
Впередъ! дороги нѣтъ назадъ.»

Но кличъ: «впередъ!» злораднымъ смѣхомъ
Слѣпцы встрѣчаютъ—и вопятъ,

Отдавшись суетнымъ потѣхамъ:
«Безумцы! гибель, гибель вамъ!»
И бьютъ безумцевъ безпощадно...

А солнце жизни свѣтитъ чадно
Самимъ угрюмымъ палачамъ.

---

*
* *

Одолѣли думы мрачныя:
Гибнуть—страшно, жить—страшнѣй!..

Отъ своей болящей совѣсти,
Отъ насмѣшливыхъ друзей
Убѣжать бы невидимкою
Въ лѣсъ дремучій и глухой,
Гдѣ людей отъ вѣка не было
Съ ихъ немолчною враждой;
Убѣжать бы въ горы,—съ облакомъ
Поровняться бы сѣдымъ,
Безъ стыда все горе выплакать
Великанамъ вѣковымъ.
— Братья гордые, свободные,
Научите—ка̀къ стоять
Подъ грозою, въ ночи темныя,
Не робѣть и не дрожать!

***

Надъ рощей пальмъ луна въ раздумьи встала...
Дремало море въ нѣгѣ сладкихъ грёзъ,
И, какъ дитя, волна чуть лепетала,
    Плескаясь мѣрно объ утесъ.
Въ тотъ тихій часъ они вдвоемъ сидѣли
На берегу, безмолвно глядя въ даль.
Его глаза, печальные, горѣли
    Огнемъ любви, ея... едва-ль.
Въ немъ билось сердце судорожно-страстно,
Онъ былъ рожденъ для подвиговъ, для грозъ;
Какъ майскій день, она была прекрасна
    И.. холодна, какъ тотъ утесъ!
Онъ ей сказать сбирался много, много,—
Сказать о томъ, какъ изстрадался онъ,
Усталъ любить съ сомнѣньемъ и тревогой,
    Съ надеждой робкою, какъ сонъ;
Повѣдать все: какъ онъ безумно рвался
На бой со зломъ, чтобы, любя, страдать,
Какъ съ юныхъ лѣтъ быть воиномъ поклялся...
Онъ многое хотѣлъ бы ей сказать
    И—слово вымолвить боялся!

---

* * *

Я твой смѣхъ безпечный, рѣзвый
Позабыть еще не могъ:
Онъ звенѣлъ, не умолкая,
Какъ весенній ручеекъ!

Онъ звенѣлъ... Въ моемъ же сердцѣ
Каждый свѣтлый счастья звукъ
Отдавался тихимъ стономъ
Никому незримыхъ мукъ!

Какъ ребенокъ, ты смѣялась
Надо всѣмъ—и надъ смѣшнымъ,
И надъ тѣмъ, что мнѣ казалось
Заповѣднымъ и святымъ.

И порой, съ тобою вмѣстѣ
Надъ моей смѣясь тоской,
Я хотѣлъ бы лучше плакать,
Горько плакать надъ тобой!

Рѣшеніе.

Въ эти дни больного озлобленья,
Въ эти дни унынья и тоски
Гдѣ найти улыбку ободренья
И поддержку дружеской руки?
Что толпа!—она, завидѣвъ раны
Въ глубинѣ сердечной у тебя,
Предпочтетъ красивые обманы,
Убѣжитъ, спокойствіе любя.
Лучшій другъ поникнетъ головою,
И въ молчаньи грустномъ ты прочтешь:
«Гордымъ будь! Молчи съ своей тоскою,
Мирно спящихъ стономъ не тревожь!»

Милый другъ, въ твоихъ глазахъ глубокихъ
Той же пытки отблескъ вижу я,
Тѣхъ же думъ суровыхъ и жестокихъ,
Но молчишь ты, горе затая.
Ты стоишь въ своемъ вѣнкѣ терновомъ,
До конца готовая страдать,
Никому и ни единымъ словомъ
Не давая мукъ своихъ понять!
А когда отъ боли нестерпимой
Стонемъ мы, пугливые друзья,

О враждѣ кричимъ непримиримой
И взываемъ: «Скоро ли заря?»—
Ты глядишь, какъ-будто удивляясь,
Съ страннымъ блескомъ вдумчивыхъ очей,
И безъ словъ, печально улыбаясь,
Покидаешь шумный кругъ друзей...

О, мой другъ! Я понялъ смыслъ недуга,
День и ночь гнетущихъ душу сновъ,—
И зачѣмъ въ толпѣ людской другъ друга
Избѣгать мы стали, какъ враговъ,
И зачѣмъ, какъ будто, перестало
Биться сердце, течь по жиламъ кровь,
Отчего, какъ никогда бывало,
Жизнь блѣдна, нерадостна любовь.
Понялъ все!.. Товарищъ по страданью,
Тайныхъ сновъ и думъ моихъ сестра!
Есть предѣлъ тупому ожиданью,
Есть конецъ безмолвію... Пора!
Замеръ умъ въ тоскѣ; отъ боли дикой
Грудь изныла, утомилась клясть:
Время намъ—на трудъ идти великій!..
. . . .

---

* * *

— О, сердце! Пора привыкать
Страдать безъ чужого участья,
Оставить ребяческій бредъ —
Погоню за призракомъ счастья.
Не слабымъ и робкимъ идти
Подъ стягомъ могучимъ разсвѣта—
Суровымъ и грубымъ бойцамъ,
Не ждущимъ ни ласкъ, ни привѣта!

— О, сердце! Не бейся въ груди
Порой такъ мучительно-страстно,
Не плачь неутѣшно о томъ,
Чего воротить ты не властно.
Усни! Какъ больное дитя,
Печаль тишиной убаюкай
И личную боль заглуши
Людскою великою мукой!

Іюль.

Надъ могилой друга.

Не плачу я; но сколько слезъ нѣмыхъ
Невольно къ горлу подступаетъ,
Слезъ жгучихъ, огненныхъ, слезъ чистыхъ и святыхъ—
Никто изъ смертныхъ не узнаетъ!
Нѣтъ и проклятій на устахъ...
И небо, небо лишь могло бы
Прочесть въ сердечныхъ тайникахъ
Страницы пламенныя злобы!

— Несчастный другъ! Мой незабвенный братъ!
Враждѣ суровой посвятилъ я
Отнынѣ духъ и плоть... И за спиной дрожатъ,
Я слышу, дерзостныя крылья...
Мнѣ шепчетъ голосъ твой: «Я рано палъ во прахъ.
Борись же ты и будь счастливѣй!
Пусть знамя свѣтлое стоитъ въ твоихъ рукахъ
Еще прямѣй и горделивѣй!»

15 сент.

* * *

Разсѣянъ мракъ — завѣса поднята!
И въ первый разъ я сознаю безъ страха,
Что умерла о счастіи мечта,
И не подняться ей изъ праха.
Роптанье праздное смѣшно,
И лишь дитя такъ долго стонетъ
О томъ, что разъ погребено:
Пусть мертвыхъ мертвые хоронятъ!
Что намъ до мертвыхъ? Разбудить,
Воззвать ихъ къ жизни мы не въ силахъ.
Пока есть капля крови въ жилахъ,
Не будемъ плакать на могилахъ —
Идемъ бороться, мыслить, жить!
Тамъ, гдѣ тревоги и ненастья,
Тамъ счастье любящимъ сердцамъ,
Удѣлъ же призрачнаго счастья
Оставимъ трусамъ и глупцамъ.

Юношѣ.

Если, чувствуя вѣры священное пламя,
Знаешь ты, что не въ силахъ его погасить
Ни друзья, ни враги, что великое знамя
Въ битвѣ правой нести для тебя значитъ — жить,

Что любить, не страдая душой, невозможно
Для того, кому чуткое сердце дано,
А спокойное счастье преступно и ложно,
Разъ повсюду кругомъ безотрадно-темно;

Если такъ, о мой братъ, — не сдавайся трусливо!
Жизнь — борьба, а не рабство... Коль есть
Капля крови — борись! Сбереги горделиво
До конца свою вѣрность святынѣ и честь!

Пловцы.

«Не пора ли отдохнуть, о братья?
Мракъ глубокъ, не видно маяка.
Шевелятся на душѣ проклятья,
Замерла усталая рука.
Нѣтъ ни силъ, ни бодрости, ни воли...
Бросимъ весла! Руль — игрушка волнъ!
Тщетны крики нестерпимой боли,
Гибни, гибни, беззащитный челнъ!»

Такъ, на бой подвигнуты любовью,
Сколько разъ стонали мы... И вновь
Въ пылкомъ сердцѣ, истекавшемъ кровью,
Воскресали силы и любовь!
Сколько разъ мы опускали руки,
Сколько разъ бросали буйный споръ —
И опять съ отвагой шли на муки,
На борьбу за свѣтъ и за просторъ!
Поднимали снова правды знамя, —
И на немъ свѣтились тѣ слова,
Отъ которыхъ ярче жизни пламя,
Даль свѣтлѣй и выше голова!..

Изъ былого.

Какъ страстный горячечный бредъ,
Какъ лепетъ ребяческій, снова
Дни споровъ кипучихъ, дни гордыхъ надеждъ
Выходятъ изъ мрака былого.
Тѣ дни, когда страннымъ казалось для насъ
Встрѣчать межъ друзей иновѣрца,
И міръ былъ такъ жарко, такъ чудно согрѣтъ
Огнемъ неостывшаго сердца;
Когда въ обольстительно-яркихъ чертахъ
Фантазія намъ рисовала
Страданья, гоненья и самую смерть
Во славу и честь идеала!..

Шумна и вольна, какъ весенній потокъ,
Бесѣда росла и кипѣла:
У каждаго кровь клокотала въ груди,
Лицо вдохновенно горѣло.
Угрозы и клики носились кругомъ
Въ потокахъ табачнаго чада,—
И сами, случалось, не видѣли мы
Въ рѣчахъ нашихъ смысла и склада.

Изъ лишняго слова рождалась гора,
Враги межъ друзей находились
И съ пѣной у ртá — не на жизнь, а на смерть —
Словами, какъ шпагами, бились!

Обидныя клички бросались въ лицо
Съ какимъ-то злораднымъ стараньемъ...
И часто кончался безумный раздоръ
Внезапнымъ и страшнымъ рыданьемъ!
То плакало чувство любви молодой,
Поруганной чистой печали;
Завѣтныя, лучшія струны души,
Задѣтыя, гнѣвно рыдали...

И кротости ангелъ тотчасъ пролеталъ,
Казалось, въ каморкѣ убогой:
Раздоръ укрощался и вмигъ тишиной
Смѣнялся стыдливой и строгой...
Мы долго сидѣли смущенной толпой
Вокругъ огорченнаго друга,
И не было рѣчи въ ту ночь о враждѣ
Среди примиреннаго круга.
И всѣ сознавали, что чувствомъ однимъ
Въ груди у насъ сердце согрѣто,
Молились и вѣрили всѣ одному
Великому богу разсвѣта!

Ужъ лампа, мигая, свѣтила тусклѣй,
Подъ говоръ усталый бесѣды,
Когда разойтись мы спѣшили, плотнѣй
Въ дырявые кутаясь плэды.

Свѣтало... Румянецъ морозной зари
Чуть брезжилъ изъ облачной да́ли...
И спали дворцы, и дремала Нева,
И ѳивскіе сфинксы дремали...

Декабрь.

1883.

* * *

Эфемернымъ блистая нарядомъ,
Много звѣздъ загоралось вокругъ,
И подъ ихъ обольщающимъ взглядомъ
Я не видѣлъ тебя, милый другъ!

Но лишь утро востокъ озарило —
Поблѣднѣла звѣзда за звѣздой;
Ты, какъ солнце, межъ тѣмъ восходила
Надъ душою моею больной.

Не мишурной красой ты блистала,
Не искусственно-пышнымъ вѣнкомъ,
Но родная мнѣ дума лежала
И печаль на челѣ молодомъ.

И не та насъ любовь обручила,
Отъ которой такъ сладко въ крови,
А душѣ такъ мучительно-мило
Солнце жизни, безумье любви;

Но — любовь, что̀ чужое страданье
Выше жизни своей признаетъ
И на крестъ, на позоръ, на закланье
Властнымъ голосомъ правды зоветъ!

Январь.

Мечъ и лира.

СКАЗКА.

Мнѣ борьба мѣшала быть поэтомъ,
Пѣсни мнѣ мѣшали быть бойцомъ.
Н. Некрасовъ.

I.

Въ полдень іюльскій горячій, когда задыхались
Лѣсъ и поляны отъ ласкъ зажигающихъ солнца,
Листъ не шуршалъ, и не пѣли безсонныя птицы,—
Отрокъ безпечный игралъ у опушки зеленаго бора.
Смѣло, какъ векша, свободы дитя, на косматыя ели
Бойко взбирался, смѣясь и ликуя, одинъ, безъ призора.
Такъ, утомившись, заснулъ онъ подъ елью тѣнистой
Въ мягкой, душистой травѣ...
Волшебница лѣса подкралась
Тихо, какъ сонъ легкокрылый; взяла осторожно
Въ руки сонливца и въ сказочный замокъ свой дальній
Птицы быстрѣе умчала!
Лѣниво рѣсницы
Онъ разомкнулъ—и глазамъ своимъ долго не вѣрилъ:
Крикъ изумленья въ груди очарованной замеръ!
Онъ увидалъ себя въ чудномъ, залитомъ сіяньемъ,
Райскомъ саду. Величавыя купы деревьевъ

Странныхъ, невиданныхъ формъ, съ золотыми плодами,
Къ свѣтлымъ потокамъ душистыя вѣтви склоняли;
Яркой, цвѣтной чешуей прихотливо мелькая,
Рыбокъ стада веселились въ серебряной влагѣ;
Чашечки чудныхъ цвѣтовъ, что̀ не снятся и въ грёзахъ,
Полныя меда, стыдливо повсюду качались
На стебелькахъ горделивыхъ; надъ ними жъ, какъ пчелки,
Роемъ проворнымъ колибри вились золотые...
Все было тихо, какъ въ храмѣ, и дивно, какъ въ сказкѣ!
Въ сердцѣ какія-то сладкія струны дрожали,
Полныя грусти неясной; знакомое что-то,
Невозвратимо-былое изъ мрака всплывало...

II.

И вспомнилъ домъ онъ, старый барскій домъ.
Подъ окнами печально воетъ вьюга,
Взметая снѣгъ, и въ темной чащѣ лѣса,
Ей плачъ волковъ голодныхъ отвѣчаетъ...
Но въ спаленкѣ уютно и тепло.
Чуть свѣтится лампадка предъ иконой,
Колебля тѣни робкія кругомъ,
И женскій взоръ, мечтательный и грустный,
Къ нимъ устремленъ. Припавъ къ груди родной,
Онъ слышитъ трепетъ сердца дорогого;
И слышитъ онъ, какъ серебристый голосъ,
Любимый голосъ, въ сумеркахъ пугливыхъ,
Въ тиши ему нашептываетъ сказки
Про фей добра, золотокудрыхъ фей,
Про дивные чертоги ихъ и битвы
Съ могучими и злыми колдунами...

Потомъ... Потомъ какой-то сонъ ужасный:
Звучитъ въ дыму торжественное пѣнье,
Протяжное, унылое; проходятъ
Въ печальныхъ ризахъ черные попы
И бѣлый гробъ съ малиновымъ покровомъ,
Въ волнахъ цвѣтовъ, куда-то вдаль несутъ...

И снова дни, и вечера и ночи,
Но, ахъ! безъ сказокъ и безъ милыхъ ласкъ!
Лишь за стѣной сердито плачетъ вьюга,
Да чей-то коготь у дверей скребетъ...

Онъ тишину томительную помнитъ,
Гнетущій мракъ, надъ всѣми въ этомъ домѣ
Кошмаромъ злымъ висѣвшій безъ конца.
Пугливой мышкой черезъ залъ пустынный
Онъ пробирался въ темный уголокъ,
Гдѣ старый шкафъ стоялъ уединенно,
И груды книгъ въ тяжелыхъ переплетахъ
Валялись, позабытые, въ пыли.

Да, въ томъ шкафу таинственномъ, навѣрно,
Жилъ мрачный духъ: какихъ разсказовъ грустныхъ,
Тревожныхъ сновъ онъ нашепталъ ребенку!..
Увы, не зналъ угрюмый, бѣдный демонъ
Тѣхъ сказокъ чудныхъ, сказокъ золотыхъ
Про добрыхъ фей, волшебницъ синеокихъ!
Онъ говорилъ, что въ мірѣ нѣтъ чудесъ,
Что есть лишь зло да ненависть тупая,
Что страшно жить, любя добро и свѣтъ!

III.

Нѣтъ, онѣ есть, милосердныя, добрыя феи,—
Ихъ это свѣтлый чертогъ, ихъ лазурное царство:
Мигъ—и исполнится все, что пророчили сказки!

Яркою молніей мысль проблеснуть не успѣла —
Трепетъ неясный промчался по темнымъ аллеямъ:
Гордыя кроны склонили покорно деревья,
Чашечки розъ, какъ подъ вихремъ незримымъ, погнулись...
Быстро зажмурясь, какъ зайчикъ трусливый, прижался
Къ ложу изъ пышныхъ цвѣтовъ перепуганный мальчикъ.
Но не гроза пронеслась, не чудовище злое
Смертью грозило ему: кто-то любящій, добрый
Тонкой рукою кудрей его нѣжныхъ коснулся...
Сердце его размягчилось мгновенно; онъ поднялъ
Взоръ, отуманенный влагой,—и. дрогнулъ въ восторгѣ!
Вся—доброта и любовь, вся—красота и величье,
Женщина съ видомъ царицы, въ алмазной коронѣ,
Въ бѣлой и легкой, какъ дымъ, драгоцѣнной одеждѣ,
Тихо склонилась, какъ мать, надъ его изголовьемъ.
Жалость свѣтилась во взорѣ лазурномъ, лучистомъ,
Длинныя косы разсыпались золотомъ пышнымъ,
Грудь бѣлоснѣжную вздохъ безпокойный приподнялъ...
Съ крикомъ восторга, смѣясь и рыдая отъ счастья,
Руки впередъ онъ простеръ къ дорогому видѣнью:
«Ты-ль это, ты-ль, ненаглядная, милая мама?
О, наконецъ, я съ тобой навсегда, неразлучно!»

Нѣжно-тоскующимъ взоромъ взглянула прекрасная фея,
Чуть улыбнулась—и, ласки и кротости полный,

Сладкій, какъ звонъ серебра, грустный, какъ шепотъ
дубравы,
— «Да, это я!»—отвѣчалъ ему голосъ знакомый.

IV.

— «Я мать твоя... Но знай: ничто моя любовь
Предъ волею судьбы; мы вновь должны разстаться.
Ты—сынъ земли, и къ ней вернешься вновь —
Въ бою за правду подвизаться!
«Придетъ пора—и ты, дитя, поймешь
Возможность жертвъ, возможность битвы вѣчной
И самъ на жертвенникъ великій принесешь
И сердца кровь, и пылъ сердечный.
«Но по душѣ пройдетъ немало грозъ
До той поры: кипучей жаждой счастья
Зажжется сердце, жаждой сладкихъ слезъ,
Горячей ласки и участья.
«Любовью къ женщинѣ, какъ сказочнымъ огнемъ,
Ты вспыхнешь весь... Отдашься мукамъ страстнымъ...
И будешь ты глупцомъ, и будешь ты рабомъ,
Блаженнымъ будешь и несчастнымъ!
«Потомъ... Да, лишь потомъ, когда остынетъ кровь,
И бурной юности смирятся заблужденья,
Когда почувствуешь, что разумъ можетъ вновь
Свои предписывать велѣнья,—
«Тогда познаешь ты иного бога власть,
Иной тоски огонь неугасимый,
Святой любви къ странѣ своей родимой
Неумирающую страсть.
«Въ ночной тиши, и въ шумѣ дня, и вѣчно
Передъ тобой являться станетъ онъ,

Печальный образъ,—милый безконечно,
Неосязаемый, какъ сонъ.
«Съ улыбкой горькою застывшаго терпѣнья,
Съ мольбой въ очахъ, въ лохмотьяхъ нищеты...
И будутъ кротостью любви и всепрощенья
Свѣтиться всѣ его черты.
«Прощенье въ голосѣ, прощенье въ каждомъ словѣ...
Но ты... Языкъ иной въ тебѣ заговоритъ,—
И эта женщина безъ плоти и безъ крови
Тебя на битву вдохновитъ!
«Охваченъ ярости могучею волною,
Наивенъ, какъ дитя, и, какъ герой, великъ,
Въ священномъ трепетѣ, какъ левъ, готовый къ бою,
Издашь ты мщенья грозный кликъ!
«То будетъ кликъ годами зрѣвшей муки,
Отрада—жертвѣ, ужасъ—палачу...
И скажешь ты, ломая гнѣвно руки:
— О, мать моя, я отомщу!
«—О, гдѣ враги твои? Скорѣе мнѣ, скорѣе
Ихъ имена... Я ихъ низрину въ прахъ!
Безъ искры жалости, самой судьбы вѣрнѣе,
Настигну всюду,—въ городахъ,
«—Въ поляхъ, за пиршествомъ, во снѣ и за работой...—
Но только кличъ твой бранный прозвучитъ,
И въ глубинѣ души навѣкъ порвется что-то,—
Врагъ, точно коршунъ, налетитъ!
«Онъ налетитъ, какъ вихрь въ пустынѣ сонной,
Съ богохуленьями, съ угрозой на устахъ,
Съ глухими воплями... Нахлынетъ, непреклонный,
И уведетъ тебя въ цѣпяхъ!
«Онъ окружитъ тебя холодными, какъ гады,
Стѣнами погреба, гдѣ ночи безъ зари,

И скажетъ голосомъ, въ которомъ нѣтъ пощады:
— Умри!!»

V.

Фея умолкла... Ребенокъ, дрожащій отъ страха,
Голову скрылъ на груди ея въ складкахъ воздушнаго
платья.
Вдругъ, что-то влажное, теплое,—нѣжно, какъ капля
Перваго въ маѣ дождя—лба его тихо коснулось...
Снова, еще и еще...
— Плачешь ты, плачешь? О чемъ же?
Иль не сама ты учила—какъ сладостна жертва,
Рабство позорно, борьба за свободу прекрасна?
— «Да,—отвѣчала поспѣшно волшебница,—знаю...
Но если бъ знать и тебѣ, что̀ скрываю на сердцѣ!
Сколько — ахъ! сколько ихъ, пылкихъ, отважныхъ
душою,
Я проводила въ ту даль, изъ которой обратно
Не возвращаетъ судьба... На кровавую сѣчу
Шли они всѣ, какъ на свадебный пиръ, улыбаясь!
Я же—о, что я могла? Лишь молиться украдкой,
Муку и гибель предвидѣть, да сѣтовать праздно...
Гдѣ они, дѣти мои?!»
И она зарыдала, и страстно
Сына опять обняла...
— «Знаю, роптать безполезно:
Слезы мои и мольбы ты сейчасъ же забудешь,
Выростешь—въ битву пойдешь, удержать я безсильна.
Все, что могу я,—оружіе выбрать любое
Я предоставлю тебѣ; но спѣшить ты не долженъ.

VI.

«Вотъ грубый мечъ... Вотъ—скорбный путь борца!
Тутъ вѣчный зной, тутъ лишь волчецъ безплодный,
Да острый тернъ торчатъ на почвѣ голой,
И что ни шагъ—опасность или жертва.
Съ мечемъ въ рукѣ, со знаменемъ въ другой,
Со взоромъ, устремленнымъ къ свѣтлой цѣли,
Ты грудь одѣнешь, какъ бронёй, безстрастьемъ,
Покинешь кровъ родной, очагъ любимый
И на алтарь свободы понесешь
И жаръ души, еще не утоленный,
И крѣпость мышцъ, и силу воли гордой,
И правый гнѣвъ и правую любовь!
Но вамъ, борцамъ, скитальцамъ безъ пріюта,
Не видѣть нивъ цвѣтущихъ Ханаана:
Роскошный плодъ работы многотрудной
Дано вкусить лишь дальнему потомку.
Безъ жалости и безъ слѣда поглотитъ
Пучина жизни ваши имена...
Но вѣрь, мой сынъ: когда не призракъ—счастье,
Не сонъ пустой и на землѣ возможно,
Оно лишь здѣсь доступно человѣку.

«А это—лира, мирный путь пѣвца.
Нѣтъ крови здѣсь, нѣтъ шума ярыхъ браней!
Я дамъ тебѣ цвѣты, и перлы для вѣнца
И сладкій гулъ рукоплесканій.
Въ созвучья словъ живыхъ волью волшебный ядъ,
Гармонію небесъ и страсти всѣ земныя...

Они, какъ звукъ трубы, надъ міромъ прозвучатъ,
Какъ мечъ, пронзятъ сердца людскія!
Но стукъ меча умретъ и звонъ трубы умретъ,
Какъ бури краткій шумъ, какъ всплескъ минутный моря,
Твоей же лиры стонъ пройдетъ изъ рода въ родъ,
Пока лишь слышны стоны горя!
Ты будешь маякомъ въ беззвѣздной вышинѣ...»

— Такъ лиру жъ мнѣ! Родная, лиру мнѣ!—
«Постой, дитя, не все я досказала!
Какой цѣной получишь ты ее?»
— Цѣной всего! Свободы, жизни мало—
Возьми и сердце, счастье, все!..

VII.

Фея ни слова въ отвѣтъ... Только блѣдныя губы
Дрогнули тихо, да сдвинулись тонкія брови...
Образъ прекрасный вдругъ началъ тускнѣть и мѣшаться
И, какъ въ вечернемъ туманѣ, все разомъ исчезло.
Мальчикъ отъ сна пробудился... Какъ прежде, лежалъ онъ
Въ мягкой, душистой травѣ, подъ косматою елью,
Въ полдень іюльскій горячій, когда задыхались
Лѣсъ и поляны отъ ласкъ зажигающихъ солнца,
Листъ не шуршалъ, и не пѣли безсонныя птицы.
Бойко вскочилъ онъ и началъ рѣзвиться и прыгать..
И ничего онъ не помнилъ—ни феи прекрасной,
Ни ея чудныхъ владѣній, ни грозныхъ пророчествъ!

VIII.

Прошли года, какъ пестрый, смутный сонъ,
И все сбылось, что̀ предсказала фея.
Въ погонѣ юности за призраками счастья
Любилъ онъ женщинъ; былъ блаженнымъ и несчастнымъ,
Безумцемъ и рабомъ... Но сердце въ тишинѣ
Не уставало плакать и томиться,
Къ чему-то рваться и чего-то ждать.
Въ чаду страстей и жаркихъ наслажденій
Онъ позабыться жаждалъ хоть на мигъ —
И не умѣлъ; какъ будто вспомнить что-то
Порой хотѣлъ... Какой-то милый образъ
Уже мелькалъ предъ нимъ въ чертахъ неясныхъ —
И ускользалъ тотчасъ же, горькимъ стономъ
Въ больной душѣ тихонько прозвучавъ...
Когда же кровь въ немъ бурная остыла,
И холодъ мысли страсти пылъ смѣнилъ, —
Тотъ призракъ грустный, сердцу дорогой,
Сталъ навѣщать его печаль все чаще,
Яснѣе все рисуясь и яснѣе, —
И рѣдкій гость сталъ другомъ неотлучнымъ.
То образъ родины, страдалицы святой,
Его очамъ испуганнымъ явился...
Онъ зарыдалъ, увидѣвъ кроткій ликъ,
Истерзанный нуждою и кручиной,
Увидѣвъ кровь ея глубокихъ ранъ!
Онъ закричалъ о мщеніи!..
И что же?

Вдругъ ощутилъ, что мстителемъ суровымъ
Ему не быть, что для волненій битвы
Онъ робокъ и безсиленъ, какъ дитя...
Онъ услыхалъ — тамъ гдѣ-то, въ глубинѣ
Своей души — борьбу и тайный ропотъ,
Немолчный споръ двухъ страстныхъ голосовъ.
Тамъ что-то плакать и стонать хотѣло,
Тамъ что-то муками такими надрывалось,
Какія прочимъ смертнымъ незнакомы!
Онъ словъ искалъ, чтобъ хоть повѣдать дружбѣ
Страдальческую повѣсть, но — увы!
Никто не могъ понять загадки странной,
Съ нимъ раздѣлить его печаль святую:
Кто звалъ его актеромъ, кто — безумцемъ...

И жажда пѣсенъ душу обняла!

IX.

Свѣтлыми шли передъ нимъ вереницами
Братья и сестры, друзья, —
Съ ясной улыбкой, съ веселыми лицами
Шли, свои муки глубоко тая.
Передъ толпою враждебною, дикою
Смѣло свой крестъ на Голгофу несли
Въ гордомъ сознаньи, что битву великую
Долго и честно вели...
И, какъ архангелъ отверженный,
Блѣдный, въ толпѣ онъ стоялъ.
Вопль, черезъ силу удержанный,
Душу томилъ и терзалъ,

Жегъ, какъ у друга украденный
Жизни завѣтнѣйшій кладъ;
Ползъ къ его сердцу холодною гадиной
Самопрезрѣнія ядъ!..

X.

Но не долго въ мукахъ знойныхъ
Онъ томился въ тишинѣ:
Горькій плачъ напѣвовъ стройныхъ
Пролетѣлъ по всей странѣ!
Звуки мести и упрека
Онъ въ сердца, какъ ножъ, вонзалъ,
Въ тьму неправды и порока
Искры свѣта зaронялъ;
Часто съ силой чародѣя
Грубой властвовалъ толпой,
Щеки лютаго злодѣя
Орошалъ живой слезой...
Но порой смолкали звуки —
Онъ въ пустыню убѣгалъ.
Тамъ съ отчаяніемъ руки
Безполезныя ломалъ,
Рвался къ жертвѣ многотрудной
И рыдалъ, рыдалъ въ тиши,
Проклиная даръ свой чудный,
Миръ отнявшій у души!

Январь.

Къ портрету.

Въ эти свѣтлые дни, на зарѣ
Нашей жизни, сулящей ненастье и вьюгу,
Свой портретъ я вамъ шлю, какъ сестрѣ
        И любимому другу.

Будетъ ночь—можетъ быть, безъ зари впереди,—
И разстанемся мы, и не будетъ возврата...
О, тогда, хоть порой, съ сожалѣньемъ въ груди
        Вспоминайте далекаго брата!

Возмущеніе любви.

Ночи сновъ мучительныхъ
И безсонницъ черныхъ,
Дни безумной горести,
Взрывовъ непокорныхъ!
Только, обезсиленный,
Падалъ я, рыдая, —
Снова поднимался я,
Духомъ воскресая.
Только воспаленныя
Закрывались вѣжды—
Снова тихо плакали
Пѣсни безъ надежды.
То тебя на судъ онѣ
Гнѣвно призывали,
Проклинали яростно,
То—благословляли...
Ты ихъ кротко выслушай—
О, молю тебя!
Не осмѣй безъ жалости,
Но прости, любя!

I.

Сбылись мои страшные сны!
То мертвою видѣлъ тебя я:
Ты жилы открыла, забвенья желая,
И щеки такъ были прозрачно-блѣдны.

То видѣлъ тебя я въ тюрьмѣ, за рѣшеткой,
При слабомъ мерцаніи тусклаго дня,

И голосъ твой слабый и кроткій
Едва долеталъ до меня...

Напрасно хотѣлъ уловить я хоть слово,
Напрасно и зрѣнье свое напрягалъ:
Я видѣлъ тебя, но лица дорогого,
Его выраженія я не видалъ!

То бездна глубокая насъ раздѣляла,
И руки къ тебѣ простиралъ я, грустя;
То въ высь отъ меня ты, какъ тѣнь, ускользала,
А я, отставая, рыдалъ, какъ дитя!

2.

Эфирной толпою тѣ свѣтлые дни пролетали,
Волшебный окутывалъ ихъ серебристый туманъ;
Безмолвно и робко мы сладкій питали обманъ,
Стыдливо прекрасную тайну скрывали.

Безъ словъ о любви, но до поздней вечерней поры
Въ каморкѣ твоей разговоръ мы вели безконечный;
Какъ братъ неизмѣнному сердцу сестры,
Тебѣ открывалъ я весь міръ мой сердечный.

Какъ даль намъ тогда рисовалась свѣтла, широка!
О, сколько, въ сознаніи силъ необъятныхъ,
И подвиговъ свѣтлыхъ, и дѣлъ благодатныхъ,
Казалось, свершила бы наша рука!

3.

Страсть налетѣла, какъ бурный порывъ
Неодолимаго шквала,

Скалы сомнѣній и грозные льды —
Все на пути разметала!

Шумно къ твоимъ прикатилась стопамъ
Съ жаждой отзывнаго слова:
Ты ее бредомъ больнымъ назвала
И оттолкнула сурово....

Дико и грозно завыла она,
Жаркой заплакала кровью,
Въ сердцѣ твоемъ отдаваясь тоской
И безконечной любовью!..

4.

Долго борьба наша длилась... Вдали
Слышался рокотъ столичнаго шума,
Въ сумракѣ ночи. Глубокая дума
Насъ обнимала всецѣло... Мы шли,
Будто не чувствуя оба, какъ встрѣчный
Вѣтеръ пронизывалъ холодомъ насъ,
Какъ выступали порою изъ глазъ
Слезы обиды и боли сердечной...

Ты говорила, надежду губя:
— «Другъ мой! одними нейти намъ путями,
Но не хотѣла бъ твоими цѣпями
Я на мгновенье увидѣть себя.
Долгъ нашъ—на страсть ополчиться сурово,
Время разстаться, другъ друга забыть».

Долгъ... О, жестокое, страшное слово!
Смысла его я не могъ уловить

Въ эту минуту безумную... Горе,
Вдругъ налетѣвъ, какъ слѣпой ураганъ,
Душу въ кровавый укутавъ туманъ,
Было безбрежно и бурно, какъ море.
Шелъ я, шатаясь, какъ пьяный; съ трудомъ
Сдерживалъ хлынуть готовыя слезы...

Ты же, казалось, сердечныя грозы
Раньше смирила, во мракѣ ночномъ
Къ жаркой подушкѣ припавъ головою,
Дôсыта выплакавъ горе свое,
Муки желаній безумныхъ, все, все...
И неприступной стояла скалою.
Только смертельная блѣдность лица,
Только звучавшій рыданьями голосъ
Все выдавалъ: ты не меньше боролась
Съ сердцемъ, просившимъ любви безъ конца!

Вѣрить страшась и не въ силахъ не вѣрить,
Дико глядѣлъ на лицо я твое...
Радость, мечта моя, солнце мое,
Передъ тобою ли мнѣ лицемѣрить?
Я для любви огорченной забылъ
Гордость мятежную, юности бога:
Голосомъ плачущимъ долго и много,
Страстно и нѣжно тебя я молилъ!
Просьбой, софизмомъ, угрозой безумной,
Не убѣждая, я все убѣждалъ...
Дѣтски-наивный, онъ трогалъ, пугалъ,
Бредъ этотъ дикій, безсвязный и шумный!—
Душу твою онъ безплодно терзалъ.

Такъ, не сдаваясь, къ рѣкѣ горделивой
Мы подвигались... Порывъ ледяной
Вѣтра ночного, играя волной,
Сонъ прерывалъ ея чутко-пугливый...
Шли мы, разбитые долгой борьбой.

Въ горькомъ раздумьи шаги замедляя,
Глядя волнамъ убѣгавшимъ во слѣдъ,
Долго молчали мы, словно отвѣтъ,
Чей-то отвѣтъ роковой поджидая...

Блѣдный разсвѣтъ заалѣлъ надъ Невой...
. . . .

5.

Руки горестно сжавъ, съ сердцемъ, полнымъ тоской
И готовымъ отъ мукъ разорваться,
Обезумѣвъ при мысли, что часъ роковой
Наступилъ—намъ навѣки разстаться,
Горькій, горькій сорвать поцѣлуй я хотѣлъ
Съ милыхъ устъ, чтобъ и трепетъ, и муку,
И огонь мой въ тебя перелить онъ съумѣлъ...
И его-то прощальному звуку
Положить ты спѣшила предѣлъ!

6.

Борьба окончена — побѣда за тобой!..
. . . .
Но хоть теперь, исполнивъ повелѣнье
Слѣпой судьбы, проклявшей на Руси

За чей-то грѣхъ все наше поколѣнье, —
О, хоть теперь мой разумъ воскреси!
Скажи: за что̀, не зная сожалѣнья,
Убила ты всѣ свѣтлыя мечты
И нашу молодость, скупую на цвѣты,
Одѣла облакомъ тоски и озлобленья?

7.

Отъ рожденья, видно, тѣнь проклятья
Надъ тобой и надо мной витала!
И когда, въ безумный часъ, въ объятья
Ты ко мнѣ съ рыданьями упала,
Опьянѣвъ на краткое мгновенье, —
Ты ужъ знала тайну роковую:
Отравить спѣшила наслажденье,
Оторвать уста отъ поцѣлуя!..
Разогнавъ туманъ горячій страсти,
«Нѣтъ!» и «нѣтъ!» безжалостно твердила;
Разрывая сердце мнѣ на части,
Ты свое безъ ропота разбила.
Я жъ, глупецъ, тебя съ твоей любовью,
Съ этимъ сердцемъ нѣжнымъ и глубокимъ,
Дни за днями истекавшимъ кровью,
Палачемъ я звалъ тебя жестокимъ!

8.

Но... если все это сонъ? Страшный кошмаръ, что̀ порою
Грудь молодую гнететъ непонятно?
Сонъ, только сонъ — о, конечно!
Хочется жить и любить безконечно...

Небо такъ ясно... Глубокой его синевою
Тѣшится взоръ... Жизни даль необъятна!

— О, приходи же, сестра моя милая, гдѣ ты?
Нашихъ сердецъ неугасшее пламя
Вмѣстѣ сольемъ и, любовью согрѣты,
Гордо поднимемъ великое знамя!
Да, приходи — наши пѣсни не спѣты.

Если въ прошедшемъ однѣ лишь безумныя грёзы,
Много страданій напрасныхъ и мало добра,
Если въ прошедшемъ не пышныя розы
Головы наши вѣнчали, сестра,—
Вспомни: едва прикоснулись мы къ жизненной чашѣ...
Вѣрь мнѣ: грядущее — наше!

9.

Тревогу ударило сердце больное —
Я голову поднялъ пылавшую.
Серебрянымъ блескомъ луны залитòе,
Окно озаряло каморку дремавшую,
И слышенъ былъ мухи безсонной полетъ.
Чу, скрипнула дверь... Не *она* ли войдетъ?

Какъ легкая тѣнь,—величавая, блѣдная,—
Вошла ты, прекрасна, свѣтла...

— Сестра моя, другъ мой! Ты снова пришла—
Сказать, что разсѣяна грозная мгла,
Что пытка любовь умертвить не могла,
И пѣсни чтобъ пѣлъ я побѣдныя?

О, ты-ль это, ты-ль, моя добрая, бѣдная?

. . . .

Разсѣялась грёза; поникъ головой
На ложе я жесткое, знойное,
И хлынули слезы горячей волной...
Усни ты, о сердце мое безпокойное,
Усни, если можешь!..

10.

Мнѣ снилось, что ты умерла...
Стоялъ я, безмолвный и блѣдный,
Предъ пышнымъ покровомъ стола
Съ моею голубкою бѣдной..

Ужъ тайны невѣдомой страхъ
Коснулся чела молодого;
Казалось, на блѣдныхъ устахъ
Застыло завѣтное слово.

При блескѣ полдневныхъ лучей
Загадочно свѣчи свѣтили;
Толпы равнодушныхъ людей
Входили и вонъ выходили.

Враждебно взглянувъ на меня,
Къ усопшей съ лобзаньемъ спѣшили,—
Они, что̀ до этого дня
И гнали тебя, и бранили!

Жалѣли страданья твои,
На видъ мой безстрастный дивились,

Въ сокровищахъ нашей любви
Руками нечистыми рылись;

Какъ судьи, шептались кругомъ,
Косясь, головами качали,
Меня обвиняли во всемъ,
Твоимъ палачемъ называли...

И съ плачемъ проснулся я вдругъ! —
Проснулся — и понялъ съ тоскою:
Во снѣ этомъ, бѣдный мой другъ,
Не все было грёзой ночною...

II.

Я воленъ и гордъ... Свѣтъ и пламя въ груди,
И жизни такъ много еще впереди!

Но страшное, темное чувство тревожитъ
Мнѣ душу... Поникла и муза, скорбя...
Я скрыть, милый другъ, не могу отъ тебя,—
Скажи мнѣ: что̀, если, быть можетъ,
Какъ вихрь, налетитъ прежде времени врагъ
И, крылья спаливъ, осмѣявъ и мечту золотую,
На силу и волю мою молодую
Наложитъ оковы и мракъ?..
. . . .

Скажи же, родная: за душной стѣной
Меня навѣстишь ты?.. Съ былою любовью,
Убитой такъ злобно людьми и тобой,
Истекшей живыми слезами и кровью
Подъ гнетомъ печалей великихъ и мукъ,

Забытой, какъ повѣсть терзаній и страха,
И снова, какъ фениксъ, возставшей изъ праха,—
Ко мнѣ ты придешь ли, мой другъ?..

12.

— Такъ знай же: въ тюрьмѣ я!.. Свѣтла и просторна
Тюрьма моя; нѣтъ въ ней рѣшетокъ желѣзныхъ,
Ни шумныхъ затворовъ, ни пытки позорной,
Ни стражей нѣмыхъ, ни цѣпей безполезныхъ.
Весь міръ меня давитъ, какъ злая темница:
Мнѣ душно и тяжко! Я — дикая, вольная птица!
Я проклялъ прошедшаго мракъ безпредѣльный,
Разбилъ, осмѣялъ вѣковыя святыни
И ветхому міру сказалъ я: отнынѣ
Я врагъ твой смертельный!..
Но гдѣ жъ оно, воинство правды и свѣта?
О, гдѣ вы, друзья? Откликайтесь, коль живы!
На бранныхъ полянахъ костьми полегли вы,
И сумракомъ свѣтлая память одѣта.
Иныхъ распиналъ по дорогамъ въ ущельяхъ,
На страшныхъ крестахъ, побѣдитель надменный,
Иныхъ заточалъ въ гробовыхъ подземельяхъ,
Разсѣялъ другихъ по вселенной!
Зловѣщая тьма, какъ во львиной пещерѣ...
Прочны безъ желѣза тюрьмы моей двери!
Не коршуны лютые, злые тираны —
Мнѣ сердце грызетъ что-то болѣе злое:
Окутало душу безсилье нѣмое,
И псы говорящіе лижутъ мнѣ раны.
Кровавый напитокъ по вкусу находятъ...

И стоны мои до тебя не доходятъ?!

13.

Съ трескомъ сводъ небесный
Пополамъ раздался!
И надъ міромъ скорби
Красный день занялся...

И трубилъ Архангелъ
Надъ землей безгласной:
«Пробудитесь, дѣти!
Конченъململ мракъ ненастный.

«Грозныя навѣки
Отошли видѣнья, —
Всѣмъ отнынѣ счастье
И за все прощенье!»

Точно волны въ морѣ
Ночью непогодной,
Колыхался бурно
Океанъ народный;

Въ солнечномъ сіяньи
Лица улыбались,
И вѣнки пестрѣли,
И уста сливались..

И въ толпѣ счастливой,
Плывшей за толпою,
Я увидѣлъ, другъ мой,
Будто насъ съ тобою, --

Юношу съ подругой,
Намъ во всемъ подобныхъ,
Но блаженно-ясныхъ
И душой незлобныхъ.

Чуждые сомнѣній,
Бодрою стопою
Шли они, ликуя
И рука съ рукою.

Мартъ—сентябрь.

---

* * *

По лазури, чуть бѣлѣя,
Вьются стаи облаковъ;
Рѣчка мшистая, синѣя,
Тонетъ въ зелени луговъ.
Незабудокъ мирныхъ глазки
Съ береговъ ея глядятъ,
И кругомъ, какъ въ царствѣ сказки,
Тишина и ароматъ.
Съ умиленною душою,
Съ окрыленною мечтой
Я стою, открытый зною,
Надъ уснувшею волной.
Сильныхъ плечъ ярмо безсилья
Малодушно не гнететъ;
Юность гордая, какъ крылья,
Смѣло мчитъ меня впередъ!
Въ дикій сумракъ лѣтъ далекихъ
Дерзко хочетъ заглянуть,—
И яснѣе водъ широкихъ
Передъ нею жизни путь!

* * *

Проснись, дитя мое, проснись,
От сладких снов и грёз!
Ужъ пиръ готовъ—тебѣ сплетенъ
Вѣнокъ колючихъ розъ.

Спѣши-жъ въ тотъ городъ роковой,
Гдѣ, какъ безумный бредъ,
Проходятъ дни, бѣгутъ года;
Безъ боли—счастья нѣтъ!

Спѣши бороться и страдать,
И пламенно любить,
И жертвой жертвы не считать
И лишь для жертвы жить!

Но свѣтелъ будетъ твой вѣнецъ
Изъ перловъ тайныхъ слезъ...
Проснись, дитя мое, проснись
Отъ сладкихъ сновъ и грезъ!

Сказочный Городъ.

Ты знавалъ этотъ городъ тумановъ,
Городъ холода, мглы и тоски,
Съ пышнымъ сонмомъ дворцовъ-великановъ
Надъ могучимъ просторомъ рѣки,
Заключенной въ оковы гранита,
Съ лабиринтомъ гремящихъ сердито
Стройныхъ улицъ, громадъ-площадей,—
Ты знавалъ на зарѣ своихъ дней?..

Ахъ! любовью болѣзненно-страстной
Я люблю этотъ городъ несчастный!

Блѣдный сѣверъ, мой сѣверъ родной,
Съ красотою его монотонной,
Тихой грусти лучемъ просвѣтленной,—
Весь онъ тутъ, какъ въ картинѣ живой.
Безъ цвѣтовъ и безъ пѣсенъ весна;
Въ бѣлый саванъ наряжены ночи...
Жаждутъ отдыха скорбныя очи,
Но сомкнуться не могутъ для сна,
Съ тайнымъ ужасомъ въ даль устремляясь,
Гдѣ, загадочно, странно сплетаясь,
Тѣни блѣдныя движутся... Стонъ
Чей-то чудится... Бредъ или сонъ?
Или темныя зимнія ночи
Надъ закованной въ цѣпи рѣкой,
Когда яркія звѣздныя очи

Смотрятъ въ душу съ тоскою нѣмой,
И, облитый огнями земными,
Словно хочетъ соперничать съ ними
Возносящійся къ небу чертогъ,—
Я забыть эти ночи не могъ!
Или день, ослѣпляющій блескомъ,
Когда съ глухо рокочущимъ плескомъ,
Пестроты и движенья полна,
Въ даль уходитъ людская волна?..

Даже грозно—нѣмую твердыню,
. . . .
О, друзья! я люблю, какъ святыню...
. . . . Здѣсь и онъ,
Лучшій другъ моей юности бѣдной,
Былъ во цвѣтѣ надеждъ погребенъ.
Часто, слабый, безпомощный, блѣдный,
Онъ мерещился мнѣ въ тьмѣ ночей,
Когда сонъ убѣгалъ отъ очей,
И, безсильною злобой сгорая,
Въ лютой горести руки ломая,
Я на битву врага вызывалъ,
Какъ о счастьи, о жертвѣ мечталъ!..
. . . .
Я люблю этотъ омутъ, гдѣ дышешь
Опьяняющимъ запахомъ ранъ
И клокочущій грозно вулканъ
Подъ ногами усталыми слышишь,
Гдѣ такъ жадно на гибель спѣшишь,
Напрягаешь безумно усилья
И, какъ будто могучія крылья
За спиной ощущая, летишь

Прямо къ безднѣ, съ отвагою дикой...
Какъ колодникъ оковы свои,
Я люблю этотъ городъ великій,
Въ неповинной омытый крови!

Часто, въ вихрѣ борьбы безконечной
Обезсилѣвши, съ болью сердечной,
Со стыдомъ, безъ оглядки бѣжишь
Въ ту родимую ясную тишь,
Гдѣ волшебною сдѣлаться сказкой
Могутъ лютыя муки твои,
Гдѣ живитъ благодатною лаской
Мать-природа, царица любви,
Гдѣ забыть, хоть на время, возможно,
Какъ порою борьба безнадёжна...
Что жъ? Едва въ глубинѣ твоихъ ранъ
Стихнетъ боль, и горячій, кровавый
На мгновенье растаетъ туманъ,—
Онъ ужъ вновь предъ тобой—великанъ
Роковой, въ красотѣ величавой.
Грустный, скорбный, зоветъ онъ къ себѣ
Днемъ и ночью... Въ великой борьбѣ
Истекая слезами и кровью,
Жить враждою зоветъ и любовью!
Въ этомъ зовѣ—моленье и власть,
И угроза и ласка участья,
Обѣщаніе муки и счастья...
Онъ зоветъ—побѣдить, или пасть!

Августъ.

* * *

Съ тоскующей улыбкой, долгимъ взоромъ
Ты на меня смотрѣла, и въ отвѣтъ
На рѣчь любви мнѣ прозвучалъ укоромъ
Вопросъ твой ласковый: «А если это... бредъ?
Бредъ увлеченья, сердца молодого
Недолгій жаръ, мечта, волшебный сонъ?
Миражъ разсѣялся—и путникъ видитъ снова
Песокъ степей да знойный небосклонъ.
Что, если такъ?..»
Въ чаду любви безумной,
Протестовалъ я страстно! Голосъ мой
Звучалъ увѣренно...
Походкою безшумной
Ты шла впередъ, рука съ моей рукой.
Въ ночной тиши, мерцаньемъ звѣздъ далекихъ,
Мерцаньемъ трепетнымъ едва озарена,
Отдавшись вся теченью думъ глубокихъ,
Ты шла впередъ, печальна и блѣдна.

И разрывалась грудь моя на части,
И душу жегъ стыда и гнѣва крикъ,

Что въ грозный часъ борьбы за жизнь и счастье
Такъ жалокъ онъ, любви моей языкъ!
Что онъ не могъ печальное сомнѣнье
Твоей души въ зародышѣ убить
И тусклыхъ дней моихъ безцѣльное томленье,
Какъ солнцемъ, жизнью озарить!

---

* * *

Я такъ люблю тебя, что если солнца лучъ
Съ горячей ласкою твой милый ликъ освѣтитъ,
Когда, бродя по гребнямъ сизыхъ тучъ,
Волшебный свѣтъ очей твоихъ замѣтитъ,—
Твою любовь, завѣтный сердца кладъ,
Я даже съ солнцемъ раздѣлить не радъ!

Когда-жъ порой касается небрежно
Любимыхъ рукъ—нечистая рука,
А ты глядишь довѣрчиво и нѣжно,
Ко всѣмъ добра и всякому близка,—
О, если бъ знала ты, какое въ то мгновенье
Кипитъ въ душѣ моей безумье и смятенье!

Другъ милый мой! Не золотой чертогъ
Построю я тебѣ, моей царицѣ-феѣ:
Я съ музою моей сплету тебѣ вѣнокъ,
Цвѣтовъ весны наряднѣй и свѣжѣе,
И въ томъ вѣнкѣ—рука съ моей рукой—
Иди со мной, умри со мной!

Октябрь.

Затерянныя стихотворенія

М. Ю. ЛЕРМОНТОВА.

(Изъ Фридриха Боденштедта) *).

I.

Какъ твои глазки смѣются, дитя,
Сколько они теплоты сохранили!—
Такъ улыбался когда-то и я:
Люди мой пылъ охладили...

Цѣпью сковали порывы мои,
Гордыя крылья мечты сокрушили...
Небо меня поучало любви,
Люди же злобѣ меня научили!

*) Проживая въ Россіи въ началѣ 40-хъ годовъ, нѣмецкій поэтъ Боденштедтъ черезъ общихъ знакомыхъ доставалъ стихи Лермонтова еще задолго до ихъ напечатанія. Вотъ почему въ его сборникъ переводовъ изъ Лермонтова попало нѣсколько пьесокъ, до сихъ поръ неизвѣстныхъ русской публикѣ въ оригиналѣ: очевидно, онѣ не могли въ свое время быть напечатаны, въ рукописномъ же видѣ не сохранились.

II.

Нѣтъ, не измѣнникъ я отчизнѣ дорогой,
Я сынъ отцовъ моихъ! Но васъ, холоповъ темныхъ,
Чуждаюсь—это такъ. Я—съ гордою душой
И не ползу на костыляхъ заемныхъ.

—

Я могъ еще краснѣть за ваши преступленья,
Не слышать музыки въ бряцаніи оковъ,
Не видѣть красоты въ сверканіи штыковъ—
Меня предателемъ вы звали безъ смущенья!

—

Какъ вы, не пячусь я, но все иду впередъ,
Покрой отсталый вашъ, закалъ вашъ презираю:
Рѣшили вы, что я не понимаю
Страны родной, что я не патріотъ!

III.

Не хотѣли меня вы понять... У меня
Все вы отняли, въ утро весенняго дня...
Не убита лишь гордость моя и отвага!
Поколѣнья идутъ, какъ волна за волной,—
За приливомъ отливъ, за отливомъ прибой,—
И безсмертная смѣна ихъ—благо.

Вы пройдете... Другіе придутъ вмѣсто васъ
Съ кровью свѣжей и чистой, въ которой не разъ
Благородная вспыхнетъ отвага.
И они-то, коль пѣсни мои не умрутъ,

Хоть они мои думы и муки поймутъ,—
И работа ихъ будетъ на благо!

IV.

Едва я началъ размышлять—
Они вскочили въ изумленьи;
Я мысль мою посмѣлъ назвать—
Они схватились за каменья.
Когда же пѣсню я пропѣлъ,
Сознаньемъ правды гордъ и свѣтелъ,
Никто мнѣ въ страхѣ не отвѣтилъ,
Хоть каждый яростью кипѣлъ!

V.

Вы, кого ногами я
Попиралъ въ пылу презрѣнья
И въ глаза ослами звалъ;
Вы, которые прощенья
У меня же шли просить,
Въ дни моей салонной славы
Улыбаясь рабски мнѣ,—
Какъ теперь вы величавы!
Не узнать: вся грудь блеститъ
Орденами, орденами,
И, не глядя на меня,
Вы проходите царями...

VI.

Проходите! Намъ не по пути!
Знать, таковъ порядокъ въ этой жизни:

У того, кто плачетъ объ отчизнѣ,
Крестъ въ груди, у васъ же—на груди...

VII.

О судьбѣ не жалѣйте моей,
Ни о томъ, что отъ дружбы своей
Оттолкнули меня лицемѣры.
Не жалѣйте! Въ тюрьмѣ вы, какъ я!
Все различіе въ томъ лишь, друзья,
Что у вашей побольше размѣры...

VIII.

Нѣтъ, не кляните вы судьбу мою
И объ моемъ не плачьте заточеньи:
Вамъ ваши радости дарю,
Вамъ возвращаю сожалѣнье!

IX.

«Одно лишь слово покаянья—
И снова жизнь твоя въ цвѣтахъ.»

Но лучше я умру въ цѣпяхъ,
Въ тюрьмѣ, или въ странѣ изгнанья
Найду могилу безъ креста,
Чѣмъ ложью оскверню уста,
Чтобы спастись отъ поруганья!

X.

Безъ вины настрадался я вволю
И хотѣлъ бы на волю, на волю!

Но готовъ безъ конца я страдать
Мукой бо̀льшею, если возможно,
Лишь бы въ уровень съ вами не стать,
Съ вашей грязью и святостью ложной!..

XI.

(Заключительная строфа «Сказки для дѣтей».)

Умолкнулъ демонъ, и—читатель мой!
Я тоже смолкну, хоть и съ грустью тайной...
Мою поэму отческой рукой
Отъ лишнихъ словъ, отъ рѣзвости случайной
Спасаетъ цензоръ, мой судья глухой.
Такъ, часто крылья я хочу расправить,
А мнѣ велятъ тотчасъ же точку ставить...
И гибнетъ все: плѣнительная даль
Широкихъ замысловъ и самая мораль!
Но я хочу быть образцомъ смиренья—
Вотъ почему нѣтъ въ сказкѣ заключенья.

XII.

Дождь хлещетъ, рокочутъ
Удары сердитые грома,
И люди пугливо укрылись
Подъ теплою кровлею дома.
Туда все живое стремится
Съ дороги, съ открытаго поля,
А я... Мнѣ не теплая кровля—
Нужна мнѣ раздольная воля!

На волю! на дикую волю!

И лучше погибнуть хочу я
Въ объятіяхъ огненныхъ бури,
Въ безумьи ея поцѣлуя,—
О, лучше на ужасы грома
Смѣнилъ бы я узника долю:
Туда бы, за душныя стѣны,
На волю, на волю, на волю!...

1884.

Фантазія.

I.

Не морская-ль то краса-царевна
Вышла въ полночь изъ глубинъ лазурныхъ
Любоваться зыбью моря гнѣвной,
Тѣшить взоръ блистаньемъ молній бурныхъ?
Въ бѣломъ вся... Ей, будто, незнакомо
Чувство страха—на устахъ улыбка.
Въ грозный часъ она средь волнъ, какъ дома.
Какъ тростникъ, то вся пригнется гибко,
Покорится робко урагану;
То воспрянетъ, взорами блистая,—
Простираетъ руки къ океану,
Къ новымъ битвамъ волны призывая!
Шепчутъ губы страстныя моленья,
Малодушныхъ укоряютъ властно,
Честно павшимъ шлютъ благословенья,
Часъ побѣды призываютъ страстно!
Разметались, точно крылья ночи,
Косы-змѣи, на земь ниспадаютъ,
И, какъ звѣзды, огневыя очи

То блестятъ, то тихо угасаютъ...
Все слѣдятъ съ мольбой и ободреньемъ,
Какъ волна вслѣдъ за волною мчится
Съ бурнымъ плескомъ, съ пламеннымъ рѣшеньемъ—
Побѣдить, или самой разбиться!
Вотъ одна ударилась—разбилась,
Разлетѣлась въ брызги огневыя...
Тихимъ стономъ море огласилось:
«Я разбилась, сестры дорогія!»
Но выходитъ слѣдомъ рать за ратью,
Пламенѣя новой жаждой мщенья:
Кличъ призывный... стонъ глухой... проклятье...
Снова смерть—и снова гулъ сраженья!

Въ тьму временъ идутъ за годомъ годы,
Въ тьму временъ за вѣкомъ вѣкъ идетъ.
За мечту простора и свободы
Длится бой, вражда не устаетъ.
Не дрожитъ утеса грудь нѣмая!
Твердъ и прямъ, властительно-суровъ,
Онъ стоитъ, угрозамъ не внимая,
Все стоитъ въ зеленой шапкѣ мховъ.
Но не спитъ... Въ груди за раной рана
Тайно зрѣетъ... Грозный часъ пробьетъ:
Рухнетъ онъ въ пучину океана,
Рухнетъ съ трескомъ, воздухъ потрясетъ!
И тогда изъ душныхъ стѣнъ неволи,
Съ гордымъ плескомъ, бѣшеной толпой
Хлынутъ волны—хлынутъ, гимномъ воли
Оглашая славный подвигъ свой!

II.

Но, по-одаль, что за тѣнь другая?
Кто онъ, блѣдный юноша? Лежитъ
Онъ у ногъ красавицы, роняя
Жемчугъ слезъ на сумрачный гранитъ.
Онъ излилъ предъ ней всю бурю страсти,
Весь огонь тоскующей души,
Заклиналъ ее мечтой о счастьи,
Свѣтломъ счастьи въ мирѣ и въ тиши;
Звалъ ее—бѣжать отъ урагана,
Гнѣва молній, шума ярыхъ волнъ,
Въ царство грёзъ и сладкаго обмана,
Въ царство сновъ направить легкій челнъ!
— «День придетъ—гигантъ-утесъ поваленъ,
Тяжкій стонъ раздастся въ сердцѣ горъ...
О, слѣпцы! За грудами развалинъ
Новыхъ скалъ вершины встрѣтитъ взоръ!
Вопль тоски, проклятій возгласъ дикій
Облетитъ безбрежный океанъ:
— Это все?.. Вѣка борьбы великой,
Адскихъ мукъ—все было ложь, обманъ?
Это все?!..»
И въ мукахъ изступленья,
Истощивъ огонь молитвъ и слезъ,
Онъ лежалъ безъ признаковъ движенья,
Павъ лицомъ горячимъ на утесъ.

III.

Но не ей, рожденной съ духомъ смѣлымъ,
Знать борьбу и ядъ сомнѣній злыхъ:
Все стоитъ, плащемъ закрывшись бѣлымъ,
Взоръ склонивъ къ пучинѣ водъ сѣдыхъ.
Словно вождь, отважно кличетъ къ бою
За волной волну, за ратью рать,
Словно вождь, даетъ имъ знакъ рукою,
Страшный знакъ—идти и умирать!
Не глядитъ на спутника;—тревожитъ
Миръ его улыбкой безъ рѣчей
И понять, строптивая, не можетъ
Мукъ его и слезъ его объ ней!

Январь.

* * *

Сколько разъ надо мной пролеталъ
Ураганъ, безпощадно суровъ,
Сколько разъ покрывался мой садъ
Лепестками погибшихъ цвѣтовъ,—
И всегда возвращался назадъ
Май въ вѣнкѣ распустившихся розъ,
Съ безмятежной лазурью небесъ
И довѣрчивымъ лепетомъ грёзъ!

Не дивись же, мой любящій другъ,
Что живу я, какъ будто шутя,
Что во мракѣ нависшей грозы
Я тебѣ улыбаюсь, дитя:
Если много въ душѣ твоей силъ,
Молодыхъ, непокорныхъ судьбѣ,
Если кровь безпокойнымъ ключомъ
И кипитъ, и клокочетъ въ тебѣ;
Если вихремъ не все сметено,
Если жизни хоть искра цѣла,—
Вѣрь: опять возвратится весна,
И тепла, и красна, и свѣтла!..

Мартъ.

Буря.

Примчалась буря съ шумомъ, съ блескомъ!
Взбирались волны съ гнѣвнымъ плескомъ
На берегъ, чтобъ меня увлечь;
Грозились молніи сѣдыя
Остановить меня и сжечь;
Струились рѣки дождевыя;
Не умолкая, божій громъ
Гремѣлъ, мнѣ чудилось, кругомъ...

И не нашелъ нигдѣ я крова!
Гдѣ ложь бездушная жила,
Тамъ дверь захлопнулась сурово...
Друзья?— ихъ буря унесла.
Враги?—мольбы не вышло слово
Изъ устъ моихъ... И кровь текла
Изъ ранъ горячею струею,
И умъ былъ удрученъ тоскою...

Тогда къ тебѣ, къ тебѣ одной,
Мой другъ, мой ангелъ-утѣшитель,
Въ твою лишь постучать обитель
Дерзнулъ я робкою рукой.
Не пищи я искалъ, не крова:
Мнѣ нуженъ былъ любви привѣтъ,

Одно твое, одно лишь слово,
Твоихъ очей волшебный свѣтъ.
Но тщетно сердце разрывалось
Отъ скорби—мракъ стоялъ кругомъ...
Я звалъ—мнѣ буря откликалась,
Молилъ—ты спала сладкимъ сномъ!

Сент.

---

* * *

Не счастье я тебѣ принесъ—
О, нѣтъ! я это знаю, знаю:
Я каждый день твой отравляю
Отравою незримыхъ слезъ...
Ты плакать, гордая, не стала-бъ,
Хотя бы къ мѣсту казни шла;
Никто твоихъ не слышалъ жалобъ,
Не видѣлъ хмураго чела!

Цѣпями насъ судьба сковала:
Ни въ даль меня умчавшій валъ,
Освирѣпѣвъ, ихъ не порвалъ,
Ни ты сама ихъ не порвала!
Не разъ, любовь мою проклявъ,
Рвалась на волю ты со злобой
И вновь, къ груди моей припавъ,
Клялась любить меня до гроба!

22 окт.

* * *

Въ минуты радости и горя
Къ тебѣ, мой другъ, къ тебѣ одной
Иду я, съ гордостью не споря:
Ты вдохновитель-ангелъ мой!
Иду съ душой всегда открытой,
То вновь воскресшей, то убитой...
Какъ братъ, припавъ къ твоей груди,
И плачу, и смѣюсь порою,—
И мнѣ прощенье впереди
За всякій грѣхъ передъ тобою!
Въ словахъ ли душу изолью,
Меня ты слушать не устанешь
И жизнь мятежную мою
Съ толпой осмѣивать не станешь.
Какъ въ книгѣ, ты читаешь въ ней
Безъ колебанья, безъ сомнѣнья;
А для меня въ душѣ твоей
Все, все—загадка безъ рѣшенья...

Порой, лишь эта мысль блеснетъ,
Иль въ мукахъ ревности тоскуя,
Молю я тщетно поцѣлуя
И вижу—вся ты мракъ и ледъ,—
О, какъ томлюсь я, негодуя!

Мнѣ страсть волнуетъ бурно кровь,
А ты даришь не страсть больную,
Но ласки полную, святую,
Лишь материнскую любовь.
Въ твоей улыбкѣ я ужъ вижу
Такой ироніи печать...
И такъ тебя я ненавижу,
Такъ начинаю проклинать!

Но вотъ минулъ порывъ мятежный,
И вижу я въ твоихъ очахъ
Опять прощенья отблескъ нѣжный,
И муки слѣдъ, и тайный страхъ,
И вижу—какъ, ломая руки,
Винить готова ты себя
За неспособность жить, любя,
За неумѣнье жить безъ муки...
О, другъ мой! вновь къ твоей груди
Я припадаю головою...
И новый грѣхъ передъ тобою
Ты мнѣ, любимая, прости!

Письмо.

Оно дрожитъ въ рукахъ моихъ,
Письмо любви, столь дорогое,
Гдѣ каждый знакъ и каждый штрихъ,
Все говоритъ мнѣ про былое,—
Про дни, когда жилось теплѣй,
Свѣтлѣй въ грядущее глядѣлось,
Любилось искреннѣй, полнѣй
И жить такъ пламенно хотѣлось!
Безъ слезъ глядѣть я не могу
На этотъ почеркъ торопливый...
И это все теперь я жгу,
Сейчасъ сожгу рукой пугливой?
Нѣтъ, нѣтъ! вѣдь легче было-бъ мнѣ
Сжечь руку въ этомъ же огнѣ!

Но... если чей неблагородный
Взоръ осквернитъ мой уголокъ,
Рукой безстыдной и холодной
Коснется кто завѣтныхъ строкъ?
Завѣтныхъ сердца струнъ коснется,
Надъ всѣмъ нахально насмѣется,
Растопчетъ каждый нѣжный цвѣтъ

Ногою грубою... О, нѣтъ,
Гори скорѣй, гори безслѣдно,
Свидѣтель чистыхъ юныхъ дней!
Въ гробницѣ памяти моей
Усни навѣкъ, о призракъ бѣдный,
Гори скорѣй, гори скорѣй!

Въ морѣ.

Не за каждымъ всплескомъ моря
Кормчій съ трепетомъ слѣдитъ:
Все рѣшитъ послѣдній грозный,
Все девятый валъ рѣшитъ!

Но, чтобъ валъ пришелъ девятый,
Валъ послѣдній, роковой,
Нужны первыя усилья,
Нуженъ первый валъ, второй...

Пусть они едва замѣтны,
Пусть они отражены:
Ждите, братья, ждите съ вѣрой
Побѣждающей волны!

Ноябрь.

1885—1886.

Тайны поэта.

Ты дивилась, я помню, мой другъ,
Звучныхъ метровъ волшебному строю:
Вотъ зачѣмъ, въ шаловливый досугъ,
Всѣ ихъ тайны тебѣ я открою.

Ямбъ... Сверкая, какъ острый булатъ,
Онъ змѣей изворотливой вьется!
Съ каждымъ чувствомъ и другъ онъ, и братъ,
Легче всѣхъ онъ поэту дается.

Дактиль... Съ плавностью мощной рѣки
Онъ течетъ въ тѣснотѣ и просторѣ,
Знаетъ сердца онъ всѣ тайники,
Вѣетъ миромъ на самое горе.

Но хорей говорливъ, какъ весной
Ручеекъ серебристый и зыбкій:
Какъ дитя, омрачится тоской
И опять озарится улыбкой...

Амфибрахій... Наряда нѣжнѣй
Нѣтъ для мукъ затаенно-мятежныхъ
(Но, мой другъ! что тѣхъ жалобъ больнѣй,
Что срываются съ устъ твоихъ нѣжныхъ?).

Анапестъ же... Онъ въ души бойцовъ
Западетъ глубоко и надолго.
Въ самой нѣжности властно-суровъ,
Весь онъ дышетъ сознаніемъ долга.

Поэтъ.

Нѣжно-ль лепечетъ дитя,
Въ колыбели играя,
Дѣдъ ли вздыхаетъ, грустя,
О быломъ вспоминая;

Кроткая-ль свѣтитъ слеза
Въ часъ вечерней молитвы,
Въ сердцѣ-ль бушуетъ гроза
Съ жаждой мести и битвы,—

Все онъ умѣетъ постичь:
Передастъ его лира
Лепетъ, и думу и кличъ...
Повелитель онъ міра!

* * *

Товарищи, братья, друзья!
Не падайте гордой душою,
Ходите, веселость храня
И съ поднятой вверхъ головою.

Не разъ налетитъ ураганъ,
Вашъ камень съ горы низвергая,
Но вы, какъ могучій титанъ,
Работайте, рукъ не слагая!

Услышатъ пророковъ иныхъ
Въ годину тоски и сомнѣній,
Но вы не покиньте для нихъ
Святого труда поколѣній!

Знамёна свободы прямѣй
Въ рукахъ неподкупныхъ держите
И ихъ чистотою сильнѣй
Свободы своей дорожите!

Поставьте ихъ выше всего,
Что знаете въ мірѣ святого,—
И блага отца своего,
И сердца горячаго зова!..

* * *

(Г. А. Л—ну).

Въ цвѣтѣ лѣтъ и силъ кипучихъ,
Въ трудной жизненной борьбѣ
Ты вѣнца изъ терній жгучихъ
Жаждешь, юноша, себѣ.
Ты смѣешься свѣжимъ ранамъ,
Быль не хочешь поминать:
Юный дубъ подъ ураганомъ
Любитъ крѣпнуть и мужать!

Но тому, кто съ думой гнѣвной
Вѣкъ бродилъ въ краю чужомъ
За красой своей—царевной,
Унесенной колдуномъ;
Кто въ тревогахъ жизни бранной
Волосъ свой посеребрилъ,
Въ вихрѣ бурь, въ ночи туманной
Силы юныя сгубилъ;
И, казалось, рокъ враждебный
Умолилъ на склонѣ дней —
Отыскалъ дворецъ волшебный
Съ ненаглядною своей;
И ужъ къ ней, какъ окрыленный,

Руки жадно простиралъ,
Но... лишь воздухъ обнялъ сонный,
Призракъ мертвый и—упалъ,—
Ахъ! тому душой строптивой
Ужъ не рваться снова въ даль,
Подъ улыбкой горделивой
Затаивъ свою печаль!..

* * *

За все, за все,—за гордый пылъ,
За свѣтъ и ласку ободренья
Во дни унынья и смущенья,
Когда надъ бездной я скользилъ,
За все, чѣмъ я такъ счастливъ былъ,—
Самъ точно прóклятый судьбою,—
Я жизнь твою передъ зарею
И тьмой, и ужасомъ облилъ!..

Когда изъ устъ жестокихъ свѣта
Насмѣшекъ ринется потокъ,
И изъ терновыхъ иглъ вѣнокъ
Надѣнутъ на чело поэта,
Я, презирая всѣ хулы,
Спрошу лишь съ болью и тоскою:
О, нѣтъ ли въ томъ вѣнкѣ иглы,
Вплетенной милою рукою?..

Проводы.

Въ этомъ городѣ страшномъ, въ краю роковомъ,
Лишь отдавшійся тинѣ житейской во власть
Можетъ вольно дышать торжествующимъ зломъ
И судьбы не проклясть!

*
* *

Изъ терновника вьетъ здѣсь и слава вѣнокъ—
Не изъ ландышей рощъ и фіалокъ полей...
Ты, голубка моя, ты, мой нѣжный цвѣтокъ,
Дальше, дальше скорѣй!

*
* *

Будутъ страшные дни: душу всю истомишь,
Слезы выплачешь всѣ въ одиночествѣ,—вѣрь!
О, уйди же скорѣй въ безмятежную тишь —
Отдохнуть отъ потерь.

*
* *

Хоть на мигъ, хоть на зло безпощадной судьбѣ,
Обмани свое сердце больное мечтой,
Что страдалъ здѣсь другой, кто-то чуждый тебѣ,
Закаленный борьбой;

Что разсѣется тьма — и увидимъ мы въявь
Наши свѣтлые сны... Тамъ, въ родимомъ краю,
Отдохни, милый другъ мой! Меня же оставь
Выпить чашу мою!

19 апрѣля.

* * *

Въ дни радости свѣтлой, какъ ландышъ стыдливый,
Отъ взоровъ людскихъ, и согрѣтыхъ участьемъ,
Любви твоей солнце таилось пугливо
И мнѣ лишь свѣтило привѣтомъ и счастьемъ;
Но, другъ мой! въ тѣ чудные, ясные дни
Тебя истерзали сомнѣнья мои...

Теперь же, когда въ безотрадной разлукѣ
Такъ мало отъ жизни мечты мои просятъ,
И только чужія холодныя руки
Твою мнѣ далекую ласку приносятъ;
Теперь, когда нашей завѣтной святыни
Съ глумленьемъ коснулась и самая злоба,
И гнѣвъ нашъ безсиленъ, и въ сумракъ пустыни
Изъ свѣтлаго рая мы изгнаны оба,—
О, если бъ ты знала, какъ ночью и днемъ
Грущу я и плачу о счастьи быломъ!

Орлица.

Орлица дѣтище свое
Въ разсѣлинѣ скалы укрыла.
Окрѣпъ птенецъ—и, быстрокрылый,
Умчался, позабывъ ее.
Ей не догнать его! Въ движеньи
Мятежныхъ браней и удачъ
Ему-ль доступно сожалѣнье?

— Не плачь, о мать моя! Не плачь!
Настанутъ дни: худой и блѣдный,
Во прахъ низвергнется боецъ,
И съ головы его побѣдной
Сорвется праздничный вѣнецъ.
Тогда-то, въ дни ночей темнѣе,
Забытъ, осмѣянъ, заклейменъ,
Средь милыхъ тѣней и именъ
Всего теплѣй, всего нѣжнѣе
Тогда тебя я вспомяну,
Тебя, кто жизнь мнѣ далъ въ мученьяхъ,
И въ лебединыхъ пѣснопѣньяхъ
Свою безпечность прокляну!..

Въ черный день.

Въ день черный юности кичливой
Мнѣ дѣтства дней лазурныхъ жаль!

Не голосъ матери пугливой
Мою баюкаетъ печаль.
Она растетъ, темна, какъ море
Подъ налетѣвшею грозой,
И часто въ непосильномъ спорѣ
Я никну буйной головой.
Лежу, какъ трупъ—нѣмой, безсильный...
И сонъ очей не освѣжитъ—
Какой-то демонъ замогильный
Меня, убитаго, казнитъ:
Глазамъ закрытымъ раскрываетъ
Страницы, полныя стыда,
Съ усмѣшкой злобной обнажаетъ
За годомъ годы безъ слѣда.
Я—какъ преступникъ безотвѣтный,
Онъ—какъ бичующій пророкъ...
Но есть одинъ въ душѣ завѣтный,
Святой и чистый уголокъ!
И часто въ мигъ, когда облитый
Нездѣшнимъ холодомъ и тьмой,
Съ душой приниженной, убитой,

Стоишь надъ бездной роковой,
И нѣтъ о жизни сожалѣнья,
И слезъ въ очахъ недостаетъ,—
Вдругъ благодатный лучъ спасенья
Изъ мрака дальнихъ лѣтъ блеснетъ...
И снова я—дитя!.. Безбрежна
Кругомъ полей родимыхъ даль,
И голосъ матери такъ нѣжно
Мою баюкаетъ печаль.

Голосъ.

Въ тѣ дни восторженности юной,
Когда, бывало, озаренъ
Сіяньемъ кроткимъ ночи лунной,
Отъ глазъ усталыхъ гонишь сонъ
И шепчешь пламенныя клятвы,
Въ слезахъ глотая звуки словъ:
«Во всѣ часы великой жатвы
Стоять въ рядахъ ея жнецовъ!» —
Тогда одинъ ужасный голосъ
Меня, я помню, волновалъ.
На головѣ вздымая волосъ,
Онъ холодъ въ душу проливалъ;
Онъ смѣхомъ горькимъ, противъ воли,
Не разъ живые стоны боли
Срывалъ съ моихъ сердечныхъ струнъ.

Онъ говорилъ: «Дружокъ, ты юнъ!
Когда-бъ тебѣ я, пылъ твой мѣря,
Тебя-жъ въ грядущемъ показалъ,
Ты горько-бъ, горько зарыдалъ,
Иль отвернулся, мнѣ не вѣря.
Но вѣрь: какъ въ уголъ бросилъ ты
Когда-то дѣтскую лошадку,

Такъ кинешь и свои мечты!
И, жизни разгадавъ загадку,
Протянешь руку тѣмъ врагамъ,
Которыхъ звалъ на бой жестокій,
И свѣтъ увидишь даже тамъ,
Гдѣ видѣлъ мракъ одинъ глубокій...

— Ты лгалъ, о голосъ злой, ты лгалъ!
. . . .

———

Что я скажу?..

(Памяти Н. А. Кар—вой).

Лежу, какъ трупъ безжизненный!
Все, будто, вижу взглядъ
Глубокій, укоризненный...
Онѣ уже молчатъ,
Уста оледенѣлыя,
Что расцвѣли въ глуши
И, молодыя, смѣлыя,
Смѣялись отъ души!
Былое вновь не сбудется...
Но въ тихій часъ ночной
Все кто-то плачетъ, чудится,
И шепчетъ надо мной:

«Не ты-ль мнѣ кистью пламенной
Даль жизни рисовалъ
И въ городъ душный каменный
Отъ нивъ родимыхъ звалъ?
Чудовище—онъ голодомъ
Привѣтствовалъ меня,

Туманами и холодо̀мъ,
А не сіяньемъ дня...
Уснули грёзы чудныя!
Въ могилѣ я лежу,
Нѣмая, непробудная...»

— А я... что̀ я скажу?

Забытый другъ.

Когда, ледяное молчанье храня,
Угрюмыя стѣны меня обступили,
Отъ жизни, и счастья и свѣтлаго дня,
Какъ трупъ, навсегда отдѣлили;

И трупомъ лежалъ я, и твердой руки
Подать не пришелъ сострадательный геній,
И умъ былъ исполненъ безумной тоски,
Холодныхъ и горькихъ сомнѣній,—

Однажды, я помню, въ полу̀ночный часъ
Услышалъ я голосъ желанный: «Воскресни!
Не все еще взято судьбою у насъ,
Не всѣ еще спѣли мы пѣсни.»

И поднялъ усталую голову я
На зовъ благодатный надежды и свѣта:
То Муза, то бѣдная Муза моя—
Она не забыла поэта!

Сквозь крѣпкія стѣны, затворы дверей,
Какъ голубь залетный, какъ вѣсть утѣшенья,
Впорхнула, чтобъ ласковой пѣсней своей
Смягчить его скорбь и мученья.

Она, чьей любви матерински-святой
Платилъ я скупымъ и холоднымъ вниманьемъ,
Кого лишь украдкой, измученъ борьбой,
Дарилъ торопливымъ лобзаньемъ,

Она, что̀ была такъ грустна и блѣдна,
Пугливо глядѣла рабою забитой,
Теперь, какъ царица, явилась она,
Прекрасна, какъ сонъ позабытый...

Друзьями старинными встрѣтились мы
Безъ горечи въ сердцѣ, съ тепломъ всепрощенья.
О, помню ту ночь я подъ пологомъ тьмы,
Блаженную ночь воскресенья!

И страхъ, и сомнѣнья прогнали мы прочь,
И, словно какъ дѣти, мы стали сердцами:
То громко смѣяться хотѣли всю ночь,
То горькими плакать слезами...

Я все ей повѣдалъ, я все ей открылъ —
Мою изболѣвшую ранами совѣсть,
И какъ я боролся, и какъ я любилъ,
И всю мою скорбную повѣсть.

Съ тѣхъ поръ я ужъ не былъ покинутъ и сиръ.
И часто мы громы съ небесъ призывали!
Но чаще любовь призывали и миръ,
И чаще врагамъ мы прощали...

— О, другъ мой! меня не могила страшитъ,
Не ужасъ забвенья, вражды съ клеветою,

Не край чужедальній, гдѣ вьюга шумитъ,
Но только разлука съ тобою!

Дочь свѣта, меня не покинь ты, молю,
И въ часъ, какъ смежитъ мнѣ потухшія вѣжды,
Пропой мнѣ послѣднюю пѣсню свою,
Прощальную пѣсню надежды!..

---

* * *

Другъ мой, добрый мой другъ! Не проси у меня
Больше пѣсенъ: на нихъ, будто, клятва лежитъ!
Скучны будутъ ихъ звуки въ сіяніи дня,
А теперь, въ эту ночь, буря ихъ заглушитъ.
Ахъ! не въ ясное утро, румяной зарей,
Вышелъ съ музой моей я на жизненный путь:
Громъ сердитый гремѣлъ, и во тьмѣ гробовой
Было жутко глядѣть, было трудно вздохнуть!
Рано душу зажегъ безпокойный недугъ,
Рано въ бурный потокъ волны насъ увлекли,
И лишь раненыхъ стонъ да оружія стукъ
    Вдохновлять насъ могли...

Но хотѣлось бы мнѣ, чтобы стихъ мой упалъ
Въ души чуткія, струны живыя задѣвъ;
И когда бы гнетущій кошмаръ миновалъ,
И надъ Русью побѣдный раздался напѣвъ,
И невзгоды бы всѣ этой мрачной грозы
Захотѣли грядущимъ вѣкамъ разсказать,—
Чтобы въ книгу печалей и нашей слезы
    Не забыли вписать!..

Молитва.

Еванг. Матѳ. XXVI, 31;
Марка, XIII, 19—20.

Дни настали слезъ и гнѣва,
Скорби лютой, страха дни...
Звукъ веселаго напѣва
Смолкъ, погашены огни.
Въ эти дни, когда такъ много
Соблазнившихся о ней,
Правдѣ вѣчной, правдѣ Бога,—
Я одинъ въ тиши ночей
Съ кроткимъ сердцемъ, съ тихимъ плачемъ
Повергаюсь передъ Нимъ.

Къ тѣмъ мольбамъ моимъ горячимъ,
Къ тѣмъ мольбамъ моимъ святымъ,
Сильный гнѣвомъ, чуткій слухомъ,
Боже! слухъ твой преклони:
Чтобы, ради слабыхъ духомъ,
Сократились эти дни!

* * *

Вы говорите: «Не нужна
Намъ слава, не страшны потомки,
Укроютъ наши имена
Забвенья мирные потёмки».

Забвенья ждете вы? — О, нѣтъ!
Вамъ мало было бы забвенья...
Оставите вы прочный слѣдъ,
Вѣкамъ далекимъ въ поученье!
Когда изъ душной тьмы ночной,
Ликуя, красный день проглянетъ,
Отъ васъ, быть можетъ, внукъ родной
Съ тоской и ужасомъ отпрянетъ.
И въ книгѣ памяти святой
О нашихъ жертвахъ и печаляхъ
Вы мрачной ляжете чертой
На окровавленныхъ скрижаляхъ.
И ужъ сѣдая старина
Обвѣетъ насъ давно молчаньемъ,
А ваши будутъ имена
Все повторяться съ содроганьемъ!..

Сила жизни.

Въ темномъ морѣ, въ часъ ночной,
Бурный, непогодный,
Шумной брошенъ я волной
На утесъ безплодный.

Пронеслась гроза... Стоитъ
Тишь на океанѣ,
И родимый край блеститъ
Въ голубомъ туманѣ.

Тамъ опять, шумна, пестра,
Жизнь ключемъ забила,
Объ утраченномъ вчера
Вспоминать забыла!

Гдѣ живая кровь текла,
И струились слезы,—
Молодая жизнь взошла,
Распустились розы.

Безмятежнѣй глубь небесъ,
День яснѣй лазурный,
И пышнѣй зеленый лѣсъ
Послѣ ночи бурной.

Освѣженныя поля,
    Какъ на пиръ, рядятся...
И ужъ милая моя
    Стала улыбаться!

Ты усни, любовь-вражда,
    И замри, угроза:
Ни оттуда, ни туда
    Нѣту перевоза!..

---

* * *

Не поминай, что ты меня сгубила,
Не поминай, что я сгубилъ тебя,
И все, что насъ, какъ злой кошмаръ, томило,
Забудь навѣкъ, забудь любя!

Но въ вихрѣ бурь и новыхъ треволненій,
Для слезъ иныхъ, для радости иной
Ты не забудь блаженныхъ сновидѣній,
Такъ рано прерванныхъ судьбой!

Не все въ нихъ сномъ—о, нѣтъ! не все вѣдь было?
Ихъ слѣдъ живой—не праздный сердца стонъ,
Не сладкій бредъ, что ты меня любила,
И ты сама—не лживый сонъ?

Нѣтъ, нѣтъ, мой другъ! Кровавыми слезами
Платили мы за каждый счастья часъ...
Что-жъ гнѣвъ людской? Не въ силахъ боги сами
Отнять прошедшее у насъ!..

* * *

Все, все простить бы вамъ
Безъ злобы я готовъ!—
Что осквернили храмъ
Моихъ вы думъ и сновъ,
Ворвались въ часъ ночной
Въ святой тайникъ его,
Нечистою рукой
Касаясь до всего.
Онъ грозенъ, правды Богъ:
Я вамъ въ глаза въ тотъ часъ
Смотрѣть безстрастно могъ,
Не опуская глазъ!

Но не прощу я вамъ,—
Вамъ, палачи мои!—
Что вы ворвались въ храмъ
И тишь моей любви.
Свѣжѣе розъ весны
И ландыша скромнѣй,
Она была волны
Полуденной нѣжнѣй...

Купальская ночь.

(Отрывокъ изъ поэмы.)

До утра̀, въ томлёньи страсти изнывая,
Не уснетъ сегодня мать-Земля сырая!

Душный воздухъ полонъ ароматовъ жаркихъ,
Вспыхнули зарницы чьихъ-то взоровъ яркихъ...
Чу! уста слилися въ поцѣлуѣ жгучемъ...
И по степи ровной, по лѣсамъ дремучимъ,
По дремавшимъ чутко камышамъ въ озерахъ,
Какъ отвѣтъ, промчался сладострастный шорохъ!
Пробилъ часъ блаженный: бурею признаній
Хлынули восторги пламенныхъ желаній!
И моленій стоны, и лобзаній звуки...

Мать-Земля тоскуетъ—близокъ день разлуки.
«Ахъ! въ моихъ объятьяхъ ты все больше стынешь,—
Скоро, скоро, милый, ты меня покинешь!
Я опять останусь сиротой печальной...
Вихрь сорветъ осенній мой уборъ вѣнчальный
И одѣнетъ, буйный, пеленою бѣлой
Трупъ мой бездыханный и оледенѣлый...»
Такъ, горюя, плачетъ мать-Земля сырая.

Но, любя безъ мѣры и за все прощая,
Милому сегодня пиръ она великій,
Пиръ любви готовитъ, праздникъ нѣги дикой!..
Великй и чудны этой ночи тайны:
Надъ землей струится свѣтъ необычайный;
Божьи очи-звѣзды кругомъ тѣснымъ стали
И любовно смотрятъ изъ лазурной дали...
Каждый цвѣтикъ малый въ изобильи щедромъ
Льетъ благоуханье; къ сокровеннымъ нѣдрамъ
Кладовъ заповѣдныхъ старины глубокой
Путь открылся вольный и для всѣхъ широкій...
Видимо для глаза и для уха слышно,
Выростаютъ травы; расцвѣтаетъ пышно
Папоротникъ вѣщій и съ разрывъ-травою
Шепчется, кивая яркой головою...

—Сынъ земли любимый!
Ко груди родимой
Въ эту ночь любви и нѣгъ
Ты, о гордый человѣкъ,
Припади съ мольбою,
Съ чуткою душою,
И тебѣ все можетъ дать
Торжествующая мать!

Тихъ курганъ высокій! Спитъ... Иль, можетъ, думу
Тайную лелѣетъ? Къ праздничному шуму
Глухъ и безучастенъ. Надъ его косматой
Шапкою зеленой чередой крылатой
Пролетѣли годы и вѣка промчались,—
И, бывало, такъ ли здѣсь пиры справлялись?
Тутъ не разъ былъ справленъ сабель пиръ кровавый,

Пиръ отваги буйной и казацкой славы!
Тутъ не разъ до-пьяна упивались гости—
Спать навѣки клали удалыя кости!
А той брагой щедрой, брагой хмѣльной, жаркой
Степь еще алѣла,—подъ луною яркой
Ужъ кружилась пляска въ сладострастьи дикомъ
Съ топаньемъ безумнымъ и съ разгульнымъ гикомъ!..

Стихло все, уснуло,
Замерло вокругъ;
Ворогъ не воспрянетъ
И не встанетъ другъ!

Журавли.

(Фантазія.)

Въ осенній грустный день, подернутый туманомъ,
Надъ Вѣчнымъ Городомъ, державнымъ великаномъ,
Тонувшимъ въ зелени причудливой садовъ,—
Надъ лентой пестрою блистающихъ дворцовъ,
Гдѣ пóтомъ былъ людскимъ омоченъ камень каждый,
Надъ грязью нищеты приниженной,—однажды
Станица журавлей на дальній югъ неслась.

Въ завѣтный, чудный край съ рѣшимостью стремясь,
Они, спокойные, необозримой цѣпью
Красиво выстроясь, съ вождями впереди,
Медлительно плыли раздольной, вольной степью...
Въ завѣтный, чудный край! Отважны ихъ вожди,
Безтрепетны сердца, могучи, быстры крылья!

Но трудный ждетъ ихъ путь, великія усилья
И жертвы безъ конца... Жестокою рукой

Ихъ будетъ человѣкъ губить безъ сожалѣнья,
Разсѣетъ ураганъ не разъ во тьмѣ ночной,
И много смѣльчаковъ, въ часы изнеможенья,
Поглотитъ океанъ въ пучинѣ роковой!
И, точно клятвою предъ небомъ и землей—
Со славой пасть, не измѣнивъ рѣшенья,
Вдругъ крикомъ радостнымъ отвѣтилъ брату братъ.
И этотъ гордый кличъ свободы непродажной,
Могучій зовъ борьбы великой и отважной
Надъ оргіей людской раздался, какъ набатъ!

Проникъ онъ, словно царь не вѣдая запрета,
И въ нищенскій подвалъ, и въ душный казематъ,
Къ фабричному станку, кровати лазарета
И въ залъ сверкающій апостольскихъ палатъ.
Смущенъ веселый пиръ... Замолкли мандолины...
Блѣднѣетъ рой гостей: то—буйной черни крикъ!..
И подлѣ колеса безжалостной машины
Звукъ тотъ же услыхалъ измученный старикъ.
Онъ поднялъ голову, усталый и сердитый,
Но мигъ—и просвѣтлѣлъ, любуется въ окно...
И что-то вспыхнуло въ груди его разбитой,
Давно забытое, умершее давно!

Одинъ, въ глухой тюрьмѣ и на соломѣ голой
Въ то время узникъ угасалъ.
Изъ дикой прихоти людского произвола,
Онъ дружеской руки съ отрадой не сжималъ.
И, чу! онъ слышитъ кличъ, куда-то кличъ призывный...
И ледъ отчаянья растаялъ, точно воскъ:
Онъ весь затрепеталъ; какой-то мыслью дивной
Вдругъ загорѣлся вновь похолодѣвшій мозгъ!..

И смерть уже крыломъ чела его касалась,
А скованный языкъ: «Впередъ, друзья!» шепталъ,
И полумертвою рукой, еще казалось,
Кого-то онъ благословлялъ.

Веселый лучъ.

Веселому лучу денницы золотой
Однажды удалось въ окнѣ тюрьмы глухой
Минутнымъ гостемъ появиться.
И узнику ея шепнулъ онъ съ вышины,
Что всюду по землѣ промчался богъ весны,
Что все должно перемѣниться.

«Ужъ цѣпи я сорвалъ съ гремучаго ручья,
Ужъ пухомъ зелени луга украсилъ я;
Уже проснулся и глядится
Въ лазури вешнихъ водъ еще прозрачный лѣсъ,
И жаворонка пѣснь звенитъ среди небесъ,
И все должно перемѣниться!»

И, чу! вотъ подъ окномъ, безпеченъ и шумливъ,
Промчался птичекъ рой, крича наперерывъ
О томъ, какъ весело рѣзвиться,
О тепломъ солнышкѣ, о травкахъ полевыхъ...
Всѣ пѣли радостно, что въ вольномъ царствѣ ихъ
Все, все должно перемѣниться!

И вдругъ, навстрѣчу имъ, и тамъ, въ душѣ больной,
Давно замученной, какъ трупъ давно нѣмой,
Въ своихъ цѣпяхъ уставшей биться,
Пѣвецъ таинственный—откуда, кто, Богъ вѣсть—
Пропѣлъ желанную пророческую вѣсть:
«Все, все должно перемѣниться!»

---

* * *

Ярко небо странъ далекихъ,
Но затмить оно не въ силахъ
Красоту небесъ родимыхъ,
Полинялыхъ и унылыхъ!

И отдастъ больное сердце
Всѣ созвучья въ поднебесной
За шуршаніе осóки
Въ рѣчкѣ мшистой и безвѣстной!

Красотой, довольствомъ, счастьемъ
Сторона цвѣтетъ чужая,
Но милѣй въ своихъ лохмотьяхъ
И слезахъ страна родная!

Сократъ.

Въ кругу друзей, учениковъ
Сидѣлъ Сократъ приговоренный
И кубокъ смерти беззаконной
Спокойно выпить былъ готовъ.
Тогда, не вытерпѣвъ, рыдая,
Предъ нимъ склонился Критіасъ...
Колѣни старца обнимая,
Онъ говорилъ:—«Живи для насъ!
Еще не поздно... кони близко...
Бѣжимъ! я стражу подкупилъ.»
Но сынъ великій Софрониска
Ему съ упрекомъ возразилъ:
«Иль я не воинъ, мечъ носившій
И побѣдившій въ оны дни?
На снѣгъ, мой волосъ убѣлившій,
На сѣть морщинъ моихъ взгляни.
«Когда бы, жалости послушный,
Врагу теперь я уступилъ,
Скажи—не всякій ли-бъ рѣшилъ:
Онъ былъ обманщикъ малодушный!
«Такъ вотъ любили вы кого,
Закономъ вамъ чье было мнѣнье!
Такъ вотъ хваленый умъ его
И къ смерти гордое презрѣнье!..

«Когда-жъ не дрогну сердцемъ я,—
Знай: честный пылъ моихъ ученій,
Моя вражда, любовь моя
Достигнутъ дальнихъ поколѣній.
Глупецъ! и это-ль я отдамъ
За лишнихъ двѣ иль три минуты?..»

Сказалъ—и страшный ядъ цикуты
Поднесъ къ безтрепетнымъ устамъ.

Накануне.

Подъ вой волковъ лѣсной пустыни
Стонала снѣжная мятель
Въ ту ночь, когда рука рабыни
Мою качала колыбель.
Еще не пробилъ часъ завѣтный:
Ночь, только ночь—и свѣтъ блеснетъ
Во тьмѣ юдоли неразсвѣтной,
И нѣтъ обиды безотвѣтной,
И нѣтъ рабовъ, и нѣтъ господъ!
Но накануне избавленья
Свирѣпый бичъ еще хлесталъ,
И не напѣвъ благословленья
Мой слухъ младенческій ласкалъ.
Отцовскій грѣхъ, въ правдивой злобѣ,
Народъ на сына перенесъ:
«Тебя, зачатаго въ утробѣ
Изъ нашихъ мукъ, изъ нашихъ слезъ,
Пусть мѣсяцъ съ солнышкомъ не грѣютъ,
Ни мать-земля не бережетъ,
Пусть вихри буйные обвѣютъ,
Пусть воронъ черный заклюетъ!»

Ужъ рабство гнусное истлѣло,
Но клятва та крѣпка была:

Увы! ни солнце не пригрѣло,
Ни мать-земля не сберегла...
И все мнѣ снится: глушь пустыни...
Бушуетъ снѣжная мятель...
А въ часъ ночной рука рабыни
Мою качаетъ колыбель!

19 февр. 1886.

---

* * *

Страдай одинъ!.. Въ себѣ носи
Свои правдивыя мученья
И, точно нищій, не проси
У встрѣчныхъ взора сожалѣнья.
Слѣды унынья глубже спрячь
И въ день тоски, закрывши двери,
Въ тиши ночной одинъ оплачь
Свои обиды и потери!

Страдай одинъ!.. Въ твоей груди—
Не у людей твое спасенье:
Въ ея сокровищахъ найди
И свѣтъ, и гордое терпѣнье.
А если часъ ударилъ твой
И всѣ надежды пережиты,—
Ну, что-же? Сгибни, какъ герой,
Разбей свой кубокъ недопитый!

Другу юности.

Съ тѣхъ поръ, какъ помнимъ жизнь, товарищъ, не носили
Мы праздничныхъ вѣнковъ на молодыхъ кудряхъ!
Не съ крикомъ торжества, не съ чашами въ рукахъ
На шумный пиръ мы жизни выходили.
И тамъ, гдѣ на цвѣтахъ безпечная толпа
Плясала бѣшено, одной не смяли розы...
Чрезъ иглы терніевъ, всю неприглядность прозы,
Сквозь бурный вихрь и мракъ иная шла тропа:
Друзья возвышенныхъ и чистыхъ наслажденій,
Корыстныхъ помысловъ и радостей враги,
Направили по ней мы пылкіе шаги...
И тамъ простились мы. —
Меня враждебный геній
Повлекъ стремительно! Изранилъ, истерзалъ
О камни острые, о выступы дороги...
Духъ изнемогъ и подкосились ноги—
И къ ложу жесткому я головой припалъ!
Но въ мукахъ ярости, въ часы недужной грёзы,
Но въ ночь отчаянья и въ просвѣтлѣнья мигъ
Не сожалѣнія изъ сердца рвется крикъ
О шумныхъ пиршествахъ, гдѣ пѣсни, свѣтъ и розы.
Нѣтъ, крикъ иной: «Гдѣ ты, о милый братъ,
Гдѣ ты, другъ юности, ея святыхъ видѣній,

Товарищъ первыхъ клятвъ и первыхъ пораженій?
Ужели,—о, ужель и ты ушелъ назадъ?
О нѣтъ, вѣдь нѣтъ? Онѣ другихъ вѣнчали,
Тѣ розы пышныя,—ты взялъ, какъ я, шипы,
Блаженство сновъ, невнятныхъ для толпы,
Высокихъ думъ и ихъ святой печали?»

Сестрѣ.

Въ дни, когда была ночь молчаливая
Въ истомившемся сердцѣ моемъ,
Когда юность безумно-строптивая
Опаленнымъ поникла крыломъ;
Когда вѣра въ друзей надломилася,
И темна была даль и страшна,
Когда муза моя отступилася,—
Ты одна мнѣ осталась вѣрна!
Ты была моей музой-подругою,
Ты щитомъ мнѣ и свѣтомъ была;
Каждый стихъ мой подъ жизненной вьюгою,
Какъ родное дитя, берегла...

Я же могъ лишь обиды жестокія,
Все, чѣмъ мучилъ тебя, вспоминать
И въ безсонныя ночи глубокія
Головой со стыдомъ поникать!

Изъ Чезаре Никколини.

(Итальянскія тюремныя мелодіи 1830 — 1840 г. г.).

I.

ГОЛУБИ.

Тюрьма, какъ нѣкій храмъ, я помню, въ дѣтства годы
Плѣняла юный умъ суровой красотой.
Увы! не царь-орелъ, не воронъ, сынъ свободы,
Къ окошку моему теперь летятъ порой,
Но стая голубей, смиренниковъ голодныхъ,
Воркуя жалобно, своей подачки ждетъ,—
Народъ, не знающій преданій благородныхъ,
Въ позорномъ нищенствѣ погрязнувшій народъ!
Эмблема кротости, любимый житель неба,
О, голубь, бѣдный рабъ, тебя-ль не презирать?
Для тощаго зерна, для жалкой крошки хлѣба
Ты не колеблешься свободой рисковать.
Нѣтъ! въ душу узника ты лишь подбавишь мрака,
Проклятье лишнее въ ней шевельнешь на днѣ...
— Воришка, трусъ и жадный забіяка,
Какъ жалокъ ты, и какъ смѣшонъ ты мнѣ!

———— ——

II.

Обрядъ окончился позорный...
Вотъ, глухо загремѣла дверь
И распахнулась пастью черной...
И я одинъ, одинъ теперь!
И дни пройдутъ, быть можетъ, годы...

— О, здравствуй, гробъ и вмѣстѣ храмъ
И колыбель родной свободы,
Живой укоръ ея врагамъ!
Молчанье тайны, тишь могилы...
Съ тройной рѣшеткою окно
Кидаетъ полусвѣтъ унылый...
Но нѣтъ! не все погребено!
О, сколькихъ блѣдныхъ, скорбныхъ тѣней
Я тихій шелестъ узнаю,—
Борцовъ минувшихъ поколѣній,
Здѣсь чашу выпившихъ свою!
Чу! словно стонъ, иль крикъ угрозы
Еще не смолкъ и по-сейчасъ...
Сырыя стѣны, будто, слезы
Роняютъ изъ закрытыхъ глазъ.

III.

СНЫ УЗНИКА.

1.

Все золотые сны о волѣ...
Но сколько муки, сколько боли
Въ тѣхъ сновидѣньяхъ золотыхъ!

Вотъ, шорохъ дальняго движенья:
Не съ неба-ль ангелъ утѣшенья?
Не другъ ли, вѣстникъ избавленья?
Увы! то смѣна часовыхъ.
И, какъ въ гробу, все тихо снова...

Но, чу! шаги... звучнѣй, звучнѣй...
Запоры прочные дверей
Гремятъ... И выразитъ ли слово
Неудержимый сердца крикъ?
— О, радость! О, блаженства мигъ!—
Она... Какъ мученика слава,
Вошла—прекрасна, величава...

Но что съ тобою? Ты блѣдна,
Ты молчалива, ты грустна?
Съ какой безстрастностью нѣмою
Твоя рука лежитъ въ моей,
Какъ страненъ блескъ твоихъ очей...
О, другъ мой, другъ мой! что съ тобою?
. . . .

2.

Мнѣ снилось—ты навѣкъ уснула,
Но друга не забыла ты
И въ часъ ночной къ нему впорхнула,
Безшумнѣй тѣни иль мечты.
Не загремѣлъ затворъ тяжелый,
Не распахнулась дверь тюрьмы,
Но, какъ въ былые дни веселый,
Мнѣ голосъ прозвучалъ изъ тьмы:
«Я порвала земныя цѣпи!
Передо мной весь Божій міръ—
Небесъ лазоревыя степи,
Свобода вѣчная и миръ.
— Иди за мной!..»

IV.

ПѢСНЯ.

Не уснуть!..
Пышетъ грудь,
Словно пламенная,
И растутъ,
И гнетутъ
Стѣны каменныя.

Вотъ, волной
Грозовой

Подступающая,
Рвется вонъ,
Будто стонъ,
Пѣснь рыдающая!

О, зачѣмъ?
Гробъ твой нѣмъ.
Пѣснь отравленную
Схорони,
Не кляни
Жизнь раздавленную!

Ни за что,
Ни про что
Жизнь загубленную:
Не за кровь—
За любовь
Не подкупленную!

Нѣтъ! не спитъ,
Все болитъ
Грудь пылающая;
И поетъ,
И растетъ
Пѣснь рыдающая...

1887.

---

* * *

Оттого моя арфа безмолвна виситъ,
Что плита гробовая на сердцѣ лежитъ,
Что израненъ я весь,—и безсиленъ мой гнѣвъ,
И звучалъ бы, какъ плачъ похоронъ, мой напѣвъ!

Но придетъ онъ, я жду, вдохновенный пророкъ:
На челѣ его будетъ терновый вѣнокъ,
На рукахъ и ногахъ неповинная кровь,
А на вѣщихъ устахъ пѣснь про жизнь и любовь!

Передъ отъѣздомъ.

Не плачь, сестра моя, что нѣтъ
Надеждъ для твоего поэта,
Что неба вольнаго и свѣта
Ему не видѣть столько лѣтъ!
Самой судьбой для русской Музы
Даны скитанья, скорби, узы,
И безъ терноваго вѣнца
Чтò слава русскаго пѣвца?..

Но, какъ изъ двухъ дубовъ могучихъ
Тотъ въ буряхъ крѣпокъ, какъ утесъ,
Который не въ лѣсахъ дремучихъ,
А въ полѣ, подъ грозою, росъ;
Какъ въ царствѣ тлѣнья, на кладбищѣ,
Пышнѣе розъ душистыхъ кустъ,
Такъ пѣснь полнѣй, свѣтлѣй и чище
Выходитъ изъ страдавшихъ устъ.

---

* * *

Прощай, мой другъ! Я бодръ—воскресни!
Но душу ты мою,
Мой каждый стихъ, звукъ каждой пѣсни
О, сбереги, молю.

День вспыхнетъ надъ ночнымъ туманомъ—
И, на позоръ врагамъ,
Я нашимъ мукамъ, нашимъ ранамъ
Изъ нихъ воздвигну храмъ!

Портретъ.

Странная дѣвушка... Вѣчно веселая,
Какъ ты свой вѣкъ прожила?
Голосъ серебряный, косы тяжелыя,
Смертная блѣдность чела...
Изъ-подъ бровей, округленныхъ рѣшительно,
Звѣзды сіяютъ очей;
Смѣхъ неустанный звучитъ заразительно,
Какъ у безпечныхъ дѣтей.
Что означаетъ онъ? Какъ эту ясную
Душу въ себѣ ты спасла?
Мимо-ль тебя съ непогодой ужасною
Темная туча прошла?
Часто казалось мнѣ—думой унылою
Вдругъ омрачалось чело:
Мигъ—и улыбкою дѣтскою милою
Снова, глядишь, расцвѣло!
Снова порхаешь ты птичкой болтливою
Между печальныхъ подругъ
И оживляешь бесѣдой шутливою
Ихъ затуманенный кругъ...

А, между тѣмъ, въ мою душу сомнѣніе
Черной змѣею ползетъ:

Слава о тяжкомъ крестѣ и терпѣніи
Вслѣдъ за тобою идетъ.
Вонъ, позади тебя, тёрномъ повитая,
Молодость грустно стоитъ,
Сны золотые, до срока убитые
Злобой неправдъ и обидъ.
А впереди—о, какая глубокая
Тьма неразсвѣтныхъ ночей!
Жизнь догоритъ, какъ свѣча одинокая,
Жизнь далеко отъ друзей!

Что же смѣешься ты, плача достойная?
Чаша еще-ль не полна?
Тише!.. Веселость твоя безпокойная
Мнѣ, какъ рыданье, страшна!

Разставаніе.

Никогда я не забуду,
Какъ навѣки мы прощались!

Кони борзые, продрогнувъ,
У воротъ меня заждались.
Въ часъ бѣды неотвратимой
Я былъ веселъ и отваженъ;
Взоръ твой грустный, безнадежный
Чудно-нѣженъ былъ и влаженъ.
Ахъ! впервые видѣлъ слезы
У тебя я на рѣсницѣ
И въ душѣ благоговѣйно
Схоронилъ ихъ, какъ въ гробницѣ.
. . . .
Величаво разстилалась
Неба звѣзднаго картина;
Въ даль безвѣстную тянулась
Снѣгомъ крытая равнина.
Руки милыя сжимая,
Содрогаясь и блѣднѣя,
Говорилъ съ улыбкой ясной
Рѣчи бодрыя тебѣ я.
А отъ муки у обоихъ
Грудь на части разрывалась,

И въ послѣднемъ поцѣлуѣ
Вся любовь твоя сказалась!

Мигъ—и бѣшенная тройка
Понеслась неудержимо...
Я еще разъ что-то крикнулъ —
Ты стояла, недвижима.

Поѣздка кругомъ Байкала.

Зеленѣлъ Байкалъ сердитый,
Клокоталъ гремучій валъ;
По бокамъ висѣли грозно
Цѣпи горъ и кручи скалъ.

Утопая въ вихряхъ снѣжныхъ,
Тройка мчалась день и ночь...
Вдаль отъ родины желанной
И отъ счастья съ милой прочь!

Пурга злилась, бушевала,
И рыдала, и кляла,—
Заметая слѣдъ дорожный,
Все назадъ меня звала!

Чѣмъ темнѣй и безотраднѣй
На душѣ росла печаль,
Тѣмъ яснѣе и привѣтнѣй
Прошлыхъ дней свѣтлѣла даль.

И свѣтлѣла, и смѣялась
И вернуть сулила вновь
Неудавшуюся юность
И убитую любовь...

Но, съ стихіей буйной споря,
Тройка мчала день и ночь
Вдаль отъ молодости свѣтлой
И отъ счастья съ милой прочь.

Грохоталъ Байкалъ сердито,
Зеленѣлъ кипучій валъ...
Впереди громадой темной
Возвышались груды скалъ!

Декабрь.

1889.

---

* * *

Когда съ душой, страданьемъ охлажденной,
И съ убѣленной скорбью головой
Глядитъ старикъ, какъ зритель утомленный,
        На трепетъ жизни молодой
И, видя ночь на небесахъ отчизны,
Не вѣритъ въ свѣтъ и правды торжество,—
Нѣтъ у меня ни рѣчи укоризны,
        Ни утѣшеній для него!

Но если съ грустью никнетъ головою
Живая юность, лишь расцвѣсть успѣвъ,—
Смѣхъ, горькій смѣхъ во мнѣ звучитъ порою,
        Кипя, встаетъ правдивый гнѣвъ.
— О вы, пѣвцы, уставшіе до срока
Пѣть о слезахъ родимой стороны,
И вы, бойцы безъ страха и упрека,
        Свой мечъ вложившіе въ ножны!
Скажите: гдѣ, съ какимъ врагомъ вы бились,
Стремясь впередъ сквозь вьюгу и туманъ?

Какихъ побѣдъ трофеями покрылись,
Гдѣ кровь и язвы вашихъ ранъ?
Смиряли-ль вы со злобой безпощадной
Кипѣнье силъ и крови молодой
И ваше *я*, божка съ утробой жадной,
Убили-ль собственной рукой?
Когда безъ словъ, въ ужасный часъ разлуки,
Старуха-мать приникла къ вамъ въ слезахъ,
Вы, отстранивъ обвившія васъ руки,
Ушли-ль съ безуміемъ въ очахъ?
А сонъ любви,—тотъ свѣтлый и стыдливый
Блаженства сонъ,—вамъ лишь на мигъ свѣтилъ?
И поцѣлуй вашъ первый торопливый,
Увы, послѣднимъ ли онъ былъ?
На вольный крестъ, во имя идеала,
Въ глухомъ краю, среди чужихъ снѣговъ,
Вы шли, друзья, поникнувши устало?..
. . . .
И гнетъ иной—креста еще страшнѣе—
Всю вашу жизнь несли-ль вы на себѣ,—
Сознанья стыдъ, что лучше и полнѣе
Могли отдаться вы борьбѣ?

---

* * *

Смолкъ честный голосъ убѣжденья,
Забылась Муза мрачнымъ сномъ;
Позоръ и мерзость запустѣнья
На мѣстѣ нѣкогда святомъ!

Все, все, что свѣтлаго кипѣло
У пылкой юности въ крови,
Исканье правды, жажда дѣла,
Порывы чистые любви,
Живыя слезы о народѣ,
Стремленій лучшихъ гордый пылъ,
Мечты о братствѣ, о свободѣ—
Все ледъ ироніи покрылъ!
Бойцамъ за правду—укоризны,
Хвалы предателямъ звучатъ;
Уноситъ смерть врага отчизны—
Цвѣты на гробъ ему летятъ!
Разгулъ и пляска карнавала...
Затерты славныя стези,
Потушенъ факелъ идеала,
И знамя свѣтлое въ грязи!..

---

* * *

На зарѣ нашихъ дней, ясныхъ солнечныхъ дней
Люди насъ разлучили,—
И гранитами горъ, и снѣгами степей,
Какъ глухою стѣной, раздѣлили!

Нашей свѣтлой любви каждый нѣжный побѣгъ
Умертвили съ насмѣшкой холодной
И сказали: «Забудьте другъ друга навѣкъ,
Увядайте въ пустынѣ безплодной!»

. . . .

Быть въ могилѣ живымъ, полнымъ силъ молодыхъ,
И въ мечту о свиданьи не вѣрить...
О, способны ли вы этихъ словъ роковыхъ
Все значенье, весь ужасъ измѣрить?
Ни коварству, ни злобѣ бездушныхъ звѣрей
Не придумать свирѣпѣе мщенья...
Пробудитесь же, братья, заплачьте скорѣй—
Еще слово возможно прощенья!

Нѣтъ, вы слѣпы, вы глухи...

* * *

Часа свиданья дождавшись, въ ночной нелюдимой тиши,
Съ трепетомъ въ сердцѣ вхожу я въ тайникъ заповѣдный души.
Долго и жадно гляжу, какъ безумный, на этотъ бездушный,
Блѣдный рисунокъ, и мнится мнѣ,—тѣнью воздушной,
Словно съ туманной вершины, ты сходишь, живая, ко мнѣ.
Годы скитаній, горя, страданій въ дальней чужой сторонѣ
Той красотой на тебѣ просіяли духовной,
Чтò и въ сердцахъ загрубѣлыхъ, покорныхъ мірской суетѣ,
Пошлую жалость мертвитъ о погибшей земной красотѣ...
Какъ онъ незлобенъ и тихъ, этотъ обликъ худой и безкровный!
Что за святая печаль въ этихъ кротко-лучистыхъ очахъ,
Строгая дума въ очерченныхъ гордо устахъ!
Милая, добрая, чистая! Мнѣ-ль, кто на свѣтѣ бѣднѣе
Самаго бѣднаго нищаго,—сердцемъ великимъ твоимъ
Мнѣ ли по-царски владѣть? Я... и тобою любимъ!
О, поддержи же меня безконечной твоею любовью,

Будь мнѣ примѣромъ живымъ, воплощенною совѣстью
будь!
Дай мнѣ отвагу и силу—съ душой, истекающей
кровью,
Муки Тантала терпѣть, горестный выдержать путь!

Взоръ твой лучистый глядитъ и струитъ теплоту и
сіянье.
Грусти въ немъ нѣтъ уже; шепчутъ уста въ малодушьи
упрекъ,
Благословляютъ на крестъ, на разлуку, страданье!
Горькія думы, какъ тѣни, бѣгутъ; страхъ и чуждъ, и
далекъ.
Черная туча умчалась... На сердцѣ свѣтлѣе и тише...
Гордой отваги полна, грудь поднимается выше.
Чувствую душу я чище въ себѣ, безкорыстнѣй,
добрѣй...
Мнѣ не страшны ни года, ни угрозы людей!

1890.

Изъ глуши.

Ни дружеской руки, ни любящаго взгляда...
Чѣмъ вѣру поддержать, чѣмъ горе усладить?
У жалкихъ паріевъ не отнята отрада
Отчизны видѣть свѣтъ, родимый воздухъ пить!
Все отнято у насъ... Убиты до расцвѣта
Любви и счастья сны... Средь холода и тьмы,
Съ душою, полною тепла, добра и свѣта,
Не грѣя, не свѣтя, въ глуши угаснемъ мы.
Угаснемъ безъ слѣда, въ тоскѣ невыразимой,
Въ порывахъ ярости, безсильныхъ, какъ мечта...
. . . .

— Путь скорби и креста, а послѣ—мракъ забвенья?..
Не можетъ быть! Есть судъ правдивый въ небесахъ:
Когда и жизнь и смерть—одной лишь цѣпи звенья,
Когда въ вѣкахъ живетъ и нашъ бездушный прахъ,
Когда сухой листокъ не упадетъ безплодно,
И вѣтеръ не вздохнетъ, чтобъ не оставить слѣдъ,—
О, если такъ, друзья,—скорбямъ души свободной
Забвенья также нѣтъ, безслѣдной смерти нѣтъ!

Какъ грозный океанъ, волнуясь съ плескомъ мѣрнымъ,
Родъ человѣческій сквозь сумракъ золъ и бѣдъ
Путемъ медлительнымъ, но неуклонно-вѣрнымъ
Идетъ, за шагомъ шагъ, впередъ, гдѣ брежжетъ свѣтъ.
Тамъ вѣчный день встаетъ! Тамъ—ни вражды, ни муки,
Свободный, лучшій міръ... Еще рабы страстей,
Все-жъ лучше мы отцовъ, и такъ же наши внуки
Достойнѣй будутъ насъ названія людей.
Я знаю: на костяхъ погибшихъ поколѣній
Любви и счастія прекрасный цвѣтъ взойдетъ;
Кровь жаркая бойцовъ и слезы ихъ мученій
Лишь почву умягчатъ, чтобъ дать роскошный плодъ.
Изъ груды ихъ крестовъ создастся рядъ ступеней,
Ведущихъ родъ людской къ высокимъ небесамъ:
Свершится дивный сонъ—и свѣтлыхъ райскихъ сѣней
Достигнетъ человѣкъ и богомъ станетъ самъ!

О, какъ горитъ звѣзда невѣдомаго счастья,
Какъ даль грядущаго красна и широка!
Что̀ значатъ передъ ней—весь этотъ мракъ ненастья,
Всѣхъ этихъ мукъ и слезъ безумные вѣка?

---

* * *

Я также пѣть бы могъ
Заката пышный блескъ,
Луны сребристый рогъ,
Волны дремотной плескъ.
Я также бы нашелъ
И нужный складъ, и слогъ,
Ко мнѣ-бъ не хуже шелъ
Дешевый вашъ вѣнокъ!

Но взоръ прозрѣвшій мой
Въ испугѣ увидалъ—
Въ печали край родной,
Въ позорѣ идеалъ.
И рай надеждъ моихъ
Развѣянъ, какъ миражъ...
Вотъ отчего мой стихъ
Такъ непохожъ на вашъ!

---

* * *

Нѣтъ, еще мало страдалъ я во имя свободы и свѣта,
Я недостоинъ, о братья, святого названья поэта!

Истинно Божій пѣвецъ, одаренный любовью,
Скорбью рожденный людской и крещенный изгнаньемъ,
Каждую пѣснь покупаетъ страданьемъ,
Славу же—кровью!..

* * *

Если честно вы храните
Идеалы юныхъ лѣтъ,
Если весело стоите
Подъ грозой утратъ и бѣдъ;

Если каждый мигъ готовы
За свою отчизну-мать
И вѣнецъ принять терновый,
И всю сердца кровь отдать,—

Ни вражды, ни раздѣленій
Я межъ васъ не признаю,
Братскій даръ благословеній
Всѣмъ равно отъ сердца шлю.

Въ дни томленья на чужбинѣ,
Въ ночь бѣды въ краю родномъ
Будьте преданы святынѣ,
Ясны духомъ и челомъ!

Юность.

Не съ горделивой усмѣшкой презрѣнья
Съ юностью вашей прощайтесь, друзья,—
Съ этой прекрасной зарей бытія,
Съ этой блаженной порой опьяненья,
Траты слѣпой драгоцѣнныхъ даровъ,
Дерзкой борьбы и съ людьми, и съ богами,
Горькихъ ошибокъ, ребяческихъ сновъ,
Славныхъ побѣдъ и вѣнчанья цвѣтами!
Все, что̀ живого подъ солнцемъ цвѣтетъ,
Къ свѣту и радости взоръ устремляя,
Движется ею одною впередъ...
—Благословенна ты, юность святая!

Пусть мудрецы съ охлажденнымъ умомъ
Трезвому опыту васъ поучаютъ,
Небо миражемъ пустымъ называютъ,
Грёзы о крыльяхъ—несбыточнымъ сномъ.
Въ слѣдъ безпокойной Икаровой тѣни
Смѣло, о братья, отважно впередъ,
Выше, все выше! Не бойтесь паденій
Съ ясныхъ небесныхъ высотъ!

Слава побѣды лишь храбрымъ дается,
Срама не знаетъ погибшій въ борьбѣ...
— Юность, тебѣ наша пѣсня поется:
    Вѣчная слава тебѣ!

Прощаніе.

Промчалась молодость—и нѣтъ отъ ней слѣда!
Однѣхъ ошибокъ рядъ, да позднихъ сожалѣній...
А какъ томилась грудь желаніемъ труда,
Какимъ избыткомъ силъ и свѣтлыхъ вдохновеній!
О, кто-жъ виновенъ въ томъ—ужели я одинъ?
Я честно жить хотѣлъ: на жертвенникъ священный
Любви къ родной странѣ, какъ сынъ и гражданинъ,
Я лучшіе дары сложилъ рукой смиренной—
Свободу, молодость и пѣсенъ чистый жаръ...
И если иногда, въ уныньи малодушномъ,
Не какъ герой встрѣчалъ губительный ударъ,
Иль самолюбія бывалъ рабомъ послушнымъ,
То чаще жертвой былъ... Я ощупью впередъ,
Сквозь бурный вихрь и мракъ, шелъ къ цѣли благородной;
Себѣ я самъ былъ вождь, совѣтникъ и оплотъ,
Мнѣ совѣсть лишь была звѣздою путеводной.
. . . .

Историкъ будущій! Къ тебѣ взываю я:
Коль посреди именъ, отмѣченныхъ несчастьемъ,

Ты вспомнишь и мое,—о, пусть рука твоя
Мой образъ начертитъ съ холоднымъ безпристрастьемъ.
Не нужно лавровъ мнѣ, не нужно пышныхъ розъ—
Пусть ихъ возьмутъ бойцы, не знавшіе сомнѣнья:
Великихъ ради мукъ, обидъ и тайныхъ слезъ
Винамъ моимъ молю пощады и забвенья!

---

* * *

Да! въ мірѣ живыхъ намъ свиданія нѣтъ...
Любя, негодуя, скорбя, проклиная,
Стремлюсь я къ тебѣ, о моя дорогая,
Какъ узникъ на вольный и радостный свѣтъ!
Напрасны проклятья, напрасны моленья:
Отчаянья-ль голосъ, судьбы ли самой—
«Проститесь,—гремитъ, точно звонъ погребенья,—
Со всякой надеждой, со всякой мечтой!»

Но, другъ мой! страданье—стезя идеала:
Блаженъ, кто съ нея до конца не сойдетъ!
Судьба насъ невидимой цѣпью сковала,
Которой ничто никогда не порветъ.
И если года не обвѣютъ молчаньемъ
Хоть доли терзавшихъ намъ душу обидъ,
То рядомъ съ моимъ незабытымъ названьемъ
Стократной хвалою твое прозвучитъ!
Грядущихъ временъ обездоленнымъ братьямъ
Любовь наша будетъ примѣромъ сіять,
А память о нашихъ печаляхъ . . . . .
. . . .

---

* * *

Давно предузналъ я твой жребій, голубка моя до-
рогая!
Какъ племя родное, росла ты, ни ласки, ни счастья
не зная,
И, въ бурю отъ пальмы родимой оторванный вихремъ
листокъ,
Умчалъ тебя въ край неизвѣстный взыгравшій мя-
тежно потокъ.

Въ весеннее нѣжное утро тебя повстрѣчалъ на пути я;
И только глаза твои встрѣтилъ, и думы прочелъ въ
нихъ родныя,—
Какъ въ книгѣ открытой, судьбу твою всю увидалъ,
И втайнѣ тебя я несчастной, навѣки несчастной на-
звалъ!
Недолго небесные громы и бури земныя молчали:
Какъ коршуновъ хищная стая, какъ волки, враги на-
бѣжали
И сыпали въ гнѣвѣ свирѣпомъ удары вражды на тебя;
Друзья помогали ихъ злобѣ—разили, любя!
А то, что въ сочившейся кровью душѣ оставалось
живого,
Сама ты, сама, какъ палачъ, убивала сурово...

И жду я давно безъ проклятій, безъ горькой на сердцѣ
слезы,
Съ застывшей душой ожидаю удара послѣдней грозы!

Да, грянетъ она надо мною, ужасная вѣсть эта, грянетъ,
Опустится молотъ тяжелый, раздавитъ мнѣ душу...
И станетъ
Все ясно безумцу... И, слезы въ груди притая,
Смѣяться я громко начну: «Ты свободна, голубка моя!
Свободна! Отнынѣ ни люди, ни боги невластны
надъ нами,
Надъ нашей любовью безсмертной—вѣдь боги отнынѣ
мы сами!
Мгновенья и годы, о другъ мой, предъ вѣчностью—
звукъ лишь одинъ,
И скоро я встрѣчусь съ тобою въ сіяньи эдемскихъ
равнинъ...»

* * *

Все глубже сонъ и мракъ на небесахъ отчизны,
Все тягостнѣй кошмаръ предательствъ и утратъ;
Замолкли голоса бойцовъ безъ укоризны,
Нахальнѣй и смѣлѣй постыдный кличъ: «Назадъ!»

Но, чѣмъ виднѣй позоръ и чѣмъ слабѣй мерцанье
Когда-то яркихъ звѣздъ, намъ озарявшихъ путь,
Тѣмъ пламеннѣй кипитъ въ душѣ негодованье,
Сильнѣй волнуется измученная грудь!
Бѣги, мечта любви, мечта о примиреньи,
Прочь пѣсни рабскія унынья и тоски!
Я весь—огонь и мечъ, я весь—порывъ отмщенья,
И гнѣва я пѣвецъ до гробовой доски!
И пусть враждебный вихрь измѣны и сомнѣній,
Какъ буря налетѣвъ, все зданіе смететъ
Усилій и трудовъ минувшихъ поколѣній,
Пусть сномъ еще мрачнѣй родимый край заснетъ,—
Того, что темный міръ сіяньемъ озаряло,
Чтò въ жизнь влагало смыслъ, грозѣ не истребить,
И на развалинахъ святого идеала,
Какъ прежде, буду я и вѣрить, и любить!

---

* * *

Снова въ душѣ загораются
Слезы, гроза и смятеніе,
Снова встаютъ—улыбаются
Счастья былого видѣнія!..

Въ ужасахъ доли скитальческой,
Въ дальнихъ снѣгахъ угасающій,
Образъ твой блѣдный страдальческій
Снится мнѣ—бодрый, сіяющій...

Снится мнѣ: цѣпи порвалися!
Къ другу спѣшишь ты, веселая,—
Косы вкругъ плечъ разметалися,
Черныя косы, тяжелыя.

Взоръ загорѣлся плѣнительно...
Голосъ серебряный чудится...
Вѣрить хочу я мучительно—
Грёза блаженная сбудется!

Сбудется, вѣрь мнѣ, желанная!
Слишкомъ ужъ хочется счастія,
Слишкомъ томитъ неустанная
Жажда любви и участія...

Мы на пиру міротворенія
Были докучные зрители,
Зноемъ и нѣгой лобзанія
Сéрдца ещé не насытили!

Общимъ судомъ не развязаны
Нами вопросы несмѣтные,
Въ тайныхъ рѣчахъ не досказаны
Думы завѣтныя!..

---

* * *

Нашъ полдень билъ—и изъ всего,
Чѣмъ юность вольная плѣнялась,
Чѣмъ сердце радостно цвѣло,
Одна надежда намъ осталась:
Что, мертвыхъ, насъ не разлучатъ!

Умолкнетъ злость за дверью гроба:
И въ свѣтлый рай, и въ мрачный адъ,
Мой другъ, войти должны мы оба,
Рука съ рукой соединясь!
Предстанемъ мы на судъ правдивый,
Чтобы враговъ совѣтъ кичливый
Затрепеталъ при видѣ насъ...

И вѣрь: награда будетъ намъ!..
. . . .

22 октября.

* * *

Ты немного опять, но, любя, написала,
Подаривши меня задушевнымъ словцомъ,—
И ревнивое сердце мое задрожало,
Точно арфа, задѣтая грустнымъ пѣвцомъ...
Не того я боюсь, что подъ игомъ страданій
Ты поклонишься волѣ царящаго зла:
Я боюсь—въ эти долгіе годы скитаній
Вмѣстѣ съ горемъ и новыхъ друзей ты нашла!
Я боюсь, что къ былому страданью и счастью,
Къ дорогимъ мертвецамъ ты остыла душой...
На яву и во снѣ съ чародѣйною властью,
Какъ живые, витаютъ они надо мной!

Ахъ! не разъ мое сердце опять откликалось
На привѣтъ обольщающій новыхъ друзей:
Мигъ одинъ—и со стономъ душа закрывалась,
И краснѣлъ я постыдной измѣны своей!
На руины былого гляжу я уныло,
И во тьмѣ ты одна мнѣ горишь, какъ звѣзда...
То, чтó молодость скорбью святою крестила,
Только тó я люблю, и люблю навсегда!

---

* * *

Терпѣнье, кроткое терпѣнье!—
Пройдетъ вражда, исчезнетъ кровь,
Какъ сонъ, какъ тяжкое видѣнье...
У гроба встрѣтимся мы вновь.

До насъ, любя, несчастны были:
Семь лучшихъ жизни лѣтъ губя,
Іаковъ ждалъ своей Рахили...
Я—трижды семь прожду тебя!

И буду скотъ пасти Лавану,
И буду слугъ его рабомъ;
Іаковъ новый, не устану
Всю ночь бороться съ Божествомъ.

Но прозвучитъ труба разсвѣта:
Услышатъ внуки нашу быль,
И вдохновишь ты мысль поэта,
Моя любовь, моя Рахиль!

* * *

Мнѣ снилось сегодня—въ безвѣстномъ краю,
Въ слезахъ, я родимую видѣлъ свою.

— «Скажи, мой желанный, скажи, дорогой,
Дождусь ли тебя я, соколикъ, домой?
Взгляни: мои очи ослѣпли отъ слезъ,
И снѣга бѣлѣй стали пряди волосъ.
Все грезятся мнѣ на яву и во снѣ
Страданья твои въ чужедальней странѣ,
. . . .
Все слышу знакомую поступь и рѣчь...
Нельзя мнѣ спокойно въ могилушку лечь»!

— О, матушка милая! Радъ бы душой
Тебя я утѣшить, вернуться домой...
Три были бы жизни даны мнѣ въ удѣлъ—
Всѣ отдалъ бы я, и къ тебѣ полетѣлъ!
Но душу живую посмѣю-ль продать?
Могла ли-бъ меня ты за сына признать?..

И слезы лились у родимой рѣкой,
И дряхлой качала она головой...

Къ родинѣ.

(Изъ ирландскихъ пѣсенъ О'Коннора).

За что́ любить тебя? Какая ты намъ мать,
Когда и мачиха безчеловѣчно-злая
Не станетъ пасынка такъ безпощадно гнать,
Какъ ты дѣтей своихъ казнишь, не уставая?
Любя, дала-ль ты намъ одинъ хоть красный день?
На нашъ весенній путь, раскинутый широ́ко,
Ты навела съ утра зловѣщей тучи тѣнь,
По каплѣ кровь изъ насъ всю выпила до срока!
Какъ врагъ, губила насъ, какъ яростный тиранъ!
Во мракѣ безъ зари живыми погребала,
Гнала̀ на край земли, въ снѣга безлюдныхъ странъ,
Во цвѣтѣ силы—убивала...
Мечты великія безъ жалости губя,
Ты, какъ преступниковъ, позоромъ насъ клеймила,
Ты злобой душу намъ, какъ ядомъ, напоила...
Какая-жъ мать ты намъ? За что любить тебя?

За что́—не знаю я, но каждое дыханье,
Мой каждый помыселъ, всѣ силы бытія—
Тебѣ посвящены, тебѣ до издыханья!
Любовь моя и жизнь—твои, о мать моя!
И, чтобъ еще хоть разъ твой горизонтъ обширный

Мой глазъ увидѣть могъ, твой сѣрый небосводъ,
Сосновый боръ вдали, сверканье рѣчки мирной,
И нивы скудныя, и кроткій твой народъ,
За то, чтобъ день одинъ могъ снова подышать я
Свободою полей и воздухомъ лѣсовъ,—
Я крестъ поднять бы радъ безъ стона и проклятья,
Тягчайшій изъ твоихъ безчисленныхъ крестовъ!
Въ палящій зной, въ пескѣ сыпучемъ по колѣни,
Съ котомкой нищаго брести глухимъ путемъ,
Послѣднимъ сномъ заснуть подъ сломаннымъ плетнемъ
Въ жалчайшемъ изъ твоихъ заброшенныхъ селеній!..

Батракъ.

(Изъ Маріи Конопницкой).

Въ колосьяхъ желтѣющихъ нивъ утопая,
По узкой межѣ, сквозь рѣдѣющій мракъ,
Въ убогой сермягѣ, кряхтя и вздыхая,
Проходитъ свободный батракъ.
Названье и дѣло еще не бывали,
Казалось, отъ вѣка въ разладѣ такомъ!
Еще не свѣтилось подобной печали
Во взорѣ разумномъ людскомъ!
Тотъ годъ былъ тяжелый: по всходамъ промчался
Серебряный бичъ многоводныхъ дождей,
И пахарь лишь плевелъ безплодныхъ дождался
Съ заплаканной нивы своей.
За подати выгнанъ, какъ звѣрь нелюдимый,
Изъ хаты, онъ брата кругомъ не нашелъ;
Завѣтную горсть лишь землицы родимой
Въ платокъ завязалъ—и пошелъ!..
Свирѣль заиграла надъ синей рѣкою,
Румяное солнце встаетъ изъ-за горъ...
Свободный батракъ! Что-жъ ты сталъ и полою
Кафтана рѣсницы отеръ?

Свободный... Ужъ въ ясли сегодня скотинѣ
Не нужно душистаго сѣна бросать;
Изъ края родного ты воленъ отнынѣ,
Куда загадаешь, бѣжать.
Свободный... Ты тягости въ мірѣ не знаешь,—
Коса развѣ та, что звенитъ за спиной,
Отрепье, которымъ скелетъ прикрываешь,
Да боль отъ тревоги глухой!
Свободный... Малютку послѣдняго—сына,
Въ слезахъ, на кладбище весною ты снесъ,
И съ жалобнымъ визгомъ остался близъ тына
Лежать издыхающій песъ...
Свободный... Вѣдь можешь сидѣть ты бездумно,
Идти, не жалѣя пораненныхъ ногъ,
Рыдать безъ конца, иль смѣяться безумно,
Пѣть пѣсни... Суди тебя Богъ!
Замерзнуть ты можешь, покончить съ собою,
О камни дорожные черепъ разбить...
Заря будетъ снова смѣняться зарею—
Зарѣ для тебя ужъ не быть!
Назадъ оглянулся ты съ горечью новой:
Опишутъ тамъ каждую тряпку въ избѣ,
Убогое поле, лѣсокъ верескóвый...
Коса лишь осталась тебѣ!
Иди же косить!—Хоть издохни безъ хлѣба,
Хоть силу и волю въ конецъ изведи,
Но подать—священная заповѣдь неба,
Ея не нарушь ты, иди!

Чего жъ онъ стоитъ, онъ, свободный, какъ птица?
Живи, коли хочешь, не хочешь—умри,

Въ рѣкѣ утопись, иль изсохни какъ спица,
    Трудясь отъ зари до зари!
И горстью хоть волосы рви онъ—не встрѣтитъ
Ни въ комъ состраданья живого бѣднякъ.
Хоть мертвымъ пади—и никто не замѣтитъ...
    Свободный онъ, вольный батракъ!

Изъ смутныхъ дней.

(Изъ Маріи Конопницкой).

Глубокая бездна въ началѣ вѣковъ раздѣлила
На жертвъ и тирановъ собратьевъ-людей.
Безбрежна она, какъ просторъ неоглядныхъ морей,
Страшна, какъ отверстая рана, темна, какъ могила.
Кровавое мщенье работой мечей и костровъ
Напрасно стремилось наполнить ее до краевъ:
Вѣка протекаютъ, а дна ея все не измѣрить!
Любовь ужъ прощать устаетъ и надежда крылатая
вѣрить!

Волною бурливой людская горячая кровь
Струится въ нее непрерывно... Летятъ преступленья...
Порокъ, добродѣтель, измѣна, любовь,
И скрежетъ проклятій и слезы мученья...
Все тщетно, все гибнетъ въ пучинѣ безъ дна,
И пропасть все такъ же темна и страшна!

Сердца исполиновъ, умовъ безкорыстнѣйшихъ силы,
Движенья народовъ, народовъ могилы,—
Все въ ней исчезаетъ, какъ въ морѣ потокъ:
Отъ берега берегъ все такъ же далекъ!
Боецъ въ нее лозунгъ бросаетъ мятежный,

Мыслитель спокойный—законъ неизбѣжный,
Бѣднякъ—свою скорбь и кровавый свой потъ,
Герой—свою славу, труды свои—геній,
Исторія—смѣну и право явленій;
Самъ Богъ, возмутясь, свои громы беретъ
И мечетъ въ ту бездну: она все зіяетъ—
Высокое небо безъ словъ упрекаетъ!

. . . .

О, ужасъ! О, горе! Погибнетъ ли трудъ?
Ужель этимъ зернамъ безъ счета и мѣры
Плода не увидѣть? Ужель не взойдутъ
Желанные всходы надежды и вѣры,
Что братскую пищу народамъ дадутъ?
Спѣши, о, спѣши, золотое свѣтило!
Надъ безднами горя людского и зла
Взойди, облеченное славой и силой,—
Тобой вѣдь однимъ побѣждается мгла!

———

1891.

Человѣкъ.

I.

«Пусть ты—созданья перлъ, могучій царь творенья:
Кто далъ тебѣ, скажи, вѣнецъ твой золотой?
Ужель ты возмечталъ въ безумномъ ослѣпленьи,
Что я раба твоя, а ты—властитель мой?
«Частицу тайнъ моихъ тебѣ постичь дала я,
И ты возмнилъ, пигмей, что всю меня позналъ,
Что дерзко заглянулъ въ мое святыхъ святая
И свой тамъ начерталъ законъ и идеалъ?
«Глупецъ! Я захочу—и, пораженный страхомъ,
Покорнѣй станешь ты твоихъ смирнѣйшихъ псовъ;
Я землю потрясу—и разлетится прахомъ
Величіе твоихъ гигантовъ-городовъ.
«Я вышлю грозный моръ съ его сестрой—войною,
Цвѣтущія поля я превращу въ пески,
Я разолью моря, одѣну полдень тьмою—
И взвоешь ты, какъ звѣрь, отъ боли и тоски!
«Повѣрь: мнѣ дѣла нѣтъ ни до твоихъ стремленій,
Ни до твоихъ скорбей. Я знаю лишь числа
Безжалостный законъ; ни мукъ, ни наслажденій,
Ни блага для меня подъ солнцемъ нѣтъ, ни зла!

«Живи-жъ, какъ все живетъ: минутною волною
Плесни—и пропади въ пучинахъ вѣковыхъ,
И не дерзай вставать на буйный споръ со мною,
Предвѣчной матерью всѣхъ мертвыхъ и живыхъ»!

2.

Такъ въ вихрѣ, въ молніи, въ грозѣ стихій Природа
Гремитъ, какъ легіонъ нездѣшнихъ голосовъ.
Но съ поднятымъ челомъ и съ возгласомъ «свобода!»
Въ обѣтованный край своихъ лазурныхъ сновъ,
Сквозь бурю, ливень, мракъ, къ долинѣ тихой рая,
Шатаясь, падая подъ ношей крестныхъ мукъ,
Впередъ идетъ титанъ, на мигъ не выпуская
Хоругви мятежа изъ напряженныхъ рукъ.
И гордо говоритъ:
— «Кто-бъ этотъ пылъ священный
Мнѣ въ душу ни вдохнулъ, карая иль любя,
Игра бездушныхъ силъ, иль Разумъ сокровенный,
Вновь погасить его нѣтъ власти у тебя!
«Казни меня, бичуй—пощады не прошу я,
Но знай: и ты во мнѣ пощады не найдешь.
На грозный бой тебя, на смертный бой зову я—
Лишь трупъ холодный мой ты въ цѣпи закуешь!
«Слѣпа ты и мертва въ красѣ твоей суровой,
А я согрѣтъ огнемъ безсмертнаго ума.
Изъ книги бытія, законодатель новый,
Листы я вырву зла, скажу: погибни, тьма!
«Скажу: зажгись, разсвѣтъ! Взойди эдемъ въ пустынѣ,
Гдѣ потъ я засѣвалъ кроваваго труда!
И будешь ты сама служить моей святынѣ,
Иль я съ лица земли исчезну навсегда!»

Сестрѣ.

Печально прошла твоя жизнь моя бѣдная!..
Какъ осень холодная, хмурая, блѣдная,
Безъ радостей дружбы, безъ свѣта любви
Мелькнули всѣ лучшіе годы твои.
Природа, какъ дочь неродную, постылую,
Тебя красотой обдѣлила и силою;
Сокровища-жъ сердца—что̀ радости въ нихъ?
Кто перлы считаетъ въ пучинахъ морскихъ?

Въ себѣ ты родникъ отыскала терпѣнія,
Въ душѣ твоей жившаго свѣтлаго генія,
Струившаго волны аккордовъ святыхъ
Изъ блѣдныхъ и немощныхъ пальцевъ твоихъ.
И мертвыя струны подъ чудными звуками
Дрожали живыми слезами и муками,
Тоскуя, надѣясь, мечтая, любя,
И свой лучезарный былъ міръ у тебя!

Но темная сила, пощады не знавшая,
Проклятьемъ на всей твоей жизни лежавшая,
Дорогу и въ этотъ лазурный эдемъ
Тебѣ заградила на вѣкъ и совсѣмъ:
Изсохли, упали, какъ плети ненужныя,

До срока, до времени руки недужныя,
И гибель, конечная гибель грозой
Нависла надъ жизнью твоей дорогой.

Закрылся рояль, и затихли рыданія,
Уснули мечты... Ни мольбы, ни роптанія...
А какъ твое сердце дрожало въ тиши,
Какъ плакали нѣжныя струны души
Да очи твои молодыя безвинныя,
Какъ слезы ихъ ночи лишь видѣли длинныя,—
Кто знаетъ объ этомъ? Упавшей во тьму
Звѣзды не найти никогда никому!

И въ эту-то ночь своей жизни безбрежную
Всю душу свою милосердную, нѣжную,
Со всѣми дарами любви и тепла,
Чужому несчастію ты отдала.
И къ скорбному брату, бойцу недобитому,
При жизни въ глухую могилу зарытому,
Въ юдоль безысходныхъ сомнѣній и мукъ,
Какъ ангелъ небесный, явилась ты вдругъ.

Явилась, какъ чудная вѣсть утѣшенія,
Любви безъ конца, милосердія, терпѣнія,—
И гдѣ та любовница въ мірѣ, та мать,
Къ которымъ бы могъ я тебя приравнять?
Награды-ль себѣ ты просила, родимая?
Ахъ! даже и пѣснь моя, тайно хранимая
Твоей незнакомой съ корыстью рукой,
Мой другъ, не тебѣ отзывалась—другой!..

Теперь, когда дни воротились ненастные,
И ты далекȯ, мое солнышко ясное,
И некому выплакать горечь обидъ,
И такъ я безсиленъ, такъ всѣми забытъ;
Теперь, когда, правду извѣдавъ жестокую,
Страшась за дорогу твою одинокую,
Послѣднюю кровь я отдать бы готовъ,
Лишь былъ бы твой жребій не столько суровъ,—

Въ часы трудовые и въ полночь угрюмую
Черты дорогія зову я и думаю:
—О, слава! нѣтъ правды въ рѣшеньяхъ твоихъ,
Ты только красивыхъ цѣлуешь и злыхъ.
Но если бы я былъ судьей надъ вселенною,
Тебя я короной вѣнчалъ бы нетлѣнною,
Тебя-бъ на вершины безсмертья вознесъ,
О сердце прекрасное, полное слезъ!..

---

* * *

Во мракѣ былого, въ грядущихъ вѣкахъ
Ищу я, подъ гнетомъ тоски, утѣшенья;
Но трудно парить и орлу въ облакахъ,
Хоть онъ и рожденъ для паренья!

И онъ, быстрокрылый, порой устаетъ
Отважныя дѣлать усилья
И сходитъ на землю съ эфирныхъ высотъ,
Слагая могучія крылья...

— Ахъ! жаждетъ теперь же усталая грудь
Согрѣться подъ кровомъ родимымъ,—
Рыдая, прижаться къ колѣнямъ любимымъ,
Отъ странствій въ далекихъ краяхъ отдохнуть!

* * *

Муки брата смягчая въ чужой сторонѣ,
Ты мнѣ пишешь, дитя, въ утѣшенье:
Тотъ украдкой слезу уронилъ обо мнѣ,
Тотъ свое изъявилъ сожалѣнье.
И обрывки давно позабытыхъ именъ
Изъ тумана годовъ выплываютъ,
Оживая, какъ смутный, болѣзненный сонъ,
И въ груди моей желчь поднимаютъ...

Это тѣ, что̀ когда-то спасенья руки
Мнѣ въ бѣдѣ протянуть не желали

. . . .

А теперь, когда палъ безразсудный боецъ,
Нарушавшій гармонію спячки,—
Почему не потѣшить довольныхъ сердецъ,
Не швырнуть ему барской подачки?..
Имъ дешевая слава дороже всего—
Что̀ имъ слезы правдивыхъ мученій?
— Ахъ, оставьте меня вы страдать одного,
Не хочу я ничьихъ утѣшеній!

Забытый мертвецъ.

Мнѣ снилось—окончились годы
Тяжелой и долгой разлуки:
Къ тебѣ я примчался, какъ вѣтеръ,
Простерши дрожащія руки!
Какъ въ старые годы, толпою
Подруги тебя окружали;
Какъ свѣжія, пышныя розы,
Румянцемъ и счастьемъ сіяли.
Все, все было то же, что прежде,
Ни въ чемъ никакой перемѣны,—
И тѣ же веселыя лица,
И тѣ же уютныя стѣны...
Но только что я показался—
Смолкъ говоръ бесѣды открытой,
Какъ будто въ кругу беззаботномъ
Явился мертвецъ позабытый!
И шепотъ пронесся смущенья,
Движенье мелькнуло испуга...
Тогда лишь отчетливо-ясно
Увидѣлъ я милаго друга.
Какъ мраморъ бѣла, неподвижна,
Сидѣла ты, грустно-нѣмая,
Скрестивъ исхудалыя руки,
Душою далёко витая.

Застывшія очи казались
Полны безконечной печали...
И вдругъ изумленье и радость,
Какъ буря, по нимъ пробѣжали!
Безжизненно-блѣдныя щеки
Внезапнымъ огнемъ озарились,
Навстрѣчу объятіямъ жаднымъ
Поспѣшно объятья раскрылись.
Минута блаженства... И съ крикомъ
Назадъ ты скорѣй отшатнулась,
Какъ будто въ устахъ моихъ жало
Шипящей змѣи шевельнулось!
Упали безсильныя руки
Подъ гнетомъ тоски безпредѣльной;
Какъ снѣгомъ, покрылись ланиты
Опять бѣлизною смертельной.
Души моей холодъ обиды
Струей леденящей коснулся...
Померкла безумная радость...
И снова къ тебѣ я рванулся!
И, складки одежды цѣлуя,
Колѣни твои обнимая,
Шепталъ, задыхаясь, волнуясь:
«Я... я, дорогая, родная!
Все понялъ я чуткой любовью:
Меня ты погибшимъ считала,
По мнѣ, какъ по мертвомъ, поминки
Живыми слезами справляла.
И годы промчались... Не знаю,
Какія страданья,—нужда ли,
Порывъ ли минутный участья—
Съ немилымъ тебя повѣнчали.

Была ты глубоко несчастна
Въ союзѣ любви подневольной
И память усопшаго друга
Хранила въ душѣ богомольно.
Но гробъ растворился... Открой же
Слезами залитыя очи:
Румяное утро прогнало
Кошмары и призраки ночи!
Дитя дорогое, очнися
Отъ грёзы безумной и дикой!
Мы право на счастье земное
Купили цѣною великой.»

Но тщетно тебя заклиналъ я:
Какъ тѣнь, ты изъ рукъ ускользала...
«Нѣтъ, нѣтъ, никогда до могилы!»—
Устами безъ жизни шептала...

---

* * *

Есть эпохи печалей, вѣка есть и годы,
О которыхъ историкъ, скорбя, говоритъ.
Мракъ угрюмѣй, душнѣй въ эти ночи невзгоды,
Но терновый вѣнецъ величавѣй горитъ!
Не о васъ я скорблю, зо́ву чести послушныхъ,
Въ битвѣ съ ложью рѣшившихся жизнь положить:
Я печалюсь о насъ, о друзьяхъ малодушныхъ,
На руинахъ святыхъ остающихся жить.
Ахъ! все помнить, все видѣть,—такъ явственно ви-
дѣть
Все, что, гордые, вы не хотѣли снести,
Безконечно любить, горячо ненавидѣть
И не чувствовать силы за вами идти—
Есть ли пытка страшнѣе?..

1892.

* * *

Дороже райскихъ благъ, всего, друзья, что̀ есть
Для васъ святого во вселенной,
Сокровищъ больше всѣхъ цѣните вашу честь,
Души алмазъ неоцѣненный!
Блюдите этотъ кладъ, какъ дѣвушка свой стыдъ,
Отъ юныхъ дней и до могилы,
И пусть ни злато васъ собою не прельститъ,
Ни поцѣлуй и смѣхъ Далилы!
Ни слезы матери, ни дряхлый вѣкъ отца,
Ни видъ уже готовой плахи
Пусть вашей гордости не сломятъ до конца
Постыдной мыслію о страхѣ!
Не вѣрьте разуму, когда онъ скажетъ вамъ,
Что не измѣна—ходъ лукавый,
Что можно смыть съ души вины случайной срамъ
Годами подвиговъ и славы.
Не вѣрьте: слабости то шепчетъ духъ больной,
Прикрывшись логики личиной...

Бойцу прилично быть не робкою женой,
А чуждымъ трепета мужчиной!

И если побѣдитъ сомнѣнья горькій часъ,
И роковое зло свершится,—
О, знайте: нѣтъ людей, навѣкъ несчастнѣй васъ,
И лучше-бъ въ міръ вамъ не родиться!..
Никто, ничто печаль души не усыпитъ—
Она растетъ, растетъ съ годами...
Довольный врагъ вамъ жизнь, свободу возвратитъ,
Осыплетъ золотомъ, дарами.
Свобода будетъ васъ душить, какъ сводъ тюрьмы,
Червонцы руки жечь вамъ станутъ;
Друзья... О, скорбь! о, стыдъ!—друзья, какъ отъ чумы,
Отъ васъ испуганно отпрянутъ.
Потупитъ взоръ отецъ; мать, дорогая мать,
Родникъ прощенья безконечный,
Грустя о васъ, очей не будетъ осушать...
Міръ облечется въ трауръ вѣчный!

Но пусть простятъ друзья, иль пусть молчитъ пока
Легенда вашего позора:
Коснется-ль вашихъ рукъ товарища рука—
Вы стыдъ почувствуете вора.
Во взглядѣ любящемъ прочтете вы укоръ,
Въ бесѣдѣ дружбы—подозрѣнье...
Все кто-то будетъ вамъ шептать: «Позоръ! позоръ!
Презрѣнье, вѣчное презрѣнье!»

Чрезъ много, много лѣтъ, когда, попавъ опять
Въ водоворотъ борьбы кипучей,

Найдете счастье вы, какое можетъ дать
Бойцу вѣнецъ его колючій,
Не разъ, какъ божій громъ съ безоблачныхъ небесъ,
Какъ адскій духъ средь кущей рая,
Мелькнетъ забытый сонъ... И солнца свѣтъ исчезъ,
И сердце сжала боль тупая!..

. . . .

* * *

Забвенье—вашъ удѣлъ, безумные вѣка!..
Когда отжившій міръ народы перестроютъ,—
Не все исчезнетъ зло, не замолчитъ тоска,
И язвы новыхъ ранъ заноютъ.

Гдѣ свѣтъ сплошной горѣлъ, увидимъ бездну тьмы;
Побѣду возгласивъ, узнаемъ гнѣвъ безсилья
И снова разбивать о душный сводъ тюрьмы
Мы будемъ трепетныя крылья!

Но и въ уныньи зломъ, въ ночи безъ маяка,
Ни разумъ мудреца, ни пылкій духъ поэта,
Мечтая и скорбя о дняхъ любви и свѣта,
Не обратятся къ вамъ, проклятые вѣка!

Идеалъ.

Онъ свѣтитъ, какъ маякъ надъ бездною морскою,
Суля намъ тихій рай за далью непогодъ.
Онъ говоритъ душѣ, истерзанной тоскою:
«Впередъ! Безъ отдыха впередъ!»

Но кто онъ, дивный вождь? Сквозь этотъ мракъ ненастный
Куда стремится онъ? Кто, дерзкій, хоть во снѣ
Черты его видалъ?.. Плѣнительно-прекрасны—
И пóлны ужаса онѣ!
Чему еще вчера молились съ умиленьемъ—
Сегодня стало прахъ, разсѣялось, какъ сонъ;
И то, что въ этотъ мигъ зовется преступленьемъ,—
Святыня завтра и законъ!
Свобода, разумъ, честь, любовь, отчизна, вѣра...
Нѣтъ óбразамъ твоимъ и именамъ числа.
Ты зажигалъ костры, ты двигалъ изувѣра,
Ты вдохновлялъ бойца на славныя дѣла!
Какъ жаждалъ міръ тебя!.. Ты созидалъ кладбища,
Ты посылалъ на смерть невинныхъ и святыхъ—

И все остался чистъ... Какъ воздухъ, солнце, пища,
Какъ радость бытія, ты нуженъ для живыхъ!

Падетъ, падетъ вѣнецъ съ святыни беззаконной,
Предъ свѣточемъ ума померкнутъ ложь и зло,
И изъ развалинъ ты, какъ фениксъ возрожденный,
Поднимешь свѣтлое чело!

---

* * *

Въ безмолвіи-ль полночи,
Въ тревогѣ ли дня,
Во снѣ, за работою,
Вездѣ близъ меня,
Какъ призракъ блуждающій,
Покоя не знающій,
Мелькаетъ, грустя,
Лицо твое кроткое,
Лицо твое блѣдное,
Дитя мое милое,
Дитя мое бѣдное,
Родное дитя!

Все снится мнѣ мертвая
Изгнанья страна:
Холодная, бѣлая
Снѣговъ пелена
И ты, въ нихъ зарытая,
Былинка забытая...
Какъ-будто грустя,
Вокругъ тебя шепчется
Тайга неизслѣдная:
«Дитя беззащитное,

Дитя мое бѣдное,
Больное дитя!»

Чѣмъ другу несчастному
Помочь я могу?
Шепчу лишь безсильныя
Угрозы врагу,
Да съ тайною мукою,
Какъ няня, баюкаю,
Ласкаю, грустя,
Видѣніе нѣжное,
Видѣніе блѣдное:
— Дитя мое сирое,
Дитя мое бѣдное,
Родное дитя!..

* * *

Были черные дни, страха полные дни,
Какъ могила, зловѣщія ночи...
И твою даже волю погнули они,
Оросили твои даже очи!
Не уснувъ, не одинъ ты встрѣчала разсвѣтъ,
Потихоньку въ слезахъ облегчая
Боль неправыхъ обидъ и колючихъ клеветъ,—
И не зналъ я объ этомъ, родная!
Я не могъ тебя грудью своей заслонить,
Защитить тебя кровью своею,
Показать, какъ умѣю я нѣжно любить,
Какъ ласкать и голубить умѣю.
Другъ твой не былъ съ тобою... Чужая рука
Мой цвѣтокъ дорогой охраняла,
И, какъ сердце змѣей обвивала тоска,—
Не со мной ты ее раздѣляла!..

На всю жизнь.

I.

Не ужасы борьбы и злобнаго гоненья
Проклятіемъ легли на наше поколѣнье,
Но то, что, знамя взявъ разсвѣта и любви,
Всѣ, всѣ грѣхи отцовъ носили мы въ крови!
Обиднѣе всего, что, слуги идеала,
Надъ голосомъ страстей мы возвышались мало,
Чтобъ ни одинъ глупецъ не могъ насъ упрекнуть
За пройденный во тьмѣ многострадальный путь;
Чтобъ въ эту ночь грѣха, позора и печали
Мы надъ пустыней зла, какъ свѣточи, сіяли—
Живой уликою тупымъ клеветникамъ,
Примѣромъ вѣрности свободѣ и друзьямъ;
Чтобъ нашъ обѣтъ любви передъ порочнымъ свѣтомъ
До гробовой доски былъ вѣрности обѣтомъ,
И наши имена въ дали вѣковъ зажглись
Безсмертьемъ Пенелопъ, Леандровъ, Элоизъ!

Но жизнь-завистница величія не сноситъ—
Всѣ свѣтлыя мечты безъ сожалѣнья коситъ...
И слышу я кругомъ: «Чему дивится онъ,
Мечтательный слѣпецъ? Таковъ судьбы законъ».

2.

— Мой другъ, далекій другъ, чей образъ незабвенный
Дороже счастья мнѣ и всѣхъ даровъ вселенной,
Чью ласку помню я, какъ лучшихъ лѣтъ мечту,
Безъ чьей улыбки рай за рай я не сочту,
Любовь души моей! Мнѣ каждый день разлуки
Приноситъ новый адъ невыразимой муки...
По-долгу-ль отъ тебя нѣтъ вѣсти дорогой,
Ужъ страхъ меня томитъ, что я забытъ тобой;
Придутъ ли, наконецъ, плѣнительныя строки,
Я, жалостью объятъ, забывши всѣ упреки,
Какъ мертвую, готовъ оплакивать тебя,
Безумной клятвою связавшую себя!
О, для чего? Зачѣмъ? За что въ порѣ расцвѣта
Должна угаснуть ты, восторгомъ не согрѣта?
Весталка бѣдная, къ чему огонь блюсти,
Когда алтарь разбитъ и брошенъ при пути?
Смотри, какъ крестъ тяжелъ... Смотри, измѣны всюду...
Пускай же я одинъ живой гробницей буду,
Обѣты юныхъ дней до сѣдины храня:
На то пѣвецъ я твой, на то мечтатель я!
Ахъ! не возьму я всѣхъ сокровищъ наслажденья
За старыя мечты и старыя мученья,—
Пусть ихъ ребячество ребенокъ осмѣетъ,
Романтикомъ меня отжившимъ назоветъ!

Странникъ.

I.

Изъ странствій далекихъ и долгихъ
Во снѣ я вернулся домой,
И только что на берегъ вышелъ—
Былъ вѣстью сраженъ роковой:
Моя дорогая подруга
Давно ужъ была за другимъ...

Всю ночь на утесѣ прибрежномъ
Сидѣлъ я, тоскою томимъ.
Вверху было тихо и грустно:
Какъ-будто надъ гробомъ большимъ,
Мерцая, тамъ двигались свѣчи,
Клубился таинственный дымъ...
Внизу же бурливыя волны,
Смирясь, начинали шептать:
«Ахъ, бѣдный, обманутый странникъ,
Покинемъ отчизну опять!»
И было себя мнѣ такъ жалко,
Такъ слабъ и несчастенъ я былъ...
И громко кричалъ я и плакалъ,
А вѣтеръ мой стонъ разносилъ!

Заря ужъ взошла золотая,
Окрасилась кровью волна,
Когда утомленную душу
Опять обняла тишина.
Ревнивое, темное чувство
Куда-то ушло со стыдомъ,
Наполнилась грудь умиленьемъ,
И свѣтомъ зажглась, и тепломъ.
Змѣя оторвалась отъ сердца,—
Любить захотѣлось, прощать,
Увидѣть *ее*, преклониться,
«Прости» ей безъ гнѣва сказать!

II.

Вхожу нерѣшительно въ залу—
Со вкусомъ она убрана.
Услышишь, какъ сердце трепещетъ,—
Такая вездѣ тишина!
За праздно раскрытою книгой
(Я вижу лишь мелькомъ—романъ)
Сидитъ элегантная дама,
Небрежно склонясь на диванъ.
Глаза наши встрѣтились... Жаркой,
Предательской крови волна
Лицо залила мнѣ... Ужели?!

— Но нѣтъ: не она, не она!—
Холодная свѣтская маска,
Усталый, безжизненный взоръ...
У милой же былъ онъ, я помню,
Глубокъ, точно пропасти горъ!

Раскланявшись чинно и съ сердцемъ
Безумнымъ успѣвъ совладать,
Вопросъ задаю я учтивый:
Могу ли NN увидать?
— «Увидѣть NN?!»—Да... хоть, впрочемъ,
Такъ прежде звалась она...—«А!
Въ счастливые старые годы?..
Я замужемъ нынче... Тогда...
И горя, и радостей много,
Monsieur, вы напомнили мнѣ!
Простите съ кѣмъ честь я имѣю?..»

Какое-то имя, вполнѣ
Случайно пришедшее въ мысли,
Поспѣшно назвалъ я; сказалъ,
Что долго блуждалъ по чужбинѣ,
Что тамъ, между прочимъ, встрѣчалъ
Лицо, о которомъ, быть можетъ,
Еще не забыли друзья...
(А самъ про себя размышляю:
Ужели же память моя
Такъ зло надо мною смѣется?
Она... Нѣтъ, совсѣмъ не она!)
Она поднимается съ мѣста,
Взволнована, страшно блѣдна.
— «Какъ! вы его знали? Скажите...
И близко?.. Но гдѣ же онъ самъ?»
— Сударыня! тихо въ отвѣтъ я:
Увы, онъ давно уже тамъ
(И руку приподнялъ я къ небу)...

Молчаніе, вздохъ—и потомъ

Беззвучныя, кроткія слезы...
— «Себя не виню я ни въ чемъ,
Monsieur... Я ждала его тщетно
Не мѣсяцъ одинъ или годъ;
Но знаете—тягость разлуки,
Оковы житейскихъ заботъ,
Отчаянье... жажда забвенья...
Потомъ этотъ ужасъ—молва
О смерти его на чужбинѣ...
Я еле осталась жива!
Конечно, прекрасно въ романахъ
Читать о любви безъ конца,
О вѣрности вѣчной; мы въ школѣ
Твердили «Любовь мертвеца».
Но это поэзія! Въ жизни
Она быстролетна, какъ сонъ.»

Тутъ вставилъ и я торопливо,
Что это природы законъ.

Тогда, улыбнувшись печально,
Къ другому она перешла:
Что мужъ ея—малый честнѣйшій,
Въ свои погруженный дѣла;
Что небомъ дана ей отрада,—
Любви ихъ единственный плодъ,—
Прелестная дочка; что скромный
Они получаютъ доходъ
(Провинціи, впрочемъ, приличный),
Свой домикъ имѣютъ и садъ,
Изъ собственныхъ вишень варенье
У нихъ превосходно варятъ.

И, только что счелъ я умѣстнымъ,
Взявъ шляпу, отвѣсить поклонъ —
— «Какъ можно! вскричала,—безъ чаю?
Нѣтъ, нѣтъ, извините... Pardon!»
И скрылась тотчасъ за дверями,
Распущеннымъ шлейфомъ шурша.
А я... Я остался во мракѣ,
Рыданья едва заглуша...

III.

Вдругъ... Въ сумракѣ ночи безбрежной
Блеснувшій, какъ молнія, свѣтъ! —
Дверь скрипнула тихо—и крошка
Шести или менѣе лѣтъ,
Съ глазами испуганной серны,
Съ бутонами рдѣющихъ щекъ
Подъ рамою локоновъ черныхъ,
Несмѣло взошла на порогъ.
Взошла, поглядѣла... И съ крикомъ,
Бывающимъ только во снѣ,
Съ мучительнымъ крикомъ блаженства
Упала на шею ко мнѣ!
Мы мигомъ другъ друга узнали
(Глаза изощряетъ любовь)...
И оба мы плакали горько,
Смѣялись и плакали вновь.
Спѣшилъ и въ уста я и въ очи
Малютку мою цѣловать,
Спѣшилъ, задыхаясь, волнуясь,
Про все ей, про все разсказать.
Она все росла, измѣнялась,

На мать походя все сильнѣй,
И, съ образомъ милымъ мѣшаясь,
Душѣ становилась роднѣй.
Я всѣ ей печали былого,
Всѣ раны свои обнажилъ,
И лишь одного все боялся,
Что главное что-то забылъ...
И снова спѣшилъ, озираясь...
А голосъ, межъ тѣмъ, дорогой
Мнѣ на ухо пѣлъ, не смолкая:
«Теперь до могилы ты мой!
Ничто насъ теперь не разрознитъ
Ни горъ снѣговые хребты,
Ни волны, ни бури, ни цѣпи,
Ни жало людской клеветы!»

И пѣлъ онъ, такъ душу лаская,
Такъ чудно и нѣжно звеня,
Какъ-будто изъ свѣтлаго рая
Былъ посланъ утѣшить меня!

Еще изъ Чезаре Никколини.

(Изъ итальянскихъ тюремныхъ мелодій 1830—1840 годовъ).

I.

НА СТРАЖѢ ИТАЛІИ.

Братъ, замученный братъ!
    Пусть несчастливы мы,
Пусть гнетутъ и томятъ
    Стѣны душной тюрьмы;
Пусть—не слуги добру—
    Въ нелюдимой глуши,
Какъ свѣча на вѣтру,
    Гаснутъ силы души...

Нѣтъ! не даромъ горимъ
    Мы, свѣтя въ темноту:
На почетномъ стоимъ
    Мы, товарищъ, посту.
Передъ сильнымъ врагомъ
    Не склоняясь въ пыли,
Точно кладъ, стережемъ
    Честь родимой земли!

II.

ВЪ РАБОЧЕМЪ ДОМѢ.

I.

Тѣ годы ужаса, когда во тьмѣ неволи,
Одинъ въ глухихъ стѣнахъ, я гордо изнывалъ,
А каждый вздохъ иль стонъ невыносимой боли
Подъ сводомъ каменнымъ безплодно замиралъ;
Когда часы и дни безцвѣтные, больные
Докучливо ползли, питая мрачный сплинъ,
Межъ тѣмъ какъ вдалекѣ куранты крѣпостные
Не уставали пѣть: «Страдай, страдай одинъ!»—
О, эти годы сна и тяжкаго томленья,
Лишеній горькихъ дни все ярче и свѣтлѣй
Рисуются душѣ во мракѣ отдаленья,
Я ихъ вернуть бы радъ, какъ дорогихъ друзей!
И пусть бы я погибъ... Пусть у меня до срока
Сгорѣли-бъ мозгъ и грудь въ горячечномъ огнѣ,
Зато-бъ осталась честь! Ни одного упрека
Никто и никогда не высказалъ бы мнѣ!

А здѣсь, гдѣ каждый день—пучина униженья,
Гдѣ каждый часъ встаетъ мучительный вопросъ:
«Жизнь, эта жизнь раба—не верхъ ли преступленья?
Возможно-ль, честно-ль жить подъ остріемъ угрозъ?»—
Ахъ! здѣсь отрады нѣтъ... Здѣсь даже мирный геній
Забвенія и сна печаленъ и суровъ:
Какія бездны зла, какой родникъ мученій

У этихъ каторжныхъ, безчеловѣчныхъ сновъ!..
Въ нихъ все—позоръ, иль смерть: то, въ поискахъ могилы,
На дно глубокихъ шахтъ кидаюсь я стремглавъ,
То принимаю ядъ, то открываю жилы,
Тоскующихъ друзей вокругъ себя собравъ.
Кошмары безъ конца... Я слышу клокотанье
Въ груди самоубійцъ, не вынесшихъ цѣпей...
Проснусь—и душитъ грудь кипучее рыданье,
И влага жгучихъ слезъ струится изъ очей!

2.

Ни застѣнковъ, ни криковъ, ни слезъ,
Ни костра, ни ужасныхъ колесъ...
Люди мягче, гуманнѣе стали,
И чтобъ вытянуть жилы изъ насъ
Безъ невольныхъ брезгливыхъ гримасъ,
Утонченныя пытки сыскали.

И сказали, глумясь надъ врагомъ:
«Будь отнынѣ безгласнымъ рабомъ
Ты, глашатай непризнанный вѣка!
Позабудь образованность, честь,
Все, что въ мірѣ высокаго есть,
И вѣнецъ, и права человѣка!

«Будь рабочимъ скотомъ! Трепещи,
Унижайся, работай, молчи,
Избѣгая неравнаго спора:
Не почетный и славный конецъ
Ты найдешь въ немъ, отважный боецъ,—
Выпьешь горькую чашу позора.»

Безсердеченъ судьбы приговоръ:
Или смерть, или вѣчный позоръ!..
Безъ названія скорбь, безъ исхода.
А въ душѣ еще силы кипятъ,
И, хоть гроба темнѣй казематъ,
Все ей снятся борьба и свобода!

— О, потомки! въ тотъ радостный день,
Какъ послѣдняя скроется тѣнь,
И, разсѣявши чары заклятья,
Поразивши могучее зло,
Вы украсите лавромъ чело
И рабовъ заключите въ объятья,—

Упиваясь своимъ торжествомъ,
Не глумитесь надъ павшимъ врагомъ,
Той же казнью его не казните;
Но, какъ лучшій эдема цвѣтокъ,
Какъ безсмертія тайный залогъ,
Человѣка достоинство чтите!

III.

Потомство узнаетъ, потомство услышитъ
Про вашу неправду, про нашу печаль.
Оно заклеймитъ васъ, оно насъ запишетъ
Въ кровавую славы скрижаль!
Оно изумится тому, какъ жестоки
И холодны были людскія сердца,
Какъ нагло толпою побиты пророки,
Задушены пѣсни пѣвца!
Оно содрогнется, узнавъ, какъ томили

Тебя въ чужедальнихъ снѣгахъ,
Какъ нашу любовь, милый другъ, умертвили
Во мракѣ разлуки, въ цѣпяхъ!

И юность правдивая, вспыхнувши грозно,
Отвагой святой закипитъ:
«Зачѣмъ, о! зачѣмъ родились мы такъ поздно
Для мщенія страшныхъ обидъ?»
Падетъ безошибочно мечъ приговора—
Тираны въ гробахъ затрепещутъ своихъ!..
Поставятъ къ столбу роковому позора
Въ тотъ день не тирановъ одниxъ,
Но также и васъ, малодушные братья,
Которые мимо распятыхъ идутъ—
И громкаго, страстнаго слова проклятья
Насилью въ лицо не швырнутъ!..

1893.

---

* * *

Цвѣтъ жизни сорванъ!..
Въ сердцѣ мракъ нѣмой,
И муза рѣдкой гостьей стала.
И нѣтъ души, которая-бъ со мной
Однимъ біеньемъ трепетала!
Ахъ! есть, была... Но лучшіе года,—
Тотъ «праздникъ, розами увитый»,—
Пройдутъ, какъ блѣдный сонъ, безъ счастья, безъ слѣда,
Въ разлукѣ, холодомъ облитой!

И тайный страхъ мою сжимаетъ грудь:
«Что̀ если съ новыми друзьями
Средь новыхъ бурь пройдённый вмѣстѣ путь
Положитъ бездну между нами?
«Что, если вновь съ волненьемъ молодымъ
Сойдемся мы къ порѣ заката—
И сердцу сердце скажется чужимъ,
Увы, родное столь когда-то?

«Что, если?..»
— Нѣтъ! прочь дума, демонъ злой!
Довольно безъ тебя страданья,
Не отнимай у сломленныхъ грозой
Послѣдней искры упованья!

Кузнецы.

Мѣхъ гудитъ и дышетъ шумно,
Близъ горна̀ кромѣшный адъ;
Въ пляскѣ бѣшено-безумной
Милліоны искръ летятъ.
Скачутъ огненныя стрѣлы,
Спѣетъ варъ,—и блескъ, и шумъ...
Плавны, быстры и умѣлы
Взмахи молота: дзинъ! бумъ!

Вотъ кузнецъ. Онъ весь—забота,
Черенъ, страшенъ, будто гномъ;
Щеки, мокрыя отъ пота,
Краснымъ свѣтятся огнемъ.
Ломитъ спинушку больную,
Очи жжетъ, мутится умъ;
Но кормилицу мірскую—
Соху онъ куетъ: дзинъ! бумъ!

Крѣпче, ноженьки, держите,
Не катись, слеза, изъ глазъ!
Духи мрака, кровь сосите,
Но блесни и свѣтлый часъ.
Чу! какъ будто ада звуки...
Грохотъ, пламя, лязгъ и шумъ...

А натруженныя руки
Ходятъ весело: дзинъ! бумъ!

Такъ и вы, друзья народа,
Кузнецы земли родной,
Стойте бодро въ дни невзгоды
У горна́ борьбы святой!
Пусть грохочетъ непогода:
Молотъ вашихъ мышцъ и думъ
Счастье выкуетъ народа,
Волю-долю... Дзинъ-дзинъ! бумъ!

— — —

Учителю.

(С. С. А--ди.)

Вдали сиротѣя, подъ гнетомъ страданій,
Ты рукъ не слагаешь, учитель родной,
Въ тяжелые годы измѣнъ, колебаній
Одинъ не поникшій могучей душой!

Какіе столпы вкругъ тебя упадали,
Какіе герои бросали свой щитъ,
Какія картины стыда и печали
Твое наболѣвшее сердце хранитъ!

Но бодро ты свѣточъ держалъ идеала,
И путь нашъ, окутанный въ холодъ и мракъ,
Твоя величавая мысль озаряла,
Ученій твоихъ путеводный маякъ.

Въ залитую кровью борьбу роковую
Мы, гордость свою, не пускали тебя,
Но всѣ возлюбившіе землю родную
Твоими дѣтьми признавали себя.

И сколько отважныхъ, бойцовъ безъ упрека,
Въ слезахъ проводилъ ты, какъ нѣжная мать,

Въ тотъ путь неизвѣстный, далёко-далёко...
И многихъ ли принялъ въ объятья опять?

Какъ старое дерево, вѣтви теряя,
Стоишь ты недвижно, титанъ-инвалидъ,
Послѣдній изъ славныхъ, о комъ помышляя,
Душа молодая восторгомъ дрожитъ!

Подъ солнцемъ отчизны, во мракѣ чужбины
. . . .
Намъ свѣтятъ твои дорогія сѣдины
Надежды и вѣры отраднымъ лучемъ!

---

* * *

Есть ужасныя мгновенья!
  Робкій умъ пытая,
Демонъ скорби и сомнѣнья
  Шепчетъ, не смолкая:

«Правда, солнышко сквозь слезы
  Глянетъ послѣ ночи,
Но пока-то стихнутъ грозы—
  Роса выѣстъ очи!»

---

* * *

Кошмары, стоны... Царство муки!
. . . .
И стыдъ, и горечь пораженья,
Ошибки, злобный хоръ клеветъ...
О, злая доля поколѣнья,
Для казни посланнаго въ свѣтъ!

О, неужель прошли безслѣдно
Твоя любовь и правый гнѣвъ,—
Какъ сонъ прошли, отчизны бѣдной
Не озаривъ и не согрѣвъ?
Всѣ эти жертвы, скорби, муки,
Вся эта боль живыхъ утратъ—
Ужели сгибло все?.. И внуки
Твоихъ обидъ не отомстятъ?..

О долѣ свѣтлой и широкой
Мечтало ты для всѣхъ людей—
И какъ оскорблено жестоко
Въ мечтѣ завѣтнѣйшей своей!
Огромный міръ казался тѣсенъ,
А міромъ сталъ—угрюмый сводъ...

Скажи-жъ: гдѣ звуки мощныхъ пѣсенъ,
Въ которыхъ скорбь твоя живетъ?
Иль не придетъ онъ, чудный геній,
Несчастьемъ избранный пѣвецъ,
Который для твоихъ мученій
Сплететъ безсмертія вѣнецъ?..

* * *

Онъ будетъ строгъ, потомства судъ!..
Чья жизнь бѣжитъ, какъ легкій сонъ,
Чей мертвый слухъ не потрясутъ
Ни кличъ добра, ни братьевъ стонъ;
Кто празднымъ вымысломъ зоветъ
Слова: отчизна, братство, честь,—
Утѣшьтесь, страждущіе,—тотъ
Въ вѣкахъ себѣ готовитъ месть!

Онъ будетъ правъ, потомства судъ:
Отъ злыхъ онъ добрыхъ отличитъ,
Оцѣнитъ каждый свѣтлый трудъ,
И вѣсъ, и горечь всѣхъ обидъ,
И жертву каждую зачтетъ,
И слезы всѣ и каждый стонъ...
Придетъ онъ, правый судъ, придетъ—
И гнѣвъ, и милость будетъ онъ!

* * *

День ли, ночь ли—тьмой равно объяты
Для меня и небо и земля:
Въ этомъ мірѣ больше не моя ты,
Навсегда тобой покинутъ я!

Звуки пѣсенъ въ сердцѣ замолчали,
Замеръ умъ въ безжизненной тиши;
Всѣ пути-дороженьки запали
Безъ тебя, звѣзда моей души!

Передъ этой скорбью, о родная,
Чтó разлука? Чтò и смерти часъ?
Хоть бы зналъ я, кровью истекая,
Что виновенъ кто-нибудь изъ насъ!

1894—1895.

Молитва.

Какъ тяжкій сонъ, минула ночь разлуки—
Еще темно, но чую солнце я:
Грозой вдали, смолкаютъ въ сердцѣ муки...
Немного дней—и ты моя, моя!
Со мной навѣкъ!.. Бѣгите жъ, тѣни ночи!
Что медлите? Ужъ властно занялась
Заря во мглѣ... Пора! откройте очи,
Несчастные,—награды близокъ часъ.

Чу, голосъ злой:
«Не вѣрь, не вѣрь, безумный,
Что сжалилась судьба и надъ тобой,
Что зло и мракъ промчались бурей шумной,
И начатъ вновь пиръ жизни молодой!
«Что́ сгибло разъ—тому ужъ нѣтъ возврата;
Не вѣрь, чтобъ дважды молодость цвѣла...
Цвѣтокъ могилъ—нарядный блескъ заката,
Не принесетъ онъ свѣта и тепла!
«Не вѣрь! Твой день—лишь новыхъ бѣдъ начало,
Разувѣреній, слезъ, скорбей, обидъ...

Кого весна не розами вѣнчала,
Тому зима улыбокъ не даритъ!»

— Прочь, демоны, прочь, коршуны сомнѣнья!
Какъ милости, молю я у судьбы
Не вѣчности безъ чернаго мгновенья—
Лишь отдыха, минуты безъ борьбы.
О, неужель предвѣчными судьбами
Лишь мы одни обречены скорбямъ,
И не дано изсохшими устами
На мигъ прильнуть къ завѣтной чашѣ намъ?..

Гимнъ любви.

Подъ хохотъ злорадный могучаго зла,
Подъ стонъ непогоды мятежной,
Какъ ландышъ укромный, любовь расцвѣла
Въ душѣ боязливой и нѣжной.
Лазурныя грёзы ея стерегли
Не добрыя феи и гномы,
Но стаи шакаловъ, бродившихъ вдали,
И злобно роптавшіе громы.
Преграды со всѣхъ поднимались сторонъ,
Какъ сказочныхъ странъ великаны,—
Различіе вѣры, враждебность племенъ,
Людскихъ предразсудковъ туманы.
Всѣ призраки ада, всѣ духи скорбей
Тѣснились къ ея изголовью;
Но бодрствовалъ ангелъ-хранитель надъ ней
Съ небесной своею любовью!

И пытки самой не страшилась любовь!..
Судьба тогда злѣй ополчилась
. . . .
. . . .

Томленье разлуки, людская вражда,
При жизни весь ужасъ могилы...

Безъ вѣсти живой за годами года,
        Убившіе лучшія силы...

Ахъ! часто я чуднаго демона клялъ,
        Который такъ долго и жадно
Изъ сердца всю лучшую кровь выпивалъ,
        Томилъ и терзалъ безпощадно.
И звалъ я отжившею ложью любовь,
        Въ грядущее мысль устремляя;
Но гнѣвъ укрощался—и славилъ я вновь
        Ее, какъ посланницу рая.
И свято я вѣрю, мой другъ: побѣдить
        Любовь и могила невластна!
Вѣкамъ она будетъ далекимъ свѣтить,
        Какъ грёза эдема, прекрасна!

* * *

Въ долины тѣнь съ вершинъ сползаетъ,—
И, точно лань, заслышавъ рогъ,
На западъ дальній убѣгаетъ
Румяный, свѣтлый жизни богъ.
Бѣжитъ... и скрылся за горами!
Но отъ востока злобный врагъ
Ужъ вѣетъ черными крылами...
Кто одолѣетъ—свѣтъ, иль мракъ?

О! тотъ восторгъ, тотъ трепетъ бурный,
Какимъ полны сердца людей,
Когда восходитъ день лазурный,
Порукой намъ, что свѣтъ сильнѣй!

Въ странѣ сопокъ.

(Изъ картинокъ забайкальской природы и жизни).

I.

О, наконецъ, ты родная, со мной!..

Горы да горы... Подъ снѣгомъ поляны...
Море холмовъ подъ волшебной луной...
Другъ мой! не волны-ли то великаны,
Волнъ заколдованныхъ сонмъ ледяной?
Мы среди нихъ затерялись, родная,
Будто челнокъ въ безконечности водъ.
Въ мірѣ душа не узнаетъ живая,
Если волна этотъ челнъ захлеснетъ!
Мѣсяцъ, исполненный грусти и лѣни,
Тихо дорогой лазурной плыветъ...
Гдѣ эти краски природа беретъ,
Эти воздушные тоны и тѣни?
Какъ прихотливо по синимъ горамъ
Сумракъ змѣится! Какъ гребни блистаютъ!
Что же дрожишь ты? Зачѣмъ улетаютъ
Думы больныя къ далекимъ полямъ?

Небо глядитъ величаво, безстрастно,
Дикой сіяетъ земля красотой...

Прелести нѣтъ въ ней знакомой, родной,—
Смотришь, дивишься—а сердце безгласно!
Тихо, такъ тихо, что робость беретъ:
Съ родины дальней ни вздоха, ни звука...
Вырвись и наша сердечная мука
Крикомъ иль стономъ—онъ здѣсь и умретъ!

II.

Бѣлый снѣгъ, холодный снѣгъ кругомъ,
Да лазурь, да тишина нѣмая...
Ледянымъ серебрянымъ крыломъ
Вѣетъ ночь, надъ міромъ пролетая.
И чѣмъ выше мѣсяцъ въ небесахъ,
Тѣмъ страннѣй, причудливѣй картина;
Вонъ за льдиной, будто, встала льдина,
Вонъ—корабль, затертый въ ихъ стѣнахъ!
Смерть кругомъ... Остановилось время,
Давитъ мысль пространство безъ конца...
Мы съ тобой—два позабытыхъ всѣми
Въ океанѣ холода пловца!

III.

-- Здравствуй, забытый рудникъ!—
Тамъ, гдѣ вчера привидѣнья бродили,
Нетопыри боязливые жили,
Горя и злобы не слышался крикъ,—
Вновь замигала свѣча трудовая.
Снова гранитное сердце горы
Гложутъ, какъ черви, стальные буры,
Молотъ сурово звучитъ, не смолкая;
Лязгаютъ звенья тяжелыхъ цѣпей...

Кто здѣсь томился въ минувшіе годы?
Вы ли, святые страдальцы свободы,
Темныя-ль жертвы нужды и страстей?
Крестъ былъ одинъ—и, собратъ по мученьямъ,
Васъ я одною семьей признаю:
Братскій привѣтъ одинаково шлю
Вашимъ бездомнымъ замученнымъ тѣнямъ!
Нѣтъ, не безслѣдно въ могилѣ живой
Вы, надрываясь, мозолили руки:
Васъ уже нѣтъ, но живутъ ваши муки,
Тайно витаютъ вокругъ надо мной...

Бѣдные призраки, скорбныя тѣни,
Вамъ я великую клятву даю—
Вылить въ завѣтную пѣсню мою
Всѣ ваши слезы, и вздохи и пени!..

IV.

Какъ плѣнники, весь день въ стѣнахъ мы провели!
Къ обмерзлому стеклу приникнувъ головою,
Ты смотришь, какъ дитя, на блѣдный трупъ земли,
Обвитый сумерекъ холодной пеленою.
Въ затишьи мертвенномъ, какъ-будто, бѣлый рой
Огромныхъ бабочекъ летитъ съ небесъ, пестрѣя,
Кружится, падаетъ... И вся земля, бѣлѣя,
Печальнымъ саваномъ легла передъ тобой!
Ужъ сопокъ не видать за сѣткою туманной,
Лишь ближняя порой мелькаетъ въ облакахъ,
Неясный обликъ свой мѣняя безпрестанно,
Какъ великанъ-мертвецъ, стоящій на часахъ.
Глазъ желтый мѣсяца, какъ око привидѣнья,

Блеснулъ въ молочной мглѣ—и въ тотъ же мигъ исчезъ.
Безъ звука, безъ конца, не зная утомленья,
Клоками бѣлыми снѣгъ валится съ небесъ:
Неспѣшно сыплется, какъ изъ мѣшка съ дырою!
И въ страхѣ шепчешь ты, подъ гнетомъ думъ больныхъ:
«Ужъ не засыпать ли онъ хочетъ насъ съ тобою,
Въ странѣ изгнанія похоронивъ живыхъ?»

V.

Семьею крестовъ дорогихъ заселенная,
Знакомая сопочка ярко блеститъ,
Волшебной луной озаренная...
Туда наша дума летитъ!
Здѣсь черствые люди живутъ, безучастные:
Не знаетъ, не спроситъ никто,
Какія сердца тамъ зарыты прекрасныя,
Убитыя кѣмъ и за что́...
— О, другъ мой, уйдемъ! Въ этомъ краѣ забвенія
И мертвымъ вѣдь холодно спать.
Богъ правды ужель намъ не дастъ утѣшенія
Въ родимой землѣ почивать?..

VI.

Горемыкой покинутымъ,
    Далеко́ отъ друзей,
Въ краѣ, Богомъ отринутомъ,
    Въ мірѣ тьмы и цѣпей,
Подъ снѣгами холодными
    Ты лежишь, какъ живой,
Лишь волками голодными
    Навѣща́емъ порой.

Въ эту ночь одинокую
Грезишь ты, бѣдный другъ,
Про отчизну далекую,
Про лазурный свой югъ!

VII.

Внизу, въ котловинѣ угрюмой – селенье.
Пустыня вокругъ. Замыкая просторъ,
Какъ-будто на стражѣ, стоятъ въ отдаленьи
Вершины уныло темнѣющихъ горъ.

Здѣсь, въ этой глуши чужедальней, почило
Кипучее сердце поэта... Уста
Тревожныя смолкли...
Но гдѣ же могила?
Лишь высятся два одинокихъ креста
Надъ чуждой намъ былью кровавой: печаленъ
Нерусской ихъ надписи смыслъ и звучитъ
Упрекомъ судьбѣ горделивымъ... Поваленъ
Грозою, ихъ третій товарищъ лежитъ.
А русской далекой могилы забыто
И самое мѣсто—ужъ спорятъ о немъ.
Природа къ погибшимъ добрѣе: покрыта
Вся горка живыхъ незабудокъ ковромъ;
Въ безбрежномъ, лазурью сверкающемъ полѣ
Незримое пѣнье весь день разлитò—
О жизни, о счастьи, о солнцѣ, о волѣ,
О всемъ, что любилъ онъ и вѣрилъ во что...

Сажусь на поваленный крестъ и къ былому
Мечтой улетаю... —«О, духъ дорогой!

. . . .

Ты слышишь ли окликъ привѣтственный мой?
Увы, не посолъ и не гость добровольный,
Не съ доброю вѣстью пришелъ я къ тебѣ
. . . . »

И, чудо! лишь смолкъ я—витающій геній
Поэта съ лазурной пропѣлъ вышины:
«Усилья отбиты двухъ-трехъ поколѣній—
Ну, что же? Иль три въ океанѣ волны?..
«За днемъ опускается ночь, но смѣниться
Зарею она неизбѣжно должна;
Волна за волною безплодно промчится—
Побѣдная все-таки грянетъ волна!
«Пускай же сгущаются мракъ и ненастье,
Пусть дикая пурга о смерти поетъ,—
Вѣрь въ молодость! Вѣрь въ ея силу и счастье,
Зови ее пѣсней отважной впередъ!»

Таинственный кончилъ пѣвецъ, но звучали
Аккорды любви и надежды во мнѣ.
Увѣреннымъ взоромъ, безъ прежней печали,
Смотрѣлъ я на западъ, пылавшій въ огнѣ.
Съ востока ужъ мрачныя тучи сползали,
Въ долинѣ все было уныло, мертвò,
А тамъ было солнце... Туда улетали
Два братскія сердца—мое и *его*!..

VIII.

О, пасынокъ природы нелюбимый,
Несчастья край!—Ни голубыхъ озеръ,
Ни темныхъ рощъ... Пустынный, нелюдимый,

Грядами горъ стѣсненный кругозоръ.
Спѣша, иду на голую вершину,
Въ надеждѣ тамъ родной сыскать просторъ—
Открытый видъ на мирную долину,
Иль на густой, въ коронѣ снѣжной, боръ.
Забвенья мигъ... И вотъ мечтою смѣлой
Въ больной душѣ роскошный созданъ пиръ:
Не тамъ ли, тамъ, за этой гранью бѣлой,
Лежитъ и онъ, отчизны свѣтлый міръ?
Вотъ верхъ скалы... О, тише, сердце, тише!
Поднялся я—и слезы чуть сдержалъ:
Рядъ новыхъ горъ, еще мрачнѣй и выше,
Къ отчизнѣ путь сурово преграждалъ!..
Спускалась ночь; кричала гдѣ-то птица;
Валился снѣгъ на свѣжій волчій слѣдъ...
Мечтатель, стой! Прочна твоя темница—
На родину пути отсюда нѣтъ!

IX.

Странныя, неясныя, полныя печали,
Подъ луной туманною тѣни сопокъ встали.
Надъ хребтами снѣжными я лечу мечтою...
Вотъ лощина мрачная съ мрачною тюрьмою.
На тѣни огромные, словно духи ада,
Часовые зоркіе ходятъ вдоль фасада.
Ружья тихо брякаютъ, мѣренъ шагъ унылый...
За стѣной гранитною тишина могилы!

. . . .

Въ эти ночи ясныя тихъ ли сонъ вашъ, братья?
Снится-ль мать вамъ, родина, братскія объятья?
Снится-ль, что невидимо, подъ луною бѣлой,

Здѣсь, какъ духъ отверженный, я брожу несмѣло?
Тяжко спятъ колодники... Слышенъ звонъ кандальный,
Чей-то скрежетъ яростный, чей-то вздохъ печальный...
Ноги крѣпко скованы, головы обриты—
Божество поругано, счастья сны убиты!..

Ночь глядитъ, залитая серебромъ морознымъ,
Сопокъ рядъ чернѣется въ отдаленьи грозномъ.

X.

(Памяти Ѳ. М. Достоевскаго).

Весь вечеръ слушалъ я, охваченъ дрожью гнѣвной,
До глубины души взволнованъ, потрясенъ
Бесѣдой дикой ихъ и темнотой душевной,
И тщетно силился прервать гнетущій сонъ!
Кровь, сцены грабежа—и хохотъ безсердечный...
Напрасно въ глубь себя замкнуться я хочу,
Васъ, тѣни милыя, вашъ обликъ человѣчный
Съ болѣзненной тоской вездѣ кругомъ ищу,
Ищу, зову, молю... Увы! лишь на мгновенье,
Со взоромъ, полнымъ слезъ, блеснете вдалекѣ—
И скроетесь тотчасъ въ испугѣ и смятеньи...
И я опять одинъ мечусь въ бреду, въ тоскѣ!

— О, злобный фарсъ судьбы!.. Какъ жадною мечтою
Я рвался въ вышину къ лазурнымъ небесамъ,
Какъ міръ хотѣлъ обнять восторженной душою—
И вотъ товарищъ я злодѣямъ и ворамъ!
Мой міръ сталъ міръ убійцъ... Громами обличенья
Перерождать сердца мнѣ дара не дано;
Искать луча небесъ на глубинѣ паденья—
Хвалы достойный трудъ, но... онъ свершенъ давно!

Умри жъ, безумный вопль! Мечты борьбы, усните!
Въ мученьяхъ пытки злой хотя бы честь сберечь...

О, радость! Ночь близка... Ужъ путаются нити
Разбившихся бесѣдъ, лѣнивѣй льется рѣчь.
И ангелъ сна прошелъ надъ мрачною тюрьмою:
Какъ трупы, полегли колодники кругомъ.
Тускнѣетъ лампы свѣтъ... И, споря съ тишиною,
Ударилъ барабанъ, знакомый, мѣрный громъ.
Мнѣ онъ не вѣстникъ сна! Таинственный и властный,
Онъ говоритъ: «Воспрянь! желанный мигъ насталъ.
Они идутъ къ тебѣ, друзья поры прекрасной,
Которыхъ жаждалъ ты и такъ безумно звалъ.
«Ты слышишь—легкій шумъ раздался въ отдаленьи?
То шелестъ крыльевъ ихъ. Смотри: изъ всѣхъ угловъ,
Со всѣхъ сторонъ глядятъ заплаканныя тѣни
Знакомцевъ дорогихъ. . Ты слышишь нѣжный зовъ?
«—Очнись, страдалецъ нашъ! Лови часы свободы!
Стряхни сомнѣній гнетъ, ты нами не забытъ.
Ты такъ же дорогъ намъ и въ эту ночь невзгоды,
Подъ властью мелочныхъ гоненій и обидъ.
«—Гордись! къ тебѣ пятна позора не пристало!
Склонись на нашу грудь, на любящую грудь,
Повѣдай намъ всю боль души твоей усталой,
Такъ страстно рвущейся отъ странствій отдохнуть.
«—О, потерпи, родной! желанный отдыхъ скоро:
Ужъ виденъ мирный кровъ и кипарисовъ тѣнь.
Страданью есть конецъ, а правдѣ нѣтъ позора!
Что́ ночь, когда за ней сіяетъ вѣчный день?..»

XI.

Сегодня нашъ рудникъ весь потонулъ въ цвѣтахъ!
Толпа колодниковъ, обритыхъ и въ цѣпяхъ,
Вперивъ еще разъ въ даль тоскующіе взоры,
Вздыхая и кряхтя, въ свои вползаетъ норы.
Безрадостный пріютъ неволи и труда!
Съ обледенѣлыхъ стѣнъ ручьемъ бѣжитъ вода;
Спускаясь въ полутьмѣ, о мокрыя ступени
Скользитъ нога... Склонись по-рабски на колѣни
И въ каменную грудь безсмысленно стучи!
А сердце гордое безропотно молчи!..

На вольный божій свѣтъ онъ вышелъ изъ могилы,
Отъ холода дрожа, озлобленный, унылый,
И ненавистнымъ все нашелъ опять вокругъ—
Всей этой красоты бездушной ликованье,
Природы наглый блескъ передъ лицомъ страданья,
И ароматный лѣсъ, и горъ зеленыхъ кругъ...

Но вдругъ—тамъ, въ вышинѣ, въ лазури чистой утра,—
Невольно взоръ маня причудливой игрой,
Съ каймой изъ золота обломокъ перламутра,
Отъ юга облачко промчалось съ быстротой.
И въ душу брызнулъ свѣтъ поэзіи забытой,
И сердце мертвое мгновенно расцвѣло!
— О, что тебя въ нашъ край суровый занесло,
Чудесный гость весны? Порывъ ли бурь сердитый,
Или бродячій нравъ? Изъ Ганга-ль свѣтлыхъ водъ,
Изъ темныхъ ли пучинъ ты вышло океана?
Отчизну знойную, гдѣ рай земной цвѣтетъ,

Скажи, успѣло-ль ты забыть въ странѣ тумана?
Но вотъ нахмурился твой лучезарный ликъ,
Ты дрогнуло и въ высь испуганно вспорхнуло!
Огонь цвѣтовъ померкъ... Еще блаженный мигъ—
И утра дивное видѣнье потонуло.
Не ужаснулось ли ты вида нашихъ мукъ,
Свирѣпости людской, безумья и позора?
Въ мысль не пришло-ль тебѣ, что отъ бездушныхъ рукъ
Не скроешься и ты, любимица простора?..

— Прости, краса небесъ! Минутный гость, прости!
Спасибо и за то: волшебный сонъ свободы
Ты пробудилъ во мнѣ... Счастливаго пути
Въ счастливую страну, гдѣ ясенъ пиръ природы!
О, побывай и тамъ, въ краю весны моей,
Гдѣ милая моя печально увядаетъ,
Гдѣ въ зелени садовъ рокочетъ соловей
Про счастье и любовь, и синій Днѣстръ сверкаетъ.
Шепни ей съ вѣтеркомъ, который мчитъ тебя,
Что прошлое отнять у насъ безсильны годы,
Что все я вѣренъ ей, что все я жду, любя:
Затворы упадутъ—и грянетъ вѣсть свободы!

XII.

Какъ странникъ, во̀-время среди пути глухого
Изъ снѣга вырытый заботливой рукой,
Моя душа оттаиваетъ снова
Для счастья и любви былой.
Дивясь еще, гляжу на снѣговыя горы,
Стѣною ставшія кругомъ моей тюрьмы,
Гдѣ столько черныхъ дней безъ дружбы и опоры

Я прозябалъ одинъ, средь холода и тьмы.
Оконченъ злой кошмаръ... О, милая, родная!
Ты на яву со мной? Гранитамъ и снѣгамъ
Вновь не разрознить насъ? Ликуя иль страдая,
Все, все раздѣлимъ мы отнынѣ пополамъ!
Взгляни, мой другъ, взгляни: какъ чудно озарилась
Морозной ночи даль! Какъ мертвая луна
Внезапно расцвѣла,—и, словно, воротилась
Погибшей юности блаженная весна!
Ты слышишь, какъ вокругъ звучитъ призывъ: «Воскресни!»
Какъ сердце у тебя ликуетъ и поетъ,
Какъ у меня въ груди вновь пробудились пѣсни,
Чтò славили тебя и свѣтлый нашъ восходъ?..

1896—1897.

На родномъ рубежѣ.

Едва вступилъ я въ свѣжій мракъ долины,
Гдѣ темный боръ въ затишьи полдня спалъ,
Встревожились могучія вершины—
По соснамъ шумъ невнятный пробѣжалъ.
И былъ ли то̀ отчизны зовъ привѣтный,
Укоръ ли въ чемъ, иль только вѣтра стонъ,
Меня восторгъ наполнилъ беззавѣтный,
Далекихъ лѣтъ возсталъ прекрасный сонъ!
И все, чѣмъ грудь въ разлукѣ наболѣла,—
Волна надеждъ, проклятій, жалобъ, слезъ,
Все, что на вѣкъ, казалось, догорѣло,
И какъ струна, въ тиши оборвалось,—
Въ нѣмой душѣ все зазвучало снова:
Къ корнямъ стволовъ-гигантовъ я припалъ
И, не таясь отъ полдня голубого,
Сѣдой ихъ мохъ со страстью цѣловалъ.
— «Привѣтъ тебѣ, о лѣсъ широкошумный,
Привѣтъ тебѣ, рубежъ полей родныхъ!
Свершился сонъ несбыточно-безумный:

Отчизна-мать, я вновь у ногъ твоихъ!
«Возьми-жъ меня—всего, со всею кровью,
Всѣмъ пыломъ думъ и волею моей!
Пока дышу, клянусь я пѣть съ любовью
Твою лишь скорбь и скорбь твоихъ друзей!
«Томясь вдали, въ краю чужомъ, угрюмомъ,
Въ любви къ тебѣ мой стихъ я закалялъ...»

И лѣсъ, въ отвѣтъ, съ печально-кроткимъ шумомъ
Мой путь дождемъ колючимъ осыпалъ.

Въ деревнѣ.

Какъ въ сказкѣ, я живу... Чуть утро зарумянитъ
Верхи сосновыхъ рощъ, и въ окна солнце взглянетъ,
Меня ужъ будитъ рогъ призывный пастуха.
О, я поклясться-бъ могъ, не побоясь грѣха,
Что въ жизни не слыхалъ такихъ я звуковъ странныхъ—
Изъ дѣтскихъ грёзъ они и сновъ благоуханныхъ!
И долго чудный рогъ не устаетъ звучать.
Но мнѣ, лѣнивцу, глазъ не хочется разжать:
Мнѣ снится, что колдунъ, завидѣвъ станъ враждебный,
Съ угрозою летитъ, трубя въ свой рогъ волшебный...

Мой день еще великъ, и много въ немъ чудесъ.
Вхожу ли въ полдень я въ пышнокудрявый лѣсъ,
Дивитъ меня его торжественная дума—
За мигомъ тишины волна глухого шума.
А подъ вечеръ—какъ свѣжъ березъ ожившихъ листъ!
Какихъ тутъ звуковъ хоръ, веселый трескъ и свистъ!
Протяжно вдалекѣ кукушка прокричала,
Проплакалъ ястребокъ, телѣга простучала...
И вотъ по просѣкѣ, наѣзженнымъ путемъ,
Труситъ себѣ рысцой съ понурымъ мужичкомъ
Нехитрая на видъ, мохнатая клячонка.
Замедленъ ходъ колесъ; кургузая шляпенка
Съ затылка падаетъ въ почтеніи нѣмомъ

(Родной, забытый видъ, онъ кажется мнѣ сномъ!).
Немудрый разговоръ: «Куда, да кто? откуда?»

И самъ себѣ кажусь я чѣмъ-то вродѣ чуда,
Скиталецъ сумрачный, отверженецъ людской,
Обнявшій вновь порогъ отчизны дорогой,
Готовый вновь мечтать о близкомъ царствѣ свѣта,
Печальной родинѣ слагая гимнъ привѣта...

---

* * *

Поэтовъ нѣтъ... Не стало свѣтлыхъ пѣсенъ,
Будившихъ міръ, какъ предразсвѣтный звонъ!
Какъ горизонтъ невыносимо-тѣсенъ,
И какъ унылъ тягучій жизни сонъ!
И гражданъ нѣтъ... Потоки благородныхъ,
Красивыхъ словъ, но... лишь безплодныхъ словъ:
Въ ненастный день не больше волнъ холодныхъ
Рокочетъ у скалистыхъ береговъ!

А между тѣмъ—все такъ же небо сине,
Душисты рощи, радужны цвѣты;
Въ пучинахъ звѣздъ, въ толпѣ людской, въ пустынѣ
Все столько же безсмертной красоты.
И такъ же скорбь безмѣрна, скорбь людская...
. . . .

* * *

Оборванъ у музы цвѣтущій вѣнокъ,
И звучныя пѣсни допѣты!
Зловѣще молчанье, и сумракъ глубокъ...
— О, геній поэзіи, гдѣ ты?
Гдѣ голосъ твой прежній, что̀ юность зажечь
Умѣлъ вдохновеньемъ и страстью,—
Свободная, смѣлая, честная рѣчь
Съ ея обаяньемъ и властью?
Ужели навѣкъ ты отъ насъ отвратилъ
Свой ликъ лучезарно-прекрасный,
И свѣтъ твой не утра предвѣстникомъ былъ,
А ночи тревожно-ненастной?

Нѣтъ, нѣтъ! эти тучи безсилья и сна
Промчатся надъ родиной бѣдной,
И снова придешь ты, какъ жизни весна,
Въ сіяніи власти побѣдной...
И пѣсня, поникшая грустно челомъ,
Какъ птица въ предчувствіи бури,
Очнется внезапно, ударитъ крыломъ—
И гордо взовьется къ лазури!

* * *

Долга, упорна ночь! Угрюмое сомнѣнье
Растетъ въ душѣ моей давно:
Онъ будетъ, красный день, но наше поколѣнье
Его увидѣть не должно!

Такъ старый Моисей, одинъ, вдали отъ стана
И шума воинскихъ тревогъ,
Скорбя, глядѣлъ съ горы въ далину Ханаана,
Войти въ которую не могъ.

Поздняя радость.

(Посвящается В. Н. Ф.).

Лѣсъ увядаетъ, и падаетъ
Листьевъ шумливый потокъ.
Поздняя радость не радуетъ:
Вотъ, ароматный цвѣтокъ
Выглянулъ... Счастьемъ сіяющій,
Синій смѣется глазокъ...
Грустно гигантъ умирающій
Смотритъ на блѣдный цвѣтокъ!

Поздняя радость не радуетъ—
Тайный лишь будитъ укоръ.
Годы промчались—и падаетъ
Тяжкій тюремный затворъ.
Свѣта потокъ ослѣпительный
Вспыхнулъ на мрачныхъ стѣнахъ,
Воздухъ ворвался живительный...
Узникъ выходитъ, въ слезахъ.

Что́ ему солнце веселое,
Краски и запахъ цвѣтовъ?

Сброшены цѣпи тяжелыя—
Сбросишь ли тяжесть годовъ?
Скроешь ли волосы бѣлые,
Силу воротишь ли вновь?
Сгибли товарищи смѣлые,
Юность, отвага, любовь!

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ.

КОНЕЦЪ I-ГО ТОМА.

Изданія журнала „РУССКОЕ БОГАТСТВО“:

СБОРНИКЪ «РУССКАГО БОГАТСТВА» (1899 г.) Ч. I. БЕЛЛЕТРИСТИКА. Ц. 2 р. Ч. II. ПУБЛИЦИСТИКА. Ц. 1 р.

С. А. Ан—скій. ОЧЕРКИ НАРОДНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ. Ц. 80 к.

П. Булыгинъ. РАЗСКАЗЫ. Ц. 1 р. 50 к.

Н. Гаринъ. ДѢТСТВО ТЕМЫ. Изд. *третье.* Ц. 1 р. 25 к.

— ГИМНАЗИСТЫ. Изд. *третье.* Ц. 1 р. 25 к.

— СТУДЕНТЫ. Ц. 1 р. 25 к.

С. Я. Елпатьевскій. ОЧЕРКИ СИБИРИ. Изд. *третье.* Ц. 1 р.

— ОЧЕРКИ и РАЗСКАЗЫ. Ц. 1 р. 50 к.

Вл. Короленко. ОЧЕРКИ и РАЗСКАЗЫ. Кн. 1-ая. Изданіе *девятое.* Ц. 1 р. 50 к.

— ОЧЕРКИ и РАЗСКАЗЫ. Кн. 2-ая. Изданіе *пятое.* Ц. 1 р. 50 к.

— ВЪ ГОЛОДНЫЙ ГОДЪ. Изданіе *четвертое.* Ц. 1 р.

— СЛѢПОЙ МУЗЫКАНТЪ. Изданіе *восьмое.* Ц. 75 к.

Н. К. (Н. Е. Кудринъ). ОЧЕРКИ СОВРЕМЕННОЙ ФРАНЦІИ. Ц. 2 руб.

Л. Мельшинъ. ВЪ МІРѢ ОТВЕРЖЕННЫХЪ. Записки бывшаго каторжника (*Изданіе второе*): *Т. I.* Шелаевскій рудникъ.— *Т. II.* Съ товарищами. Цѣна каждаго тома 1 р. 50 к.

— ПАСЫНКИ ЖИЗНИ. Разсказы. Ц. 1 руб.

Н. К. Михайловскій. СОЧИНЕНІЯ ВЪ ШЕСТИ ТОМАХЪ. **Удешевленное** изданіе большого формата, въ два столбца, въ 30 печатныхъ листовъ каждый томъ, *съ портретомъ автора.* Ц. 12 р.

— ЛИТЕРАТУРНЫЯ ВОСПОМИНАНІЯ и СОВРЕМЕННАЯ СМУТА. Два тома, по 2 рубля каждый.

А. О. Немировскій. НАПАСТЬ. Повѣсть изъ временъ холерной эпидеміи 1892 г. Ц. 1 р.

С. Н. Южаковъ. ДВАЖДЫ ВОКРУГЪ АЗІИ. Путевыя впечатлѣнія. Ц. 1 р. 50 к.

П. Я. СТИХОТВОРЕНІЯ. Т. I. Изданіе *пятое.* Ц. 1 руб. Томъ II. Изд. *второе.* Ц. 1 р.

Подписчики „**Русскаго Богатства**“, выписывающіе эти книги, за пересылку не платятъ.

СКЛАДЫ ИЗДАНІЙ: *въ* **С.-Петербургѣ** — *контора журнала, уг. Спасской и Басковой ул., д. 1—9.*

Въ **Москвѣ** — *отдѣленіе конторы, Никитскія ворота, д. Гагарина.*

Дозв. ценз. Спб., 6-го августа 1902 г. Тип. Н. Н. Клобукова, Пряжка, № 3—1.

Цѣна 1 рубль.

СКЛАДЫ ИЗДАНІЯ:

Въ С.-Петербургѣ: въ конторѣ журнала «**Русское Богатство**»—уг. Спасской и Басковой ул., д. 1—9.

Въ Москвѣ: въ отдѣленіи конторы «**Русскаго Богатства**»—Никитскія Ворота, домъ Гагарина.

П. Я.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

Томъ II.

(1898 — 1902).

ВТОРОЕ ИЗДАНІЕ
РЕДАКЦІИ ЖУРНАЛА
„РУССКОЕ БОГАТСТВО“.
Пятая тысяча.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Н. Н. Клобукова, Пряжка, д. № 3—1.
1902.

См. 3-ю стран.

П. Я.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

Томъ II.

(1898 — 1902).

ВТОРОЕ ИЗДАНІЕ
РЕДАКЦІИ ЖУРНАЛА
„РУССКОЕ БОГАТСТВО".
Пятая тысяча.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Н. Н. Клобукова, Пряжка, д. № 3—1.
1902.

I.

(1898—1902).

Жизнь и поэзія — одно!

В. А. Жуковскій.

Пробужденіе.

Не въ шумѣ грозъ, не въ красотѣ стыдливой
Румяныхъ зорь мнѣ снится край родной,
Не въ блескѣ дня надъ опаленной нивой,—
Онъ снится мнѣ подъ утреннею мглой.

Густой туманъ клубится надъ полями;
Какъ призракъ, боръ синѣетъ вдалекѣ;
Едва блеститъ за влажными кустами
Отсвѣтъ зари въ извилистой рѣкѣ.

Вотъ сонный пахарь ѣдетъ въ отдаленьи,—
Поникъ Гнѣдко, чуть дребезжитъ соха...
Вотъ каркнулъ грачъ... И мертвое селенье
Рогъ огласилъ тревожный пастуха.

Промчался въ даль работы зовъ бодрящій,
Но солнца ликъ еще въ туманной мглѣ.
И столько грусти кроткой и щемящей
Вездѣ, во всемъ—на небѣ и землѣ!

———

Къ молодости.

Съ тѣхъ поръ, какъ жизнь желѣзными сѣтями
Заботъ и нуждъ опутала меня,
И блѣднымъ сномъ проходятъ дни за днями
Безъ прежнихъ бурь, безъ прежняго огня;
Съ тѣхъ поръ какъ, стонъ услышавши страданья,
Ужъ я не рвусь съ отвагою впередъ,—
Томитъ меня боязнь и ожиданье:
Что̀ юность дастъ? Что̀ завтра принесетъ?

Ты, молодость, подвижница святая,
Себѣ не вьешь уютнаго гнѣзда;
О счастьи всѣхъ болѣя и мечтая,
Беречь свое не хочешь никогда.
Весь міръ—твой храмъ, гдѣ сложены безъ счета
Твои дары... Скажи: въ какихъ краяхъ
Не пролила ты крови или пота?
Гдѣ не лежитъ твой благородный прахъ?

Лишь объ одномъ скорбишь ты ежечасно,
Что жизнь пройдетъ среди тупого сна,
А не въ грозѣ живительно-прекрасной...
— Бокалъ тревогъ испить до дна, до дна,
Какъ бурный валъ, разбиться въ шумномъ бѣгѣ!—

И чѣмъ бы сталъ нашъ скучный міръ скорбей,
Когда-бъ не вы, зеленые побѣги
Поросшихъ мхомъ, грозой разбитыхъ пней?

Къ родной странѣ, къ народной лучшей долѣ
У васъ однихъ живая есть любовь,
Любовь — огонь, который жжетъ до боли,
Любовь—вампиръ, сосущій сердца кровь!
Народу въ даръ, безъ думъ и колебанья,
Свободу, жизнь несете вы, любя,
И отъ него не ждете воздаянья...
— О, молодость! я вѣрую въ тебя!

Одинъ твой взглядъ—и громче сердце бьется,
И живы вновь видѣнья прошлыхъ дней:
Изъ смолкшихъ устъ бесѣда дружно льется,
Горитъ огонь потухнувшихъ очей...
Я молодъ вновь... Забылъ, что подъ грозою
Мой челнъ погибъ среди ревущихъ водъ,
И снова радъ безстрашно мчаться къ бою,
Крича: «Впередъ, товарищи, впередъ!»

Но есть одно, чего не станетъ силы
И у тебя, волшебница, затмить,
Что̀ буду чтить я свято до могилы,
Что̀, какъ враговъ, насъ можетъ раздѣлить:
Великихъ жертвъ кровавыя скрижали...
Вѣрь въ свѣтъ иной, мечемъ инымъ борись,
Но — кто стезей страданья и печали
Шелъ *до* тебя,—предъ тѣми преклонись!

1899 г., авг.

Святая.

Когда, опустивъ малодушныя руки,
Я съ болью въ душѣ помышляю о томъ,
Что жизнь оборвется—и всѣ мои муки
Потонутъ безслѣдно въ забвеньи нѣмомъ,—

Страдалица скромная! образъ твой чистый
Вдали мнѣ сіяетъ укоромъ живымъ:
Безъ жалобъ идешь ты дорогой тернистой,
Награды не требуя мукамъ своимъ.

— Награды?—но ты удивиться готова:
За что? Развѣ сердце справлялось съ цѣной?
Безъ сладости жертвы, безъ счастья чужого
Ты вкусъ бы утратила къ жизни самой,

Къ той жизни, что учитъ однѣмъ лишь измѣнамъ,
Разсчетамъ корысти и мелкихъ обидъ,
И трауромъ насъ облекаетъ безсмѣннымъ
И сердце отравою злобы поитъ.

Любя, ты другимъ отдалась — и забыла,
Что также могла бы любимою быть!

О, гдѣ же ты мужество жить находила,
Гдѣ черпала силы, чтобъ грѣть и свѣтить?

Ты свѣтишь—и такъ колебанья постыдны,
Такъ хочется бодрымъ пребыть до конца!
Что̀ властное, гордое зло, если видны
Во мракѣ подобныя звѣзды-сердца?

Незримая міру, стезею суровой
Идешь ты, и долга сознанье—твой щитъ.
Святая! вѣнокъ твой колючій терновый
Свѣтлѣй діадемы алмазной горитъ!

Памяти Бѣлинскаго.

(Къ 50-лѣтней годовщинѣ смерти).

Я въ царствѣ Грёзъ не зналъ прекраснѣе одной,
Которую сберегъ и въ вихряхъ непогоды:
Я видѣлъ нѣкій храмъ въ поэзіи родной,
Свѣтильникъ истины и жертвенникъ свободы.
Какимъ величіемъ и помысловъ, и дѣлъ
Я надѣлялъ жрецовъ, тамъ—на горѣ стоящихъ!
Звукъ каждый слова ихъ въ душѣ моей горѣлъ,
Какъ отблескъ ихъ сердецъ, на высотѣ парящихъ.
Мнѣ говорила жизнь: «Не вѣрь! Смотри—твой жрецъ
И силѣ гимнъ поетъ, и злу кадитъ свободно,
А надъ свободою глумится всенародно...
Ему-ль присталъ изъ терніевъ вѣнецъ»?

Не разъ я унывалъ, лица поднять не смѣя!
Но грёза юныхъ дней съ побѣднымъ торжествомъ
Вновь пѣла мнѣ:
— О, пусть порой и фарисея
Курится фиміамъ на алтарѣ святомъ,
И волки хищные подъ видомъ агнцевъ бродятъ...
Забвенье—ихъ удѣлъ за жизненной чертой!
Въ святилище сердецъ лишь тѣ, какъ боги, входятъ,

Чьи думы далеки отъ пошлости мірской,—
Они, избранники съ душой неоскверненной,
Любовь свою чужимъ отдавшіе скорбямъ,—
Чьимъ мукамъ чистымъ и слезамъ
Поклонится потомокъ отдаленный!..

1898.

---

* * *

Онъ выстрѣлилъ въ сердце съ разсвѣтомъ дневнымъ,
И грустная новость, какъ громъ, пробѣжала...

Онъ не былъ героемъ—онъ былъ рядовымъ
Въ толпѣ несчастливцевъ. Его угнетала,
Какъ многихъ, тяжелая лямка труда,
Лишеній, недуговъ; онъ несъ молчаливо
Ярмо своей доли года и года.
И если порой монотонно-ворчливо,
Какъ дождикъ въ осеннюю скучную ночь,
Роптал, увѣряя съ глухимъ раздраженьемъ,
Что дольше терпѣть ему стало не въ мочь,—
Глядѣли друзья на него съ удивленьемъ.
И думалось каждому: «Это слова!
Терпѣнье людское—для мудрыхъ задача...
Кнуту покоряясь, не день и не два
Еще проползешь ты, смиренная кляча».

Но мудрость ошиблась—и кляча лежитъ:
Упала, раздавлена жизненнымъ гнетомъ!
Принявъ виноватый, растерянный видъ,
Идемъ мы къ своимъ повседневнымъ заботамъ...

И тотъ, кто вчера былъ безсильнымъ рабомъ,
Кâкъ сталъ вдругъ могучъ! Непонятная сила
Всѣ мысли, всѣ чувства ему покорила—
И вѣрятъ ему, и тоскуютъ о немъ...

Чтó жизнь отнимала, тó смерть подарила!

*
* *

Волна упала, прошумѣвъ,
Блеснувъ, какъ дивное видѣнье...
Погибло наше поколѣнье—
Любовь угасла, замеръ гнѣвъ!

Но такъ былъ грозёнъ этотъ блескъ,
Что полночь дрогнула пугливо,—
И до поры иной, счастливой
Дойдетъ волны погибшей плескъ.

И волны новыя придутъ
На берегъ, сумракомъ покрытый,
И жизни острые граниты
Усилій ихъ не разобьютъ!

---

* * *

Радость, влюбленная въ солнце и смѣхъ,
Льнетъ къ золоченымъ палатамъ;
Горе людское, въ сторонкѣ отъ всѣхъ,
Съ видомъ стоитъ виноватымъ.

Радость криклива: ей нуженъ исходъ,
Ей въ одиночествѣ тѣсно.
Мышкой пугливою горе шмыгнетъ,
Скроется въ норкѣ безвѣстной.

Въ темныхъ подвалахъ, въ мансардахъ глухихъ,
Міру незримыя, льются
Слезы несчастныхъ, голодныхъ, больныхъ,—
Силы послѣднія рвутся...

Если же къ радости шумной съ мольбой,
Полною трепетной муки,
Горе людское протянетъ порой
Тощія, блѣдныя руки,—

Взглядъ ему злобный она подаритъ,
　　Оскорблена безгранично:
«Что за навязчивый голосъ и видъ!
　　Горе должно быть прилично».

На праздникѣ Пушкина.

(26 мая 1899 г.).

Вѣнки, огни, хвалебныхъ гимновъ пѣнье,
Душистый чадъ бряцающихъ кадилъ...
И вѣчный сонъ прервавши на мгновенье,
Свой чуткій слухъ поэтъ насторожилъ.
Его зовутъ, ему поется слава...

«Но гдѣ же тотъ, чей горестный удѣлъ,
Достоинство и попранное право,
Въ жестокій вѣкъ, въ укоръ я сильнымъ пѣлъ?
Народъ! Народъ! иль были тщетны годы—
Твой день далекъ, предѣла скорби нѣтъ?
И гдѣ же вы, печальники свободы,
Принявшіе мой факелъ и завѣтъ?
Не слышу васъ: чужіе сердцу звуки...
Враждебный пиръ... О томъ ли я мечталъ,
Когда въ часы душевной горькой муки
Въ туманъ временъ далекихъ прозиралъ?
Иль я забытъ? Иль я отвергнутъ вами»?

И вотъ, сквозь гулъ веселыхъ голосовъ,
Какъ стонъ пловца, задушенный волнами,
Доносится чуть внятный, грустный зовъ:

— Слагать хвалы, когда надъ головою
Губящій мечъ съ угрозою виситъ,
И новый день не радостью живою—
Обидами насъ новыми даритъ?
Сплетать вѣнки, когда нашъ слухъ терзаетъ
Голодный плачъ измученныхъ дѣтей,
И скорби тѣнь, какъ трауръ, покрываетъ
Нѣмой просторъ заброшеннныхъ полей?..
Нѣтъ, нѣтъ, поэтъ! На оргіи лукавой
Къ лицу лишь тѣмъ побѣдно ликовать,
Кто надъ живой глумиться можетъ славой,
Чтобъ мертвую цвѣтами убирать!..

* * *

Въ чужбину мнѣ пишутъ друзья: «Не мечтай,
Что родина нѣжно любимая—рай,
Что въ нашей лазури не бродитъ туманъ,
Что сердце у насъ не изныло отъ ранъ»!..

Такъ дружба мою утѣшаетъ печаль.
А сердце все рвется въ завѣтную даль,
Все вѣритъ—тамъ воздухъ струится иной,
Тамъ люди добрѣе и лучше душой...

Тамъ юность, крылатая юность цвѣтетъ,
О правдѣ мечтаетъ, на жертву идетъ,
И если не видѣть ей краснаго дня,—
Пусть общая чаша отравитъ меня!

Сонъ на чужбинѣ.

На чужбинѣ далекой, тоскуя вдвоемъ,
Мы, какъ дѣти, однажды тихонько болтали
Въ полумракѣ вечернемъ о горькомъ быломъ
(Нашей старой, но все еще свѣжей печали!).

—«Нѣтъ, тѣхъ дней я забыть не могу никогда,
Никогда не прощу!—ты, блѣднѣя, шептала:—
Ни одна впереди не мерцала звѣзда,
Умъ мѣшался, душа умирала...

«Днемъ и ночью шумѣла рѣка подъ окномъ,
Шевелясь, точно лапы чудовищъ враждебныхъ.
Рѣкъ такихъ мы въ краю не видали родномъ,
Развѣ—въ грёзахъ иль сказкахъ волшебныхъ.

«Величавый, холодный, безлюдный просторъ...
Наша лодка, да влажныя черныя бездны,
Да по берегу стѣны отвѣсныя горъ—
О возвратѣ мечты безполезны!

«За утесомъ-гигантомъ вздымался утесъ,
Все безмолвнѣй, угрюмѣй, печальнѣй...

Все на сѣверъ потокъ насъ безжалостный несъ,
Дальше, дальше отъ родины дальней!

«Разъ, я помню, подъ гнетомъ безумной тоски,
Вся пронизана влагой холодной,
Я заснула подъ мѣрные всплески рѣки,
И приснилось мнѣ: вновь я свободна!..

«Я лечу, будто птица... Мелькаютъ вокругъ
Занесенныя снѣгомъ равнины...
Я лечу на желанный сверкающій югъ
Изъ холоднаго мрака чужбины.

«Ближе, ближе родная страна—
Небо блещетъ лазурью и свѣтомъ...
Сердце чуетъ: весна, золотая весна!
Пахнетъ бѣлой акаціи цвѣтомъ.

«Вотъ и Днѣпръ, утопая въ вишневыхъ садахъ,
Засверкалъ бирюзою... Я вся задрожала—
И, на берегъ родимый упавши въ слезахъ,
Долго, жадно его цѣловала!..

. . . .

«Я очнулась на мрачной, холодной рѣкѣ—
Волны съ грознымъ нахлынули плескомъ.
Сердце билось въ груди, точно птица въ силкѣ,
Еще полное радостнымъ блескомъ.

«И казалось въ тотъ мигъ: если-бъ родину я
Не во снѣ—на яву увидала,
Я упала-бъ на землю и, слезъ не тая,
Цѣловала ее, цѣловала!»

Милый голосъ во тьмѣ, какъ струна зазвенѣлъ—
Ты внезапно замолкла угрюмо.
И утѣшить тебя я, мой другъ, не умѣлъ,
Полонъ той же мучительной думой.

Городокъ.

Вспомнился мнѣ мой родной городокъ!
Церковь убогая, улица сонная,
Утокъ раздолье—-зацвѣтшій прудокъ...
Жизнь тамъ катилась, какъ мирный потокъ,
Сѣрая жизнь, монотонная.

* * *

Съ ветхими кровлями карлы-дома;
Радуги стёколъ оконныхъ съ заплатами;
Осени долгой тоскливая тьма,—
Все тамъ давило меня, какъ тюрьма,
Люди казались врагами заклятыми...

* * *

— «Дальше скорѣе! Не нужны вы мнѣ,
Люди смѣшные, дома кособокіе!
Счастье найду я въ чужой сторонѣ»...
Счастье, увы, я нашелъ лишь во снѣ—
Родины грустной картины далекія.

* * *

Сколько въ нихъ прелести горькой, больной,

Какъ въ нихъ нуждается сердце усталое!
Весь я блѣднѣю при мысли одной—
Не увидать городокъ мой смѣшной,
Прудъ засоренный, дома обветшалые!..

Апрѣльская пѣсня.

За бѣдою бѣда... На чужой сторонѣ
Даже солнышко свѣтитъ неласково мнѣ!
Люди-ль мимо идутъ,—какъ подъ осень волна,
Ихъ неласковъ привѣтъ, и рука холодна.

Не замѣтилъ въ тоскѣ я, поникнувъ челомъ,
Какъ отъ юга весеннимъ пахнуло тепломъ,
И, апрѣльской веселой лазури пѣвцы,
Подъ окошкомъ моимъ затрещали скворцы.

Дни изгнанья прошли, дни скорбей и тревогъ —
И вернулись они въ свой родной уголокъ:
Суета, хлопотня, безъ конца разговоръ...
Какъ ихъ пѣсня громка! Трудъ и веселъ, и споръ!

Звуки счастья гремятъ, и дразня и маня,
Но о счастьи давно пѣсенъ нѣтъ у меня!
Подъ окномъ я стою съ пріунывшей душой:
Не бывать, видно, мнѣ на сторонкѣ родной!

1859 г.

*
* *

Вѣтку сирени ты держишь въ рукѣ,
Съ грустной улыбкой цвѣты разбирая;
«*Счастья*» ты ищешь въ бездушномъ цвѣткѣ...
— Полно! о, полно, моя дорогая!

Сила и радость повержены въ прахъ...
Намъ ли съ тобою мечтамъ предаваться?
Косы твои, точно снѣгъ, серебрятся,
Снѣгъ и въ моихъ ужъ блеститъ волосахъ.

Только надъ сердцемъ, изнывшимъ въ тоскѣ,
Видно, безсильны гроза и ненастье:
Вѣтку сирени ты держишь въ рукѣ—
«*Счастья*» въ ней ищешь, не вѣруя въ счастье!..

Тишина.

Вечеръ румяный притихъ, догорая,
Листъ не прошепчетъ въ лѣсной глубинѣ;
Тучекъ перистыхъ гряда золотая
Въ недосягаемой спитъ вышинѣ.

Тихо мелькнула звѣзда, и другая...
Ночь надѣваетъ свой царскій вѣнецъ...
— Мука, великая мука людская!
Стихла ли ты, наконецъ?

***

Нѣтъ, легче жить въ тюрьмѣ рабомъ,
Чѣмъ быть свободнымъ человѣкомъ—
И упираться въ стѣну лбомъ,
Не смѣя спорить съ рабскимъ вѣкомъ!

Поэту-символисту.

Въ искусствѣ рифмъ—уловокъ тьма,
Но тайна тайнъ, повѣрь, не въ этомъ:
Отъ сердца пой—не отъ ума,
Безумцемъ будь, но будь поэтомъ!

Слава.

I.

— Выше, выше, рабы! Громоздите
На утесы утесы, гранитъ на гранитъ!
Изнуряйтесь, кричите отъ боли, умрите
У подножія гордыхъ моихъ пирамидъ:
Вы на то лишь и годны, презрѣнныя души!
Я—Хеопсъ богоравный, я—солнцемъ рожденъ;
Звуки славы моей на моряхъ и на сушѣ
Отдаленныхъ достигнутъ временъ.
Но гордитесь—вы подвигъ безсмертный творите:
Монументъ мой подъ бурей вѣковъ устоитъ..
Выше, выше еще! Громоздите
На утесы—утесы, гранитъ на гранитъ!

II.

— Въ путь, въ невѣдомый путь, удалая фаланга
Македонскихъ героевъ! Безстрашно впередъ
Черезъ пламя пустынь, черезъ холодъ высотъ
Къ изумруднымъ лѣсамъ тихоструйнаго Ганга!
Александру весь міръ покорить вы должны,
Чтобы не было имени въ мірѣ славнѣе.

Жгите села и нивы, рубите смѣлѣе,
Убѣляйте костями дорогу войны!
Не жалѣйте напитковъ на тризнѣ кровавой—
На поляхъ этихъ пышная жатва взойдетъ.
Александра безсмертною славой
Міръ наполниться долженъ... Впередъ!

III.

—Славься, славься, моя многозвучная лира,
Ты въ великомъ бою посрамила враговъ!
Много сильныхъ земли, много гордыхъ пѣвцовъ
Предъ глазами сошлось удивленнаго міра,
Чтобъ украсить чело заповѣднымъ вѣнкомъ;
Много пѣсенъ, угодныхъ богамъ, прозвучало,
Дивныхъ пѣсенъ, сердца зажигавшихъ огнемъ,—
И меня, лишь меня одного увѣнчала
Лучезарнаго Феба благая рука.
О, греми жъ, моя лира, греми, не смолкая:
Ты—Эллады краса и утѣха святая,
Будутъ помнить тебя племена и вѣка!

IV.

И вѣка пронеслись... Мавзолей величавый
Еле виденъ въ наносахъ горючихъ песковъ,
И ободранъ его драгоцѣнный покровъ,
И затерты узорныя надписи славы.
И не помнятъ подъ солнцемъ ливійскихъ небесъ,
Кто изъ смертныхъ придавленъ громадою стройной—
Горделивый Хеопсъ, иль могучій Рамсесъ...
И не меньше забытъ Александръ безпокойный!
Смутно шепчетъ молва о великомъ бойцѣ,

Полномъ дикихъ страстей и порывовъ прекрасныхъ...
Да по свисту знакомому розогъ ужасныхъ
Школяры еще знаютъ о гордомъ пѣвцѣ,
Тщетно силясь гекзаметръ прочесть величавый...

Вотъ удѣлъ, называемый славой!..

Именемъ любви.

(30 іюня 1680 года).

День голубой занялся надъ Мадридомъ,
Томительно палящій лѣтній день.
Но не садовъ живительная тѣнь
Влечетъ толпу: великолѣпнымъ видомъ
Порадовать готовится король
И пышный дворъ, и уличную голь.

Стукъ топора и визгъ пилы былъ слышенъ
На площади шестнадцать долгихъ дней.
Тамъ лабиринтъ воздвигнутъ галлерей
И яркихъ ложъ... Какъ дамъ уборъ тамъ пышенъ!
Какъ рыцарей галантны видъ и рѣчь!
Жидовъ и вѣдьмъ сегодня будутъ жечь.

Чу! близятся... Неясный гулъ движенья...
И замеръ духъ у зрителей въ груди.
Съ мечами трубочисты впереди...
А вотъ *и тѣ*... Бредутъ, какъ привидѣнья,
Босые всѣ, со свѣчками въ рукахъ,
Въ сорочкахъ бѣлыхъ, въ страшныхъ колпакахъ.

Съ хоругвями, съ эмблемами, крестами

Святая инквизиція грядетъ,—
Монахи, патеры, епископы... Народъ
Подался въ глубь бурливыми волнами,
И съ верхнихъ ложъ благочестивый дворъ
На сцену устремилъ горящій взоръ.

Пришли... Стоятъ съ покорностью печальной...
И зашумѣла буря голосовъ:
«Огня, огня! Долой еретиковъ»!
Но вдругъ... Что тамъ? Раздвинувъ кругъ опальный,
Фигура отдѣлилась... Вотъ она
Предъ трономъ королевы склонена.

И кто-бъ рѣшилъ: которая прекраснѣй
Была изъ двухъ? Она-ль, къ порфирѣ чьей
Летѣлъ восторгъ безчисленныхъ очей,
Иль та, которой не было несчастнѣй
Подъ солнцемъ, озарявшимъ этотъ мигъ?
Въ слезахъ былъ весь марранки *) юной ликъ.

«— О, сжальтесь, королева надо мною!—
Она шептала, руки заломивъ:
Пятнадцать лѣтъ всего мнѣ... Судъ правдивъ,
Но умереть такъ рано!.. Я-ль виною,
Что Богу силъ есть въ мірѣ тьма именъ,
Что мой законъ—моихъ отцовъ законъ?»

Здѣсь—гнѣва крикъ, тамъ —шепотъ изумленья...
Надежды лучъ и леденящій страхъ...

---

*) Марранами назывались въ Испаніи евреи-выкресты, вновь обратившіеся къ религіи предковъ.

У королевы слезы на глазахъ,
Дрожитъ рука, – и кроткій звукъ прощенья
Сорваться съ устъ трепещущихъ готовъ:
На короля глядитъ она безъ словъ.

Но вотъ уста задвигались сухія
(Великій инквизиторъ встать спѣшитъ):
«Король Христовой церкви! врагъ не спитъ.
Отринь скорѣй его навѣты злые,
Сверши свой долгъ»! И, руку вверхъ поднявъ,
Король въ отвѣтъ: «Клянусь, отецъ,—ты правъ».

И эта клятва мрачными попами
Повторена... Раздался слабый стонъ—
И грянуло аминь со всѣхъ сторонъ,
И вспыхнуло свирѣпой казни пламя!
Багровый дымъ поднялся къ небесамъ
Хвалой Тому, Кто былъ замученъ самъ.

Мечтатели.

Любовь... Блаженный сонъ! Кто въ юности прекрасной
Не окружалъ его сіяющимъ вѣнцомъ?

Была пора—была рабой безгласной
И вещью женщина, мужчина былъ царемъ.
Одинъ владѣлъ онъ всѣмъ; ничтожной крошки хлѣба,
Рабыня, не могла назвать она своей.
Въ тѣ дни союзъ любви явился даромъ неба,
Очеловѣчившимъ людей.
Надъ темнымъ міромъ зла, надъ *я* себялюбивымъ
Любовь воздвигла міръ чарующей мечты,
Зажгла сердца возвышеннымъ порывомъ,
Изъ устъ исторгла пѣснь во славу красоты!

Но въ позолотѣ цѣпь, увы, не легче стала:
Все доля женская—подобіе тюрьмы...

И есть мечтатели, есть дерзкіе умы,
Провидящіе свѣтъ иного идеала.
«Гименъ... О, темное, о злое божество
Съ улыбкой ангела! Обманъ, миражъ красивый,
Которымъ звѣрь прикрытъ сластолюбивый,

Въ которомъ нѣтъ святого ничего!
Все для себя и ничего для міра...
Ничтожный, пошлый кругъ! Безвыходный капканъ,
Гдѣ заперты навѣкъ два мстительныхъ вампира
Подъ масками друзей... И это - ты, титанъ,
Свободы гордый сынъ? И къ этому такъ жадно
Вѣка стремишься ты, съ упорствомъ муравья?
Нѣтъ, нѣтъ! Исчезнетъ онъ, безумный, безотрадный
Кошмаръ. . . . .
За милый женскій взглядъ, за сладкій мигъ участья
Меча на брата братъ не вынетъ изъ ножонъ!
Всѣ будутъ позваны на свѣтлый праздникъ счастья,
Никто не будетъ обдѣленъ!»

Пораженіе Сеннахерима.

(Изъ Байрона.)

Враги, точно стая волковъ, налетѣли!
Одежды ихъ пурпуромъ яркимъ горѣли,
А копья блистали въ полдневныхъ лучахъ,
Какъ звѣзды небесъ въ галилейскихъ волнахъ.

Какъ листья дубравы весною зеленой,
Подъ вечеръ у нихъ развѣвались знамёна;
Какъ листья дубравы осенней порой,
Разсыпаны были ихъ трупы съ зарей...

Духъ смерти надъ ними прошелъ въ полуно̀чи—
И мертвенны стали ихъ сонныя очи
И больше смеженныхъ не подняли вѣкъ:
Сердца всколыхнулись—и стихли на вѣкъ.

Вотъ, ноздри раздувши, валяется конь,
Но гордый изъ нихъ ужъ не пышетъ огонь;
И съ губъ его пѣна стекаетъ, мутна,
Какъ брызги разбитой волны, холодна.

Тамъ всадникъ лежитъ, безобразенъ и блѣденъ,
Съ копьемъ и щитомъ—и ребенку безвреденъ.
Могильный покой надъ шатрами царитъ—
Хоругви не вѣютъ, труба не звучитъ.

И трауромъ вдовы Ашура покрыты,
И идолы въ храмѣ Ваала разбиты;
Но сила врага не отъ нашихъ мечей—
Отъ блеска растаяла Божьихъ очей!

Материнская Любовь.

(Изъ С. Прюдома.)

Готовая къ жертвѣ, приходитъ она
На первый же голосъ невзгоды,
Кротка, милосердна, добра и нѣжна,—
И все въ ней—загадка природы.
Награды не ждетъ и печально паритъ
Надъ фатомъ, достойнымъ проклятья.
Суровый родитель наслѣдства лишитъ,
А мать... Мать раскроетъ объятья!
Ея легковѣрна любовь и скромна,
Не видитъ себя и не цѣнитъ,
Но даже тогда не измѣнитъ она,
Какъ все намъ на свѣтѣ измѣнитъ!
За нами и къ небу она полетитъ,
И въ бездну низринется съ нами;
Отъ гибели грудью своей заслонитъ,
А раны обмоетъ слезами...
И есть ли убѣжище въ мірѣ вѣрнѣй?
Какой это кровъ благодатный
Усталому сердцу—и ласку скорѣй,
И отдыхъ предложитъ отрадный?

Какой еще другъ для другихъ пренебречь
Безъ гнѣва позволитъ собою?
Забытый, все будетъ нашъ образъ беречь,
Тоскуя незлобной душою?
И кинется въ пропасть отверстую къ намъ,
Себя, не колеблясь, погубитъ
И жертвы слѣда не почувствуетъ тамъ,
Гдѣ мать только вѣритъ и любитъ?
—О, мать! ты одна лишь изъ всѣхъ Данаидъ,
Чья вѣра незыблемо-вѣчна,
Кто бездну наполнить съ любовью спѣшитъ
Любовью своей безконечной!..

Изъ-за морей.

(Изъ «Ирландскихъ пѣсенъ» О'Коннора.)

Съ далекой родины приходятъ злыя вѣсти
О черныхъ дняхъ бѣды, нависшей надъ страной;
Во снѣ и на яву зоветъ къ борьбѣ и мести
Изнеможенный ликъ Ирландіи родной.
И въ сердцѣ крикъ встаетъ: «О, гдѣ жъ друзья свободы?
Чего молчатъ они? Чего еще онъ ждетъ,
Правдивой казни мечъ»?..
Мелькаютъ дни и годы...
О, Боже! кто спасетъ измученный народъ?

Туманная весна. Одѣтый первымъ пухомъ
Недвиженъ сонный лѣсъ; въ заброшенныхъ поляхъ
Не ходитъ острый плугъ... И пахарь, павшій духомъ,
Надъ мертвой клячею стоитъ съ слезой въ очахъ.
И видитъ онъ вдали погнувшуюся хату,
Больныя личики дѣтей полунагихъ
И знаетъ: каждый день сулитъ ему утрату,
Обиду новую и горечь слезъ нѣмыхъ...

—Не плачь, несчастный братъ! Не думай, что мольбою
Смягчишь ты гнѣвъ небесъ, пославшихъ чашу бѣдъ,
Не думай, что вампиръ, взлелѣянный тобою,

Захочетъ кинуть самъ изсохшій твой скелетъ!
Отъ чуда ли ты ждешь желаннаго спасенья?
Избавитъ Римъ тебя отъ гнета хищныхъ лапъ?
Защиты въ небѣ нѣтъ! Надежды нѣтъ въ терпѣньи—
Иль самъ себя спасай, иль погибай, какъ рабъ!
Но хуже-ль ты другихъ? Изъ полнаго бокала
Не можешь радость пить со смѣхомъ на устахъ?
Зеленый Эринъ мой! воспрянь... Пора настала—
Оковы ржавыя разбить и бросить въ прахъ!
Вставай—ударилъ часъ... Живой огонь тревоги
Воспламени въ сердцахъ, народы всколыхни...
Всели холодный страхъ въ бездушные чертоги,
Зажги по городамъ зловѣщіе огни!
Темницы распахни!.. И изъ своей могилы
И мы, забытые, живые мертвецы,
Лишенные давно и мужества, и силы,
Воспрянувъ, явимся, среди бойцовъ бойцы.
И если лучшій сокъ пожралъ огонь страданья,
И если лучшихъ силъ назадъ не возвратимъ,
То кровь послѣднюю, послѣднее дыханье
Тебѣ, о родина, съ восторгомъ отдадимъ!

Первый дождь.

Грустятъ поля подъ бурыми снѣгами,
Раздѣтый лѣсъ окованъ мрачнымъ сномъ.
Нѣтъ силъ страдать! Какъ узникъ за стѣнами,
Томится міръ въ затишьи ледяномъ!
И ночь сошла, какъ крыша гробовая...
Вдругъ, странный шумъ раздался въ тишинѣ,
Какъ-будто птицъ неслась большая стая,
Огромныхъ птицъ въ незримой вышинѣ.
Сильнѣй, слышнѣй... Съ тревогою тяжелой
Блуждаетъ взоръ по темнымъ небесамъ...
И первый дождь, какъ молодость веселый,
Могучій дождь ударилъ по полямъ!
Какъ онъ хлесталъ! Какъ налеталъ онъ шумно,
За строемъ строй кидая звонкихъ стрѣлъ!
Съ какимъ огнемъ и радостью безумной
Онъ пѣснь борьбы, не уставая, пѣлъ:
«Впередъ! Впередъ! Струей животворящей
Упасть на грудь родныхъ лѣсовъ и нивъ,
Лишь мигъ прожить, короткій, но блестящій—
И умереть, великое свершивъ»!..

Всю ночь, гремя, стихіи бушевали...

Подъ утро смолкъ нестройныхъ голосовъ
Сердитый споръ; лишь капли лепетали,
Какъ вздохи умирающихъ бойцовъ.
Блеснулъ разсвѣтъ... Гдѣ жъ бурый снѣгъ? Стыдливо,
Какъ юная невѣста подъ фатой,
Глядитъ земля съ улыбкою счастливой,
И льется трепетъ жизни молодой...

1900, апрѣль.

* * *

«Свѣтъ побѣдитъ! Молчите вы, сомнѣнья!»
— И вотъ опять затоптанъ факелъ въ грязь...

«Весь міръ придетъ на праздникъ примиренья —
Торжествовать любви и братства связь».
— Но вотъ гремятъ орудья разрушенья,
И снова кровь рѣкою полилась...

* * *

Все выше волны,
Все ближе шумъ...
Часъ, страха полный
И гордыхъ думъ!

Какъ жадно сердце
Стремится жить,
Все, все увидѣть,
Обнять, вмѣстить!

Какъ сладко думать:
Подобный мигъ
Среди столѣтій
Лишь разъ возникъ!

Но... челнъ твой въ бездну
Летитъ съ горы:
Ты не узнаешь
Конца игры.

1900.

„На славномъ посту“.

(Н. К. Михайловскому).

Не въ эти сумрачные годы
Ты близокъ мнѣ и дорогъ сталъ:
Какъ свѣточъ правды и свободы,
Ты въ дни весны моей сіялъ.

Я помню съ мига пробужденья
Твой голосъ честный и живой...
Красѣ и цвѣту поколѣнья
Ты лозунгъ выбралъ боевой!

Когда заслышу сквозь туманы
Я и теперь твой бодрый зовъ,—
Смѣлѣй гляжу, забывши раны,
Во мракъ нависшихъ облаковъ.

1900.

Свиданіе.

(Посвящается М. П. Ор—ву).

I.

Не къ матери родной и не къ сестрѣ любимой
Въ волненьи радостномъ я къ первымъ прибѣжалъ—
Туда, гдѣ на дыбы скакунъ неукротимый
Съ желѣзнымъ всадникомъ у края бездны всталъ.

Вдали, въ чужихъ снѣгахъ, въ разлукѣ сиротливой,
Средь мукъ забвенія и боли старыхъ ранъ,
Какъ первыхъ лѣтъ любовь; душѣ моей строптивой
Онъ грезился, земли родимой великанъ.

Не тамъ, гдѣ яркій блескъ и гулъ людскихъ волненій,
По-одаль отъ дворцовъ и шумныхъ площадей,
Въ укромной зелени акацій и сиреней,
Гдѣ нѣжно смѣхъ звучалъ рѣзвящихся дѣтей,—

Стоялъ Онъ въ вышинѣ, объятый вѣщей думой,
Со взоромъ, поднятымъ къ невидимой зарѣ;

Въ чертахъ властительныхъ горѣлъ огонь угрюмый,
Огонь презрѣнія къ довольной мишурѣ!

И между мной и имъ,—песчинкой и скалою,—
Таинственная связь мнѣ чудилась порой...
То былъ-ли сонъ?—Не разъ, задумчивой весною,
Когда скитался я надъ царственной рѣкой,

И пышный городъ спалъ въ сіяньи ночи кроткой,
И думы дерзкія роились въ тишинѣ,—
Я помню,—тамъ, въ саду, за темною рѣшеткой,
Ѣздокъ надъ пропастью кивалъ съ улыбкой мнѣ...

II.

Но цѣпь тяжелыхъ лѣтъ, увы, легла не даромъ—
Съ трудомъ я отыскалъ завѣтную скалу.
Какъ-будто смерчъ прошелъ, дыша губящимъ жаромъ:
Все опаливъ кругомъ, оставилъ смерть и мглу!

Ни травки бархатной, ни шепчущей березки;
Левкоевъ, хризантемъ исчезъ цвѣтистый лугъ...
Казарма мрачная: булыжникъ сѣрый, жесткій
Пустыней голою раскинулся вокругъ!

И Онъ... Все тутъ же Онъ, надъ роковымъ обрывомъ,
На топчущемъ змѣю взбѣсившемся конѣ,
Но—сколько холода въ полетѣ горделивомъ,
Какъ страшно и знакомъ, и незнакомъ Онъ мнѣ!

Простерта въ воздухѣ могучая десница,

И, чудится, гремитъ угроза съ высоты:
«Проклятіе тебѣ, моихъ надеждъ гробница,
О городъ роковой, гдѣ гибнутъ всѣ мечты!

«И ты, потомокъ-червь, мой тихій сонъ могильный
Безумнымъ ропотомъ дерзнувшій возмутить,—
Тебя не знаю я... Ничтожный и безсильный!
Мой гордый замыселъ тебѣ ли завершить?»

III.

— Пускай безсиленъ я... Пускай во мракѣ глухо
Замретъ мой вопль,—какъ рабъ, не сдамся я судьбѣ!
Пигмей я и червякъ, но въ свѣтломъ царствѣ духа,
Средь малыхъ и большихъ, родной я сынъ тебѣ.

— На встрѣчу пошлости безстыдной и безславной,
Во имя Истины, Добра и Красоты
Ты первый поднялъ бунтъ рукой самодержавной,
И первый ты зажегъ свободныя мечты!

— И живъ онъ, твой завѣтъ бойца и гражданина:
Лишь родину любить, какъ истинную мать,
Безтрепетной рукой себя, родного сына
Въ годину черную на жертву ей отдать!

— И если дѣлъ твоихъ и думъ кипучихъ пламя
На искры малыя распалось въ бурной мглѣ,
Твой духъ живетъ и въ нихъ! Твое несемъ мы знамя,
Разбитые, съ вѣнкомъ терновымъ на челѣ...

. . . .

И—чудо! мѣдный ликъ внезапно прояснился...
На мигъ, вновь расцвѣла душистая весна—
И снова на яву мнѣ сонъ блаженный снился,
И поднимала грудь могучая волна!..

1900

Сестрѣ.

«Слезъ не нужно, моя дорогая,
Полно... полно... Я снова съ тобой!»—
Говорю я, тебя обнимая,
А изъ глазъ льются слезы рѣкой.

«Это—правда, не сонъ лишь блаженный!
Вѣрь, любимая, страхъ твой смѣшонъ»...—
Въ тайнѣ жъ сердца боюсь, что мгновенно
Оборвется мой радужный сонъ.

Ночью мучатъ кошмары больные:
Кони черные мчатъ меня прочь...
И, лучи увидавши дневные,
Я не вѣрю, что кончилась ночь.

Грѣясь возлѣ голубки родимой,
Все ловлю свою мысль на одномъ:
«Надо ей, моей доброй, любимой,
Написать поскорѣй обо всемъ!»...

На родинѣ.

Я что-то потерялъ—и не могу сыскать...
Чего еще, чего душѣ строптивой надо?
Смѣется глубь небесъ, какъ ласковая мать,
Вся въ блескѣ утонувъ весенняго наряда.
И вижу снова я любимый городъ мой,
Рокочущій, какъ громъ, сверкающій, какъ море,
Ступаю на яву по плитамъ мостовой,
Гдѣ юношей мечталъ о счастьи и просторѣ...

Чего-жъ такъ грустно мнѣ? Чего безумно жаль?
Иль этотъ смутный гулъ, немолчный гулъ потока,
Гдѣ слиты въ стонъ одинъ и радость, и печаль,
Спугнулъ тѣ сны мои, что̀ снились тамъ, далёко?
Подавленный, бреду... Ни сладкихъ, жгучихъ слезъ,
Ни смѣха радости знакомому, родному...
Какъ это вышло все блѣднѣе, по иному,
Чѣмъ въ сказкѣ золотой моихъ прекрасныхъ грёзъ!

И тѣхъ же все дворцовъ блестящихъ вереница,
И тѣхъ же синихъ водъ дразнящій зыбкій свѣтъ,
И сфинксовъ каменныхъ загадочныя лица,
Но сердцу чудится—чего-то больше нѣтъ!
Вотъ юношей толпа... Ихъ лица бодры, ясны,

Но—словно, чуждая межъ насъ черта легла:
Губительный ли вихрь развѣялъ сонъ прекрасный,
Иль молодость моя съ собою унесла?..

Болитъ душа, болитъ! Какъ пойманная птица,
Тревожно мечется и рвется на просторъ...
Туда-ль, туда-ль опять безумная стремится —
Въ пустыни дальнія за цѣпью льдистыхъ горъ?
Туда, гдѣ что ни шагъ—отвѣсныхъ скалъ граниты,
Гдѣ рѣки—какъ моря, и души - точно ледъ,
Гдѣ лучшіе друзья въ чужихъ снѣгахъ зарыты,
А пѣсни лучшія сгубилъ угрюмый сводъ?..

Туда!.. И мрачно тамъ, и холодно и дико,
О дальней родинѣ томитъ до слезъ мечта,
Но грѣютъ сердце тамъ отрадою великой
И гордый гнѣвъ, и боль обиды и креста.
Страна полночныхъ вьюгъ, моей весны могила,
Угрюмыхъ сыновей неласковая мать,
Языкъ клянетъ тебя, а сердце полюбило...
Я что-то потерялъ—и не могу сыскать!

1900 г.

---

*
* *

Помнишь ли, другъ мой, дорогу глухую, пустынную
Въ чуждомъ краю, подъ покровомъ сыпучихъ снѣговъ?
Сани съ больными ползли вереницею длинною...
. . . .

Въ рыхломъ снѣгу увязая ногами усталыми,
Вся раскраснѣвшись подъ свѣжимъ дыханьемъ полей,
Шла молчаливо и ты,—и большими опалами
Слезы порою катились изъ грустныхъ очей.

Выбились косы, чернѣя, какъ змѣи огромныя...
Грузъ свой влача, я едва поспѣвалъ за тобой.
Въ даль мы безвѣстную шли и отчаянье темное,
Злое, холодное, вдаль уносили съ собой.

Думалось: «Кончено! Чувства живого, прекраснаго
Грёзы убиты... Прости, дорогая любовь!
Въ горькой разлукѣ изнывъ, среди мрака ненастнаго
Гробъ одинокій найдемъ, не увидимся вновь.»

Но—воротились мы... Жизни суроваго молота
Вынесли тяжесть: на диво силёнъ человѣкъ!
Только... душа моя, словно, на части расколота,
Только твоя голова побѣлѣла, какъ снѣгъ!

Въ плѣну.

Душа моя въ плѣну,—въ плѣну у тяжкихъ думъ,
У дней безъ радости, у ночи безъ разсвѣта!..
Ни мирный сонъ полей, ни улицъ пестрый шумъ
Не будятъ больше въ ней созвучнаго отвѣта.

Рвануться бы, стряхнуть докучный гнетъ цѣпей,
Взмахнуть бы широко́ орлиными крылами!
Но цѣпи—гдѣ онѣ? Вдоль стѣнъ тюрьмы моей
Не ходитъ часовой съ безсонными глазами.

Куда, куда бѣжать? Пустыненъ кругозоръ,
Зной опалилъ его дыханьемъ мрачной скуки...
И солнце, какъ сквозь дымъ, бросаетъ мертвый взоръ,
И призрачны, какъ сонъ, и радости, и муки!

Душа моя въ плѣну!.. И грезится вдали
Ей край плѣнительный, волшебный край свободы,
Гдѣ шумный жизни пиръ, цвѣтущій пиръ земли,
Кипитъ, какъ вешнія сверкающія воды...

— Далекой юности блаженные края!
Какъ все тамъ солнечнымъ залито свѣтомъ было,
Какъ сердце вѣрило и пламенно любило
Весну, людей и жизнь...
Въ плѣну душа моя!

1900, іюль.

---

* * *

(Посвящ. М. П. Ш--ну).

Страданія чашу испивши до дна,
Онъ къ жизни вернулся изъ страшнаго гроба:
Развѣяны чары проклятаго сна,
Смирилась бездушная злоба!
Не сразу нашелъ я привѣта слова—
Перо отъ волненья изъ рукъ выпадало...
«...Все глухо, товарищъ; мерцаетъ едва
Далекій маякъ идеала.
Что братья, друзья?—Ахъ, блаженны стократъ
Погибшіе въ цвѣтѣ надеждъ и стремленій!
Не счесть мнѣ обидныхъ и горькихъ утратъ,
Трусливыхъ ошибокъ, паденій...»
И все описать я спѣшилъ безъ прикрасъ,
Что̀ было за черные дни пережито,—
И чувство обиды и гнѣва не разъ
Въ груди клокотало сердито...

Дрожащей рукою печать я срывалъ
Съ письма дорого изъ дальняго края.
Меня утѣшая, товарищъ писалъ,
Съ печалью шутливость мѣшая:

«Спасибо за вѣсти про старыхъ друзей!
Укрывшихся въ гавань отъ злого ненастья
Оставимъ... Пусть радость вкушаютъ! Сильнѣй
　　Печалятъ меня ихъ несчастья.»
И образъ знакомый мелькнулъ изъ-за строкъ...
Я долго сидѣлъ, молчаливый, смущенный:
Какъ нѣжности столько ты въ сердцѣ сберегъ,
　　Боецъ, подъ грозой непреклонный?

Майская пѣсня.

Липы качались вчера обнаженныя,—
Сколько сегодня зеленыхъ кудрей!
Въ воздухѣ крики стоятъ отдаленные
Первыхъ крылатыхъ гостей.

Что это? Грома раскаты веселые...
Радостно дрогнулъ проснувшійся садъ!
Словно упали затворы тяжелые
Съ двери въ глухой казематъ.

Чудо,—во-очію чудо свершается:
Ожило мертвое сердце въ груди,
Снова куда-то летѣть порывается..
Крылья растутъ позади!

День весь, съ утра, я охваченъ тревогою:
Дверь широко̀ растворю на балконъ—
Жадно слѣжу за пустынной дорогою,
Слышу таинственный звонъ.

Кто тамъ? Не ты-ль это, юность блаженная,
Съ гордой улыбкой летишь въ вышинѣ?
— О, воротись хоть на мигъ, незабвенная,
Съ вѣстью надежды ко мнѣ!

1901 г.

---

* * *

Бываютъ годы мрачнаго безсилья:
Лишь рѣдкій стонъ разбудитъ тишину,
И молодость влачитъ уныло крылья,
Какъ соколъ раненый—въ плѣну.
И кажется—конца не будетъ ночи,
Въ пустынной мглѣ затерянъ къ солнцу слѣдъ...
Сѣдой мудрецъ потупилъ скорбно очи,
И ты безмолвствуешь, поэтъ!

Но жизни свѣтъ, живая мысль—свободна!
Когда грознѣй сомкнется злая тѣнь,
И будетъ скорбь людская безысходна,—
Онъ возсіяетъ, красный день.
Придетъ онъ вдругъ, негаданный, нежданный:
Раздвинется угрюмый, тѣсный сводъ,
Пѣснь зазвучитъ—и гостьею желанной
На праздникъ жизни молодость войдетъ!

---

* * *

Средь мукъ и стенаній на свѣтъ
Живая душа прилетаетъ;
Въ грозѣ испытаній поэтъ
Даръ пѣсенъ живыхъ обрѣтаетъ,—
Тѣхъ пѣсенъ, что́ ледъ разбиваютъ сердецъ...
Страданье—искусный, умѣлый кузнецъ!

* * *

Подъ небомъ холоднымъ, чужимъ,
Во мракѣ бездомныхъ скитаній,
Въ разлукѣ со всѣмъ дорогимъ,
Въ крушеніи всѣхъ упованій,—
Въ дни черные бѣдъ познается боецъ:
Изгнанье—искусный, умѣлый кузнецъ!

* * *

Но славы достоинъ лишь тотъ,
Кто, гордый своей правотою,

На вѣрную гибель идетъ
Съ спокойной и ясной душою.
Прекрасенъ и проченъ героя вѣнецъ:
Ты, смерть,—для безсмертья кующій кузнецъ!

* * *

Дитя! ты вѣришь въ близкій рай?
Еще порывъ свирѣпой бури—
И въ блескѣ солнца и лазури,
Въ цвѣтахъ, сойдетъ къ намъ вѣчный май?
Конецъ угрозамъ темнымъ ада,
Забвенье мукамъ и слезамъ,—
И велика бойцовъ награда,
И сладокъ ранамъ ихъ бальзамъ!..

Дитя, дитя! Въ дали безбрежной
Эдема свѣтлаго маякъ.
Еще не разъ подъ вьюгой снѣжной
Пловцовъ зальетъ холодный мракъ!
Не разъ промчится грозный шквалъ
Вражды, насилья, скорби, страха,
Какихъ, быть можетъ, міръ не зналъ,—
И обагрятся мечъ и плаха!
Я вижу рядъ великихъ бѣдъ,
Позоръ и ужасъ пораженій...

Но вновь и вновь вернется Геній
Любви и правды: «Дѣти! Свѣтъ!..»

И, возвышаясь надъ костями
Борцовъ погибшихъ, каждый разъ
Бѣднѣй все будетъ міръ цѣпями
И къ раю счастья ближе насъ.

Памяти Добролюбова.

Друзья! въ тяжелый мигъ сомнѣнья
Взгляните пристальнѣй назадъ:
Какія блѣдныя видѣнья
Оттуда съ ужасомъ глядятъ!
И молятъ, и, какъ-будто, плачутъ,
Грозятъ кистями рукъ худыхъ...
Что̀ ихъ мольбы нѣмыя значатъ?
Кому, за что упреки ихъ?

То—наши братья... Жизнь, свободу,
Всѣ блага лучшія земли
Они родимому народу
Съ любовью въ жертву принесли.
Они погибли, вѣря страстно,
Что мы пойдемъ по ихъ стопамъ
И не дадимъ пропасть напрасно
Ихъ жертвамъ, ранамъ и скорбямъ!

Когда въ постыдный часъ паденья
Страдальца-брата тѣнь мелькнетъ,
Какая буря возмущенья

Внезапно сердце потрясетъ!
Святыя слезы покаянья
Подступятъ къ горлу... И опять
Кипитъ душа огнемъ желанья—
Идти на крестныя страданья,
Всю душу родинѣ отдать!

Новая весна.

Съ цвѣтущихъ береговъ залитыхъ солнцемъ странъ,
Соскучась по землѣ родимой,
Несется вновь гостей веселыхъ караванъ
На сѣверъ грустный, но любимый.
Вблизи лѣсныхъ озеръ опять и звонъ, и гамъ!
И, прерывая сонъ глубокій,
Дивится мертвый лѣсъ: по старческимъ корнямъ
Текутъ живительные соки...
Обласканы тепломъ полуденныхъ лучей,
Глядятъ былинки изъ-подъ снѣга...
Все новой жизни ждетъ,—приволья ясныхъ дней,
Веселыхъ, шумныхъ бурь набѣга!

Тяжелъ и дологъ былъ природы мрачный сонъ:
Казалось, сномъ онъ смерти будетъ,
Казалось, дряхлый міръ ни новой жертвы стонъ,
Ни громъ побѣды не разбудитъ.
Надъ степью голою лишь воронъ каркалъ злой,
Да мерзлый листъ шуршалъ уныло:
«И я когда-то жилъ... давно-давно, весной...
Всесильна смерть! Крѣпка могила!“

И первый вольный звукъ стряхнулъ унынья гнетъ:
Мелькнулъ цвѣтокъ на таломъ снѣгѣ...
Кричатъ ватаги птицъ, гремятъ потоки водъ,
Поютъ зеленые побѣги!
И мой усталый духъ поетъ веснѣ привѣтъ,—
Забыты дни тоски мертвящей...
— Цвѣти, „младая жизнь"! И пусть не меркнетъ свѣтъ
Твоей звѣзды путеводящей!

1902 г., май.

На старомъ пепелищѣ.

I.

Дулъ вѣтеръ съ утра... Какъ свинцомъ налита̀,
Сердито вздувалась рѣка за кормою;
Еще разъ провѣдать хотѣлъ я мѣста,
Любимыя нѣкогда мною.

Вдоль стройныхъ, одѣтыхъ въ гранитъ, береговъ,
Я плылъ съ затуманеннымъ сердцемъ и взоромъ;
И тускло свѣтилась фаланга дворцовъ
За воднымъ широкимъ просторомъ.

Застыли гиганты въ таинственномъ снѣ
Среди величавой, унылой пустыни...
Вонъ, сѣрой змѣею въ другой сторонѣ
Стѣна притаилась твердыни.

И долго туда я, и жадно глядѣлъ...
. . . .
— О, годы проклятые, мимо!

Лѣниво тянулся зловѣщій гранитъ,—
И слезы въ груди закипали невольно:

Отъ старыхъ страданій и старыхъ обидъ
Такъ было и сладко, и больно!

Чу, свистъ... Пароходъ меня дальше понесъ.
Угрюмые своды изъ камня и стали,
Съ рокочущимъ гуломъ копытъ и колесъ,
Не разъ надо мной пролетали,

И грозно въ пролетахъ шипѣла волна.
Исакія шлемъ замелькалъ золоченый...
Вотъ узкая красная лента видна
Средь липовой рощи зеленой.

Какъ дрогнуло сердце опять!—Я узналъ:
Здѣсь, въ этихъ стѣнахъ незабвенныхъ, когда-то
Я воздухъ познанья такъ жадно вдыхалъ,
Такъ въ Истину вѣровалъ свято.

Но съ гордыхъ, заоблачно-льдистыхъ высотъ
Она, какъ царица, на землю глядѣла;
До боли вседневныхъ скорбей и заботъ
Владычицѣ не было дѣла.

А мы... Мы любили отчизну, какъ мать,
Всѣмъ пыломъ сердецъ беззавѣтно-влюбленныхъ;
За братьевъ всю душу хотѣли отдать,
За братьевъ, судьбой обойденныхъ!

И душенъ намъ сталъ величавый чертогъ...
. . . .

Но вотъ ужъ и сфинксы... Пришельцы изъ Ѳивъ
Загадочнымъ взоромъ глядятъ другъ на друга;

Все снится имъ желтаго Нила разливъ
Подъ солнцемъ сверкающимъ юга.

Въ чужбинѣ холодной ужъ семьдесятъ зимъ
Вкругъ нихъ отшумѣло... Все длится изгнанье!
О, бѣдные сфинксы! Я боленъ другимъ,
Но ваше цѣню я страданье.

Мы старые съ вами знакомцы... Не разъ
Ввѣрялъ я вамъ тайну святого обѣта,—
И долго бродилъ здѣсь, и спрашивалъ васъ
О часѣ, минутѣ разсвѣта.

Теперь, послѣ многихъ мучительныхъ лѣтъ,
Я знаю—конца не увижу ненастья:
Лишь въ бурѣ кровавыхъ страданій и бѣдъ
Дается народамъ ихъ счастье...

. . . .

Свинцовое небо грозило дождемъ;
Мнѣ горькое въ душу сомнѣнье закралось:
Здѣсь камни повсюду твердятъ о быломъ,
Но люди... Что въ людяхъ осталось?!

II.

Въ огромной столицѣ одинъ уголокъ
Я вспомнилъ,—душѣ дорогой и завѣтный.
Безшумно катился тамъ жизни потокъ—
Тѣснился въ нуждѣ безпросвѣтной

Рабочій народъ. Тамъ и мы, молодежь,
Ютились по скромнымъ мансардамъ и кельямъ,
Враждою встрѣчая лишь трусость и ложь,
А муки лишеній—весельемъ.

Въ средину бесѣды тамъ блѣдный разсвѣтъ
Врывался нерѣдко холодной волною;
Тамъ зрѣли герои, дивившіе свѣтъ
Душевной своей красотою..

Все сразу́ узналъ я, — ту улицу, домъ,
Въ которомъ окошко до свѣта мелькало,
Какъ звѣздочкой ясной, маня огонькомъ
Въ укромный пріютъ идеала.

Но каменный выросъ гигантъ впереди,
Исчезло окно за стѣною огромной...
Съ безумно забившимся сердцемъ въ груди
Бѣгу я по лѣстницѣ темной!

Минута—и юность вернется назадъ:
Отворится дверь—ярко солнце засвѣтитъ—
Съ серебрянымъ смѣхомъ, съ косою до пятъ
Меня моя милая встрѣтитъ!..

. . . .

Я долго звонилъ; въ нетерпѣньи рванулъ
Завѣтную дверь—и во тьмѣ корридора
Одинъ очутился... Несдержанный гулъ
Услышалъ я жаркаго спора.

Звенѣла толпа молодыхъ голосовъ.
Обрывки рѣчей до меня долетали...

Спадала завѣса, изъ мрака годовъ
Знакомыя тѣни вставали!

Я кашлянулъ. Выглянулъ стройный брюнетъ:
Глаза удивленно и строго глядѣли...
Мелькнула головка кудрявая, вслѣдъ
Съ глазами пугливой газели.

Еще и еще, точно въ полѣ цвѣты...
Въ смущеньи стоялъ я, слова подбирая,
А въ сердцѣ побѣдныя пѣли мечты:
Да здравствуетъ жизнь молодая!..

1902.

II.

БОДЛЭРЪ.

СПЛИНЪ и ИДЕАЛЪ.

(LES FLEURS DU MAL).

...La Voix me console et dit: «Garde tes songes!
Les sages n'en ont pas d'aussi beaux que les fous!»

Изъ предисловія.

. . . .

На мягкомъ ложѣ зла рукой неутомимой
Нашъ духъ баюкаетъ, какъ нянька, Сатана,
И мудрымъ химикомъ въ насъ испаренъ до дна
Душевной твердости металлъ неоцѣнимый.

За нити тайныя насъ дергаетъ самъ адъ:
Мы въ омерзительномъ прекрасное находимъ,
Что день, на шагъ одинъ въ глубь преисподней сходимъ
И съ чувствомъ ужаса не поглядимъ назадъ!

. . . .

Немолчно копошась, какъ милліонъ червей,
Толпа въ насъ демоновъ безстыдныхъ веселится,
И съ каждымъ вздохомъ Смерть намъ въ легкія струится
Съ глухою жалобой, незримо для очей.

И если ядъ, пожаръ и остріе кинжала
Еще не вышили узоровъ роковыхъ
На нашихъ скучныхъ дняхъ, и пошлыхъ и пустыхъ,—
Увы! лишь потому, что въ насъ отваги мало...

6

Но межъ лисицъ, пантеръ, шакаловъ, ястребовъ,
Межъ гадовъ всѣхъ породъ, ползущихъ и летящихъ,
Чудовищъ воющихъ, ревущихъ и визжащихъ.
Въ звѣринцѣ нашихъ душъ, подъ грудою грѣховъ,

Одно есть чудище, исчадье адской злобы:
Въ своей недвижности загадочно-нѣмой
Охотно-бъ шаръ оно разрушило земной
И поглотить весь міръ однимъ зѣвкомъ могло бы!

То—Скука... Грезится ей плахъ кровавыхъ рядъ,—
И, отъ зѣвоты, взоръ подернутъ слезъ туманомъ...
Читатель, ты знакомъ съ изнѣженнымъ тираномъ,—
Читатель-лицемѣръ,—подобный мнѣ,—мой братъ!

Альбатросъ.

Когда въ морскомъ пути тоска грызетъ матросовъ,
Они, досужій часъ желая скоротать,
Безпечныхъ ловятъ птицъ, огромныхъ альбатросовъ,
Которые суда такъ любятъ провожать.

И вотъ, когда царя любимаго лазури
На палубѣ кладутъ, онъ снѣжныхъ два крыла,
Умѣвшихъ такъ легко парить навстрѣчу бурѣ,
Застѣнчиво влачитъ, какъ два большихъ весла.

Быстрѣйшій изъ гонцовъ, какъ грузно онъ ступаетъ!
Краса воздушныхъ странъ,—о, какъ онъ сталъ смѣшонъ!
Дразня, тотъ въ клювъ ему табачный дымъ пускаетъ,
Тотъ веселитъ толпу, хромая, какъ и онъ.

Поэтъ, вотъ образъ твой! Ты также безъ усилья
Летаешь въ облакахъ средь молній и громовъ,
Но исполинскія тебѣ мѣшаютъ крылья
Внизу ходить, въ толпѣ, средь шиканья глупцовъ.

На высотѣ.

Надъ горами, лѣсами, долинами,
Надъ воздушной грядой облаковъ,
Надъ морскими сѣдыми пучинами,
За границами звѣздныхъ міровъ,—

Ты, мой духъ, въ безконечности носишься;
Какъ пловецъ, ты лазурь бороздишь —
То въ пучину бездонную бросишься,
То въ надзвѣздную высь улетишь.

Отъ міазмовъ земныхъ заражающихъ
Тамъ очистись, въ эфирныхъ моряхъ,
Окунись въ ихъ струяхъ освѣжающихъ,
Въ свѣтозарныхъ омойся лучахъ!

Забывая страданія жгучія,
Жизни пасмурной скуку и гнетъ,—
О, блаженъ тотъ, чьи крылья могучія
Въ высоту направляютъ полетъ!

Тотъ, чьи мысли, какъ птицы свободныя,
Горделиво надъ жизнью парятъ,
Для кого дышутъ камни холодные,
Съ кѣмъ ручьи и цвѣты говорятъ!

Благословеніе.

Когда Поэтъ, по волѣ провидѣнья,
Явился въ міръ, испуганная мать,
Сжавъ кулаки, полна богохуленья,
Дитя и небо стала проклинать:

«Ахъ, лучше-бъ комъ до омерзѣнья гадкихъ
Живыхъ ехиднъ на свѣтъ я родила!
Тотъ проклятъ часъ, та ночь восторговъ краткихъ,
Когда позоръ я мужу зачала!

«Но если Богъ посмѣшищемъ народа
Меня одну избралъ изъ матерей,
И не могу я гнуснаго урода
Швырнуть въ огонь украдкой отъ людей,—

«О, я отмщу за муки униженья!
Я гнѣвъ небесъ на даръ ихъ перелью:
Я такъ скручу несчастное растенье,
Что почки всѣ въ зародышѣ убью»!

Такъ, день и ночь питаться желчью рада,
Не въ силахъ цѣль предвѣчную понять,
Уже впередъ готовитъ въ нѣдрахъ ада
Себѣ костеръ озлобленная мать.

Но сирота, подъ тайною охраной
Самихъ небесъ, несетъ свой тяжкій крестъ:
Во всемъ, что пьетъ, онъ нектаръ пьетъ румяный,
Во всемъ, что ѣстъ, амброзію онъ ѣстъ.

Съ пролетной тучкой весело болтаетъ,
Играетъ съ вѣтромъ, съ птичкой полевой
И съ ней поетъ... И съ грустью наблюдаетъ
Хранитель-ангелъ смѣхъ его живой!

Онъ весь—любовь... Но холодъ подозрѣнья
Идетъ за нимъ; за то, что кротокъ онъ,
Ему дарятъ обиды и гоненья,
И любо всѣмъ его подслушать стонъ!

Въ его вино и хлѣбъ его мѣшаютъ
Плевки съ золой; и все, чего рукой
Коснется онъ, брезгливо отвергаютъ;
Его слѣды обходятъ стороной.

. . . .

Его жена на площадяхъ публичныхъ
Не устаетъ хвастливо говорить:
«Онъ дышетъ мной! Я идоловъ античныхъ
Хочу собой для міра воскресить!

«Вся въ золото одѣнусь; благовонный
Заставлю нардъ мнѣ жечь и ѳиміамъ;
Въ его душѣ колѣнопреклоненной,
Какъ божеству, себѣ воздвигну храмъ.

«А, утомясь кощунственной забавой,
Я коготь свой безумцу покажу

И, въ грудь вонзивъ, со смѣхомъ путь кровавый,
Какъ гарпія, до сердца проложу.

«И это сердце розовое выну,
Какъ изъ гнѣзда дрожащаго птенца,
И на обѣдъ любимой кошкѣ кину
И трепетомъ упьюсь его конца.»

Въ ночной тиши Поэтъ благочестивый
Лучистый взоръ возводитъ къ небесамъ,
И свѣтъ горитъ въ его душѣ правдивой,
Прощенья свѣтъ неистовымъ врагамъ *).

—«Благословенъ Дающій намъ страданья,
Въ пустынѣ зла источникъ водъ живыхъ!
Какъ сталь въ огнѣ, въ горнилѣ испытанья
Нашъ крѣпнетъ духъ для радостей святыхъ.

«Я знаю: тамъ, гдѣ Ты царишь, блистая,
Есть уголокъ и для моихъ скорбей,
И позовешь меня Ты въ кущи рая
На праздникъ Силъ, Престоловъ и Властей.

«Онъ правъ, Твой судъ! Даетъ вѣнецъ нетлѣнный
Лишь путь креста, мученій и тревогъ,
И дань нужна со всѣхъ міровъ вселенной,
Чтобъ мой сплести мистическій вѣнокъ!

---

*) Въ подлинникѣ:

Et les vastes èclairs de son esprit lucide
Lui dèrobent l'aspect des peuples furieux.

Хотя здѣсь и не упоминается о «прощеніи», но изъ дальнѣйшаго текста видно, что Поэтъ прощаетъ своимъ врагамъ и даже благословляетъ небо, посылающее ему гоненія.

«Забытый блескъ прославленной Пальмиры,
Богатства горъ и глубины морей,
Всѣ перлы ихъ, алмазы и сапфиры—
Потонутъ вмигъ въ огнѣ его лучей!

«Онъ будетъ свитъ не смертными руками
Изъ чистыхъ струй не здѣшняго огня,
Того огня, передъ которымъ пламя
Людскихъ очей—лампада въ блескѣ дня!»

Маленькія старушки.

(Посвящено Виктору Гюго).

I.

Въ изгибахъ сумрачныхъ старинныхъ городовъ,
Гдѣ самый ужасъ,—все полно очарованья,
Часами цѣлыми подстерегать готовъ
Я эти странныя, но милыя созданья!

Уродцы слабые со сгорбленной спиной
И сморщеннымъ лицомъ, когда-то Эпонинамъ,
Лаисамъ и онѣ равнялись красотой...
Полюбимъ ихъ теперь! Подъ ветхимъ кринолиномъ

И рваной юбкою отъ холода дрожа,
На каждый экипажъ косясь пугливымъ взоромъ,
Ползутъ онѣ, въ рукахъ заботливо держа
Завѣтный ридикюль съ поблёкнувшимъ узоромъ.

Неровною рысцей безпомощно трусятъ,
Подобно раненымъ волочатся животнымъ;
Какъ куклы съ фокусомъ, прохожаго смѣшатъ,
Выдѣлывая па̀ движеньемъ безотчетнымъ...

Межъ тѣмъ, глаза у нихъ буравчиковъ острѣй—
Какъ въ ночи лунныя съ водою ямы, свѣтятъ:
Прелестные глаза неопытныхъ дѣтей,
Смѣющихся всему, что́ яркаго замѣтятъ!

Васъ поражалъ размѣръ и схожій видъ гробовъ
Старушекъ и дѣтей? Какъ много благородства,
Какую тонкую къ изящному любовь
Художникъ мрачный —Смерть вложила въ это сходство!

Наткнувшись иногда на немощный фантомъ,
Плетущійся въ толпѣ по набережной Сены,
Невольно каждый разъ я думаю о томъ—
Ка̀къ эти хрупкіе, разстроенные члены

Сумѣетъ гробовщикъ въ свой ящикъ уложить...
И часто мнится мнѣ, что это еле-еле
Живое существо, наскучившее жить,
Бредетъ, не торопясь, къ вторичной колыбели...

Рѣкой горючихъ слезъ, потокомъ бе́зъ конца
Прорыты вашихъ глазъ бездонные колодцы,
И прелесть тайную, о милые уродцы,
Находятъ въ нихъ бѣдой вскормлённыя сердца!

II.

Но я... Я въ нихъ влюбленъ!—Мнѣ васъ до боли жалко,
Садовъ-ли Тиволи вы легкій мотылекъ,
Фраскати-ль стараго влюбленная весталка,
Иль жрица Таліи, чье имя зналъ раекъ.

Ахъ! многія изъ васъ, на днѣ самой печали
Умѣя находить благоуханный медъ,
На крыльяхъ подвига, какъ боги, достигали
Смиренною душой заоблачныхъ высотъ!

Однѣхъ родимый край повергъ въ пучину горя,
Другихъ свирѣпый мужъ скорбями удручилъ,
А третьимъ сердце сынъ-чудовище разбилъ,—
И слезы всѣхъ, увы, составили бы море!

III.

Какъ наблюдать любилъ я за одной изъ васъ!
Въ часы, когда заря вечерняя алѣла
На небѣ, точно кровь изъ ранъ живыхъ сочась,—
Въ укромномъ уголку она одна сидѣла

И чутко слушала богатый мѣдью громъ
Военной музыки, который наполняетъ
По вечерамъ сады и боевымъ огнемъ
Уснувшія сердца согражданъ зажигаетъ.

Она еще пряма, бодра на видъ была
И жадно пѣснь войны суровую вдыхала:
Глазъ расширялся вдругъ порой, какъ у орла,
Чело изъ мрамора, казалось, лавровъ ждало...

IV.

Такъ вы проходите черезъ хаосъ столицъ
Безъ слова жалобы на гнетъ судьбы неправой,

Толпой забытою святыхъ или блудницъ,
Которыхъ имена когда-то были славой!

Теперь въ людской толпѣ никто не узнаетъ
Въ васъ грацій старины, терявшихъ счетъ побѣдамъ;
Прохожій пьяница къ вамъ съ лаской пристаетъ
Насмѣшливой, гамэнъ за вами скачетъ слѣдомъ.

Стыдясь самихъ себя, вы бродите вдоль стѣнъ,
Пугливы, скорчены, блѣдны̀, какъ привидѣнья,
Еще при жизни—прахъ, полуостывшій тлѣнъ,
Созрѣвшій ужъ давно для вѣчнаго нетлѣнья!

Но я, мечтатель, – я, привыкшій каждый вашъ
Невѣрный шагъ слѣдить тревожными очами,
Невѣдомый вамъ другъ и добровольный стражъ,—
Я, какъ отецъ дѣтьми, тайкомъ любуюсь вами...

Я вижу вновь разсвѣтъ погибшихъ вашихъ дней,
Неопытныхъ страстей неясныя волненья;
Чрезъ вашу чистоту самъ становлюсь свѣтлѣй,
Прощаю и люблю всѣ ваши заблужденья!

Развалины! Мой міръ! Свое прости вамъ вслѣдъ
Торжественно я шлю при каждомъ разставаньи:
О, Евы бѣдныя восьмидесяти лѣтъ,
Увидите-ль зари вы завтрашней сіянье?

Дурной монахъ.

На сумрачныхъ стѣнахъ обителей святыхъ,
Бывало, Истина въ картинахъ представала
Очамъ отшельниковъ, и ледъ сердецъ людскихъ,
Убитыхъ подвигомъ, искусство умѣряло.

Цвѣли тогда, цвѣли Христовы сѣмена!
Немало иноковъ, прославленныхъ молвою,
Смиренно возложивъ свой крестъ на рамена,
Умѣли славить Смерть съ великой простотою.

Мой духъ—могильный склепъ, гдѣ, послушникъ дурной,
Я долженъ вѣчно жить, не видя ни одной
Картины на стѣнахъ обители постылой...

— О, нерадивый рабъ! Когда сберусь я съ силой
Изъ зрѣлища моихъ несчастій и скорбей
Трудъ сдѣлать рукъ моихъ, любовь моихъ очей?

Няня *).

Служанка скромная съ великою душой,
Безмолвно спящая подъ зеленью простой,
Давно цвѣтовъ тебѣ мы принести мечтали!
У бѣдныхъ мертвецовъ, увы, свои печали,—
И въ дни, когда октябрь уныло шелеститъ
Опавшею листвой надъ мраморомъ ихъ плитъ,
О, какъ завидуютъ они намъ безконечно,
Намъ, дремлющимъ въ теплѣ, въ уютности безпечной,
Въ то время какъ они, подъ гнетомъ черныхъ сновъ,
Безъ доброй болтовни, въ стѣнахъ сырыхъ гробовъ,
Скелеты мерзлые, изрытые червями,
Лежатъ... И сыплются беззвучными клоками
На нихъ снѣга зимы... И такъ года текутъ,
И свѣжихъ имъ вѣнковъ друзья не принесутъ!

Холоднымъ декабремъ, во мракѣ ночи синей,
Когда поютъ дрова, шипя, въ моемъ каминѣ,—
Увидѣвши ее на креслахъ въ уголку,

---

*) Вторую половину перваго стиха:

La servante au grand coeur *dont vous étièz jalouse*—

мы нашли возможнымъ опустить въ переводѣ, какъ подробность несущественную (обращеніе къ матери, далѣе въ стихотвореніи не фигурирующей).

Тайкомъ поднявшую могильную доску
И вновь пришедшую, чтобъ материнскимъ окомъ
Взглянуть на взрослое дитя свое съ упрекомъ,—
Что́ я отвѣчу ей, при видѣ слезъ нѣмыхъ,
Тихонько каплющихъ изъ глазъ ея пустыхъ?..

Сумерки.

Вотъ другъ преступника,—вотъ вечеръ, полный чаръ!
Онъ крадется, какъ волкъ, готовящій ударъ
День прячетъ медленно свой обликъ помертвѣлый,
И хищникъ ждетъ съ душой остервенѣлой.

О, вечеръ! Тотъ тебѣ благословенья шлетъ,
Кто въ этотъ часъ съ лица отеръ горячій потъ,
Чьи очи скорбныя давно отяжелѣли,—
Рабочій, чуть живымъ добредшій до постели.

Но вредныхъ демоновъ уже нарушенъ сонъ:
Съ зѣвотой дѣловой спѣша со всѣхъ сторонъ,
Крылатыя толпы тревожно суетятся,
Шныряютъ, нюхаютъ, подъ окнами стучатся...

Чуть глянули огни на омраченный міръ,
На улицахъ Развратъ свой зажигаетъ пиръ:
Всѣ норы, выходы внезапно открываетъ,
Повсюду западни и сѣти разставляетъ.

Какъ червь прожорливый, онъ точитъ весь народъ.
Чу! слышно здѣсь и тамъ шипѣнье сковородъ,
Театровъ плескъ и визгъ, томящій вой органа,
И смѣхъ, и голоса и пьяный звонъ стакана.

Вокругъ столовъ съ игрой столпились шулера
И падшихъ женщинъ рой: ихъ часъ пришелъ! Пора,
Пора достать обѣдъ! И вотъ наступитъ скоро
Черёдъ идти на ловъ и для простого вора.

Карманы очищать онъ долженъ мастерски,
Неслышно взламывать замки и сундуки,
Чтобъ день, другой пожить въ безпечности отрадной,
Да для любовницы уборъ купить нарядный...

О, тяжкіе часы! О, безъ конца позоръ!
Душа моя, закрой свой огорченный взоръ,
Замкни твой слухъ, уйди въ себя скорѣе!
Страданія больныхъ теперь всего острѣе.

Ночь темная, какъ врагъ, хватаетъ ихъ за грудь
И въ общей пропасти торопитъ потонуть.
Больница вздохами наполнилась... Едва-ли
Изъ этихъ бѣдняковъ, рожденныхъ для печали,

Найдетъ ужъ кто-нибудь вечернею порой
Опять душистый супъ въ кругу семьи родной;
Еще же больше тѣхъ, кто въ жизни нелюдимой
И не знавалъ во-вѣкъ тепла семьи родимой!

———

Развѣтъ.

Въ казармахъ, за рѣкой, пробили часъ зари,
И свѣжій утренникъ ужъ гаситъ фонари.
Толпа злотворныхъ сновъ приникла къ изголовью
Кипучихъ юношей... Какъ глазъ, налитый кровью,
Свѣтъ лампы замигалъ въ предутреннихъ лучахъ.
И въ этотъ смутный часъ, какъ лампы свѣтъ, въ цѣпяхъ
Тѣлесной немощи душа безсильно бьется,
Тоскуетъ, и болитъ и на свободу рвется!
Весь воздухъ—какъ лицо, залитое въ слезахъ:
Предметы зыблются въ причудливыхъ чертахъ...
Уже послышались кой-гдѣ людскія рѣчи
Съ охриплымъ отзвукомъ, и задымились печи.

Писатель задремалъ, не бросивши пера.
И падшимъ женщинамъ уснуть пришла пора—
Тупымъ, тяжелымъ сномъ безъ радости и муки,
Со ртомъ разинутымъ, какъ плети свѣсивъ руки.
Голь изнуренная, съ отрепьемъ на плечахъ,
Разводитъ очаги на жалкихъ чердакахъ;
Средь холода и мглы, въ лишеньяхъ нищей доли,
Несчастныхъ роженицъ теперь ужаснѣй боли!
Какъ заглушенный плачъ сквозь хлынувшую кровь,
Крикъ сиплый пѣтуха, замолкнувъ, слышенъ вновь.
Сѣдой плыветъ туманъ, какъ море, колыхаясь...

И въ глубинѣ больницъ, хрипя и задыхаясь,
Не мало горемыкъ отходитъ въ этотъ часъ!
Межъ тѣмъ, толпа гулякъ, трудами утомясь,
Торопится домой,—нога съ ногой въ разладѣ...

Въ зелено-розовомъ трепещущемъ нарядѣ
Студеная заря надъ Сеною пустой
Неспѣшно движется огнистой полосой,
И сумрачный Парижъ, старикъ трудолюбивый,
Протеръ уже глаза рукой нетерпѣливой.

Душа вина.

Однажды вечеромъ въ тюрьмѣ своей стеклянной
Душа вина, я слышалъ, пѣла такъ:
«Къ тебѣ взываю я, о дорогой, желанный,
Судьбою и людьми обиженный бѣднякъ!

«Чтобъ жизнь мою создать, я знаю—сколько пота
Ты пролилъ на поляхъ, въ томящемъ зноѣ дня;
Безъ благодарности была твоя работа,
Но благодарное есть сердце у меня!

«Повѣрь: въ тотъ свѣтлый мигъ восторгъ мой безпредѣленъ,
Когда касаюсь я горячихъ губъ людскихъ,
Чтобъ сладко умереть! А здѣсь мой вѣкъ безцѣленъ—
Томиться въ погребахъ холодныхъ и сырыхъ.

«Ты слышишь ли, какъ полные отрады
Въ моей груди трепещущей звучатъ
Воскресные припѣвы и рулады,
И радости и счастіе сулятъ?

«Зимой, по вечерамъ въ кругу семьи болтая,
Ты будешь пить меня, о прошломъ не скорбя,

И, за глоткомъ глотокъ неспѣшно пропуская,
Съ локтями на столѣ, похваливать, любя.

«Въ глаза твоей жены я брошу искру свѣта,
Отъ будничныхъ заботъ я духъ твой отрѣшу
И сына твоего, зачахшаго атлета,
Для юности отцвѣтшей воскрешу.

«Я въ грудь къ вамъ упаду амброзіей священной,
Зерномъ, посѣяннымъ предвѣчною рукой, —
И брызнетъ изъ сердецъ, какъ солнца лучъ живой,
Цвѣтокъ поэзіи нетлѣнный!»

Пирушка тряпичниковъ.

Ненастье. Фонарей дрожащихъ слышенъ стукъ..
Чуть льется красный свѣтъ на лабиринтъ лачугъ
Предмѣстья стараго, гдѣ бурными дрожжами
Рабочій бродитъ людъ, и грязь стоитъ морями.
Въ душѣ тряпичника, межъ тѣмъ, тепло и свѣтъ!
Качаясь, стукаясь о стѣны, какъ поэтъ,
Забывъ и помышлять о сыщикахъ коварныхъ,
Онъ весь излиться радъ въ проектахъ лучезарныхъ;
Законы издаетъ для всѣхъ племенъ земныхъ,
Вѣнчаетъ лавромъ жертвъ, ниспровергаетъ злыхъ
И подъ шатромъ небесъ, нависшихъ балдахиномъ,
Отважнымъ мнитъ себя и мощнымъ паладиномъ!
Старикъ, до времени согнутый и сѣдой,
Измолотый трудомъ, заботой и нуждой,
Уставшій подбирать вонючія тряпицы,
Отрыжку грязную прожорливой столицы,
Такъ онъ идетъ домой, въ свой уголъ бѣдняка,
Пропитанъ запахомъ пріятнымъ погребка,
Съ толпой товарищей, и ихъ усы сѣдые
Висятъ, какъ предъ полкомъ знамена боевыя!
Предъ ними солнца блескъ, и флаги и цвѣты...
И въ шумной оргіи — о, свѣтлыя мечты! —

Побѣдныхъ кликовъ, трубъ несутъ они свободу
И воскресенья вѣсть усталому народу!

Такъ бодрое вино, отрада всѣхъ живыхъ,
Пактóломъ *) золотымъ течетъ по жиламъ ихъ,
Надъ міромъ царствуя любовью и дарами
Вѣрнѣй, чѣмъ короли желѣзомъ и бичами...
Надъ скорбною землей немолчный слыша стонъ,
Богъ, тронувшись душой суровой, создалъ сонъ,
А хитрый человѣкъ прибавилъ сокъ янтарный,
Дитя любимое денницы лучезарной...

---

*) Золотоносная рѣка въ Лидіи.

Хмѣль убійцы.

Жена въ землѣ... Ура! Свобода!
Бывало, вся дрожитъ душа,
Когда приходишь безъ гроша,
Отъ криковъ этого урода.

Теперь мнѣ царское житье:
Какъ воздухъ чистъ! Какъ небо ясно!
Вотъ такъ весна была прекрасна,
Когда влюбился я въ нее.

Чтобъ эта жажда перестала
Мнѣ грудь изсохшую палить,
Ея могилу затопить
Вина хватило бы... Не мало!

На дно колодца, гдѣ вода,
Ее швырнулъ я вверхъ ногами
И забросалъ потомъ камнями...
Ее забуду я—о, да!

Во имя нѣжныхъ клятвъ былого,
Всего, чему забвенья нѣтъ,

Чтобъ нашей страсти сладкій бредъ
И счастья дни вернулись снова,

Молилъ свиданья я у ней
Подъ вечеръ, на дорогѣ темной.
Она пришла овечкой скромной...
Вѣдь глупость—общій грѣхъ людей!

Она была еще прелестна,
Какъ трудъ ее ни изнурилъ,
А я... я такъ ее любилъ!
Вотъ отчего намъ стало тѣсно.

Душа мнѣ странная дана:
Изъ этихъ пьяницъ отупѣлыхъ
Свивалъ ли кто рукою смѣлыхъ
Могильный саванъ изъ вина?

Нѣтъ! толстой шкурѣ ихъ едва-ли
Доступна сильная вражда,
Какъ, вѣроятно, никогда
Прямой любви они не знали,

Съ ея безсоницей ночей,
Съ толпой больныхъ очарованій,
Съ убійствомъ, звуками рыданій,
Костей бряцаньемъ и цѣпей!

И вотъ я одинокъ, я воленъ!
Мертвецки къ вечеру напьюсь
И на дорогѣ растянусь,
Собою и судьбой доволенъ.

Чтó мнѣ опасность, иль законъ?
Промчится, можетъ быть, съ разбѣга
Съ навозомъ грузная телѣга,
Иль перекатится вагонъ

Надъ головой моей преступной,
Но я смѣюсь надъ Сатаной,
Надъ папой съ мессою святой
И жизнью будущею купно!

Лебедь *).

(Посвящено Виктору Гюго).

I.

Андромаха, я мысленно вижу тебя!—
Обманувшій мечты Симоентъ **) захудалый,
Надъ которымъ когда-то, безъ мѣры любя,
Ты скорбями вдовы величаво блистала,

Породивши слезами обиліе водъ,—
Мнѣ на память привелъ Карусель обновленный.
Измѣнился Парижъ: онъ быстрѣе живетъ,
Чѣмъ людскія сердца,—въ перемѣны влюбленный!

Только смутно мнѣ грезится прежній просторъ:
Поле грязныхъ бараковъ,— недвижная плѣсень
Зеленѣющихъ лужъ,— въ кучи сваленный соръ,—
У дверей кабачковъ звуки пляски и пѣсенъ...

---

*) Во времена обширныхъ перестроекъ Парижа, предпринятыхъ Наполеономъ III, поэтъ переносится мысленно къ Парижу своей молодости, грязному, неприглядному—и все таки мучительно дорогому. На фонѣ этихъ грустныхъ воспоминаній рисуется ему «великій родной лебедь»—Викторъ Гюго въ изгнаніи.

**) Рѣчка, протекавшая близъ древняго Иліона.

Тамъ старинный звѣринецъ рисуется мнѣ.
Въ часъ, когда подъ лазурью холодной и ясной
Просыпается трудъ, и въ нѣмой тишинѣ
Живодерня заводитъ концертъ свой ужасный,

Разъ мнѣ лебедь попался, изъ клѣтки своей
Убѣжавшій. Онъ тщетныя дѣлалъ усилья,
Въ мелкой лужѣ, досужей игрушкѣ дѣтей,
Возбужденно купая раскрытыя крылья!

Клювъ разинувъ, къ жестокому небу глаза
Поднималъ онъ, казалось, съ безмолвнымъ упрекомъ:
«О, когда, наконецъ, зашумишь ты, гроза,
Ты, вода, потечешь благодатнымъ потокомъ?»

Я теперь еще вижу, какъ, полный тоской
По прозрачнымъ озерамъ отчизны прекрасной,
Онъ болѣзненно часто моталъ головой
На изогнутой шеѣ,—смѣшной и несчастный...

II.

Да, Парижъ измѣнился... Но въ грусти моей
Никакой перемѣны съ тѣхъ поръ не случилось!
Видъ старинныхъ предмѣстій, лѣсовъ, пустырей—
Въ аллегорію все для меня превратилось,

И мои дорогія мечты о быломъ
Никакой ураганъ новизны не повалитъ!
Передъ Лувромъ стою-ли въ раздумьи нѣмомъ—
Все одинъ меня образъ знакомый печалитъ.

Я о лебедѣ нашемъ великомъ скорблю,
Изступленномъ и гнѣвномъ, въ пустынѣ изгнанья
Тщетно рвущемся жажду насытить свою,
Возбуждая улыбку и боль состраданья!..

И опять, Андромаха, я вижу тебя,—
Какъ, безсильная жертва свирѣпаго вѣка,
О супругѣ великомъ и славномъ скорбя,
Раздѣляешь ты ложе постылое грека.

И мерещится мнѣ, какъ по грязи бредетъ
Негритянка больная,—какъ роща платановъ
И кокосовыхъ пальмъ горделиво встаетъ
Передъ ней, за стѣною парижскихъ тумановъ...

И грущу я о всѣхъ, кто, увы, никогда,
Никогда не обниметъ семью дорогую,
Чья утрата и скорбь—навсегда, навсегда!
Я о сиротахъ тощихъ и блѣдныхъ тоскую...

Такъ на тихомъ кладбищѣ печалей былыхъ
Все мнѣ чудятся звуки волторны пѣвучей!
Я о путникахъ грежу въ пустынѣ горючей,
О плѣненныхъ, о павшихъ... И многихъ другихъ!

Голосъ.

Здѣсь колыбель моя, а тутъ библіотека—
Угрюмый Вавилонъ... Безхитростная быль,
Сокровища ума исчезнувшаго вѣка,
Латинская и эллинская пыль—
Тамъ смѣшивалось все; а я съ иного грека
In folio едвали ростомъ былъ.
Два голоса я слышалъ тамъ украдкой...
«Дитя! одинъ изъ нихъ настойчиво твердилъ:
Земля—пирогъ заманчивый и сладкій,
Я въ мѣру аппетитъ тебѣ бы подарилъ.»
За нимъ другой: «Пойдемъ витать со мною
За грань возможнаго, въ предѣлы тайнъ и сновъ!»
Такъ ласково онъ пѣлъ, какъ вѣтеръ береговъ,
Тихонько плачущій вечернею порою,
Слухъ нѣжа и страша,—блуждающій фантомъ.
— Да, нѣжный голосъ,—я сказалъ,—пойдемъ!..

И этотъ день, обѣта день священный,
Сталъ казнію моею... Съ той поры
Мнѣ странные мерещатся міры
За пышными кулисами вселенной,
Въ бездонной пропасти, полночной мглы чернѣй,—

И, рабъ мечты безумно-вдохновенной,
Влачу я за собой кусающихся змѣй!..
Люблю пустыни тишь, люблю волну морскую,
Какъ древніе пророки; сладкій вкусъ
Въ напиткахъ горькихъ нахожу; тоскую
И плачу въ радости, а въ горести смѣюсь.
Не вѣрю фактамъ я, и часто въ полдень ясный
Я въ ямы падаю, небесъ ища родныхъ...
Но тайно говоритъ тогда мнѣ голосъ властный:
«Безумецъ! не кляни завѣтныхъ сновъ твоихъ—
У мудрецовъ не такъ они прекрасны!»

———

Дары луны.

Капризная Луна въ тотъ тихій часъ,
Когда въ своей ты колыбелькѣ спала,
Въ твое окно взглянула и сказала:
«Мнѣ эта дѣвочка по мысли»...
И, спустясь
По облачкамъ, дремавшимъ безмятежно,
Проникла внутрь безъ шума. Кротко, нѣжно,
Какъ-будто мать простерлась надъ тобой
И на тебѣ свои сгустила краски:
Позеленѣвъ, раскрылись странно глазки,
Покрылись щеки смертной бѣлизной...
И оттого-то, что въ порывѣ ласки
Ночная гостья сладко такъ взяла
Тебя за горло, навсегда осталось
Желанье плакать у тебя!..
А мгла
Межъ тѣмъ вокругъ чудесно озарялась.
По спальнѣ свѣтъ струился голубой,
Какой-то ядъ лучистый и живой,
И мыслилъ онъ, и говорилъ, казалось:

— «Отнынѣ ты—моя!.. Мой поцѣлуй хранить

Должна ты вѣчно. Будешь ты прекрасна,
Но такъ, какъ я хочу. Ты станешь то̀ любить,
Что̀ мнѣ покорно и подвластно:

«Ночь, облака... безлюдье, тишину...
Блескъ изумрудный водъ, съ краями неба слитыхъ,
Однообразную въ обильи формъ волну,
Палящій зной степей открытыхъ.

«Мѣста, гдѣ нѣтъ тебя; мужчинъ, которыхъ ты
Лишь смутно будешь знать, какъ грёзу сновидѣнья;
Нездѣшнихъ климатовъ огромные цвѣты,
Ихъ запахъ, полный раздраженья.

«Во мракѣ спящій домъ, рядъ комнатъ въ глубинѣ
И кошекъ, лазящихъ по клавишамъ пьянина,
Подобно женщинамъ стеная въ тишинѣ
Въ припадкѣ сумрачнаго сплина».—

— «И братьевъ ты найдешь въ собратьяхъ по судьбѣ,
Любима будешь ты моими лишь друзьями:
Ты покоришь мужчинъ съ зелеными глазами,
Которымъ горло я сдавила, какъ тебѣ.

«Тѣхъ, для кого въ ночи лепечетъ и блистаетъ
Прибрежная волна и дальняя звѣзда,
Кто любитъ женщину, которой никогда,
До двери гроба не познаетъ.

«Кому такъ по-сердцу игра ночныхъ тѣней,
Блужданье огоньковъ по кла́дбищамъ унылымъ,
Цвѣты, подобные невѣдомымъ кадиламъ,
И звѣри дикіе, эмблема ихъ страстей».

— И вотъ зачѣмъ, дитя, погибшее дитя,
Моя голубка дорогая,
Я здѣсь, у ногъ твоихъ, лежу теперь, грустя,
Ища въ глазахъ твоихъ, во всей тебѣ, родная,
Слѣдовъ, оставленныхъ ужаснымъ божествомъ,
Колдуньей-мамкою, во тьмѣ ночей безшумныхъ
Отравленнымъ кормящей молокомъ
Всѣхъ, всѣхъ лунатиковъ безумныхъ!..

Странный человѣкъ.

— Чтó ты любишь на свѣтѣ, чудакъ съ опечаленнымъ взоромъ?
Мать, сестру или брата?—«Ихъ нѣтъ у меня».
— Ну, такъ, можетъ быть, друга? — «Вотъ слово, въ которомъ
Смысла я не найду вплоть до суднаго дня!»

— Или родину?—«Гдѣ, подъ какой широтою
Процвѣтаетъ она?»—Красота ли твой богъ?..
— «Передъ нею, безсмертной, я палъ бы съ мольбою,
Еслибъ разъ хоть увидѣть нетлѣнное могъ!»

— Чтó о славѣ ты думаешь?—«Въ славѣ я вижу,
Какъ въ винѣ, лишь забвеніе жизненныхъ бѣдъ.»
— Ну, а золото?..—«Золото я ненавижу
Точно такъ же, какъ вы ненавидите свѣтъ!»

— О, безумье! О, мудрость! Гдѣ ваши границы?
Что жъ ты любишь, мечтатель, въ предѣлахъ земли и небесъ?—
«Я люблю облака,—облаковъ вереницы
Мимолетныя, полныя тайнъ и чудесъ!»

———

Беатриче.

Въ пустынѣ я блуждалъ безжизненной и знойной,
Природѣ жалобы на рокъ мой изливалъ!
И въ часъ, когда въ тоскѣ и злобѣ безпокойной
Я мысленно точилъ на грудь свою кинжалъ,
Вдругъ облако грозы, окутанное мглою,
Спустилось на меня зловѣщей пеленою
Изъ бездны голубой сіяющаго дня...

Невзрачныхъ демоновъ на немъ сидѣла стая.
И начали они разсматривать меня,
Шушукаясь, смѣясь и головой качая...
Такъ праздная толпа глядитъ на дурака.
Я слышалъ шепотъ ихъ... Хватаясь за бока,
Острили надо мной они, не умолкая:

— «Какой убитый видъ, и какъ смѣшна на взглядъ
Тѣнь эта жалкая, каррикатура эта!
Взоръ нерѣшительный, въ движеніяхъ разладъ,
Прическа всклочена, все—точно у Гамлета.
О, праздный скоморохъ! И вѣдь каковъ хитрецъ:
На славу вытвердивъ двѣ-три чужія роли,
Подъ стать и публику нашелъ онъ, наконецъ,—
Сурковъ, сверчковъ и все растрогалъ поле!..

Вотъ, стойте, слушайте—сейчасъ, натуживъ грудь,
Онъ изъ тирадъ своихъ прочтетъ намъ что-нибудь.»

Я,—въ гордости моей, лишь наравнѣ съ орлами
Парящей, выше горъ, увѣнчанныхъ снѣгами,
И выше всѣхъ угрозъ, небесныхъ и земныхъ,—
Я отвернулся бы съ презрѣніемъ отъ нихъ!
Но вдругъ... Создатель мой! И это поруганье
Святыни лучшей сердца моего
Не привело вселенной въ содроганье?—
Въ толпѣ я увидалъ, чуть удержавъ рыданье,
Ее, царицу фей, мой свѣтъ и божество!..

Надъ горестью моей, какъ всѣ, она шутила
И ласки грязныя врагамъ моимъ дарила.

Поѣздка на островъ Цитеру.

Сердце пѣло, какъ птица, въ груди у меня,
По волнамъ и снастямъ беззаботно порхая;
Нашъ корабль, точно ангелъ, летѣлъ, утопая
Въ лучезарномъ сіяніи дня.

Но какой это островъ печальный?—«Цитера»,
Отвѣчаютъ намъ: «славная въ пѣсняхъ страна.»
Посмотрите межъ тѣмъ, какъ убога она,
Какъ глядитъ непривѣтно и сѣро!

Островъ сладостныхъ тайнъ и сердечныхъ пировъ!
Гордый призракъ Венеры, какъ прежде когда-то,
Полный нѣги, витаетъ въ струяхъ аромата
Надъ святыней твоихъ береговъ.

Садъ божественный розъ, полный миртъ благовонныхъ,
Эльдорадо мечтаній, гдѣ вздохи сердецъ,
Воркованію горлицъ подобно влюбленныхъ,
Изъ конца раздавались въ конецъ,—

Ахъ! теперь ты пустынею сдѣлалось мрака,
Каменистымъ утесомъ, гдѣ слышны порой
Только крики голодные чайки морской...
Въ сторонѣ я увидѣлъ, однако,

Нѣчто странное... Не былъ то́ въ рощицѣ храмъ,
Гдѣ, томительнымъ зноемъ желаній сгорая,
Вѣтерку мимолетному грудь открывая,
Жрица нѣги молилась богамъ;

Но, когда, подплывая подъ берегъ нагорный,
Бѣлымъ парусомъ птицъ мы спугнули кругомъ,—
Вдругъ мелькнули на фонѣ небесъ голубомъ
Два столба съ перекладиной черной...

Кровожадные во́роны съ яростью псовъ
Трупъ, загнившій уже, на куски разносили,
Запуская въ углы окровавленной гнили
Острія оскверненныхъ носовъ.

Вмѣсто глазъ были ямы; раскрытое брюхо
Выпускало на ляшки тенёта кишокъ...
Палачи наслаждались въ тиши, безъ тревогъ,
Превратя свою жертву въ евнуха.

Гнусный праздникъ и стадо животныхъ собралъ:
Рыло кверху поднявъ съ воркотнею сердитой,
Точно главный палачъ, окружаемый свитой,
Волновался огромный шакалъ.

— Бѣдный житель Цитеры! сносилъ ты покорно
Всѣ обиды, всѣ злыя насмѣшки враговъ,
Въ искупленье своихъ богомерзкихъ грѣховъ
И служенья святынѣ позорной.

О, поруганный братъ! Наши боли—однѣ:
Всѣ забытыя муки и раны безъ счета,

Вся старинная скорбь, точно желчная рвота,
Закипѣвъ, поднялися во мнѣ!

Предъ твоею, бѣдняга, жестокой расплатой
Я почувствовалъ снова всѣ зубы волчицъ,
Безсердечные когти пантеръ и орлицъ,
Грудь мою разрывавшихъ когда-то...

Небо было прелестно, недвижна волна,
А во мнѣ... все, увы, неутѣшно рыдало!
Аллегорія душу мою обнимала,
Какъ безчувственный трупъ—пелена.

Тамъ, гдѣ нѣкогда тронъ свой Венера имѣла,
Мой лишь образъ позорный висѣлъ въ вышинѣ...
— Ахъ, Создатель! дай силу и мужество мнѣ
Созерцать мое сердце и тѣло!..

Амуръ и черепъ.

(Старинная виньетка).

Не то шутомъ, не то царемъ,
Въ забавно важной роли,
Амуръ на черепѣ людскомъ
Сидитъ, какъ на престолѣ

Со смѣхомъ, мыльныхъ пузырей
За роемъ рой вздуваетъ
И свѣта призрачныхъ дѣтей
Въ надзвѣздный міръ пускаетъ.

Непрочный шаръ въ страну небесъ
Летитъ, блестя, играя...
Вдругъ—лопнулъ, брызнулъ и... исчезъ,
Какъ сновидѣнье рая!

И черепъ, слышу я, съ тоской
Не устаетъ молиться:
«Забавѣ дикой и смѣшной
Ужели вѣчно длиться?

Вѣдь то̀, что̀ твой жестокій ротъ
Такъ расточаетъ смѣло,
Есть мозгъ мой, мозгъ, о злой уродъ,
Живая кровь и тѣло!»

Смерть бѣдняковъ.

Какъ теплый лучъ надежды сладкой,
Она съ лишеньями миритъ;
Душа страдаетъ и болитъ—
Она ей сонъ сулитъ украдкой.

Блеститъ сквозь волны темноты,
Сквозь иней, снѣгъ и холодъ зимній
И шепчетъ дѣтямъ нищеты,
Что близокъ кровъ гостепріимный.

Тамъ Ангелъ щедрою рукой
Всего имъ дастъ: очагъ, покой
И груды яствъ,—вина и хлѣба...

Постелетъ ложе изъ цвѣтовъ,
Откроетъ даръ волшебныхъ сновъ
И всѣ ключи вручитъ отъ неба!

Пляска смерти.

Съ большимъ букетомъ розъ, горда, надушена,
Въ перчаткахъ лайковыхъ, съ осанкой благородной,
Кокеткой выглядитъ засохшею она,
Немного странною и черезчуръ свободной.

Кто тоньше таліей похвастаться бы могъ?
Съ обильемъ царственнымъ одежда ниспадаетъ
До щиколки сухой, и ножку башмачекъ,
Нарядный какъ тюльпанъ, любовно ущемляетъ.

Какъ рѣзвый ручеекъ, стучащій въ грудь скалы,
На край ключицы рюшъ склонился прихотливо,
Отъ глазъ насмѣшниковъ и колкой похвалы
Плачевныя красы пріосѣнивъ стыдливо...

Нѣмой зіяетъ мракъ въ пустыхъ ея глазахъ,
И черепъ, убранный изысканно цвѣтами,
Тихонько зыблется на хрупкихъ позвонкахъ...
— Краса небытія предъ смертными очами!

Банальные умы, чтó, плоть одну любя,
Не въ силахъ оцѣнить изящество скелета,
Каррикатурою смѣшной зовутъ тебя;
Но воплощаешь ты завѣтный вкусъ поэта!

Приходишь ли смутить ты этотъ пестрый шумъ
Гримасою своей, исполненной презрѣнья?
Толкаютъ ли опять твой легковѣрный умъ
Несбыточные сны на шабашъ наслажденья?

Не думаешь ли ты былую скорбь забыть
Среди сіянья люстръ и пѣнья скрипокъ страстныхъ?
Въ потокѣ оргіи кипучей освѣжить
Удушливый кошмаръ своихъ ночей ужасныхъ?

О, перегонный кубъ ошибокъ вѣковыхъ!
О, глупости людской родникъ неистощимый!
Сквозь панцырь костяной, въ дыры боковъ твоихъ,
Мнѣ аспидъ видится, ничѣмъ неутолимый...

Но, правду говоря, боюсь я, что твое
Кокетство здѣсь себѣ награды не встрѣчаетъ:
Ироніи твоей кто видитъ лезвіё?
Лишь храбрый въ ужасѣ восторги почерпаетъ!

Пучина глазъ твоихъ у лучшихъ плясуновъ
Вдругъ ноги отняла, кровь заморозивъ въ жилахъ;
Улыбку вѣчную оскаленныхъ зубовъ
Никто переносить безъ тошноты не въ силахъ!

А кто не обнималъ скелета сотни разъ,
Не ѣлъ плодовъ могилъ? Не кости-ль украшаетъ
Тончайшій ароматъ, пышнѣйшій въ мірѣ газъ?
Кто брезгуетъ, себя прекраснымъ тотъ считаетъ.

Обиды, гнѣва тѣнь лежитъ на всѣхъ чертахъ...
Скажи же имъ скорѣй, безносая вакханка:

«Танцоры гордые въ блестящихъ парикахъ,
Вы смертью пахнете, какъ тухлая поганка!

«Ты, дряхлый Антиной съ оскобленнымъ лицомъ,
Ты, лысый ловеласъ, ты, трупъ, покрытый лакомъ!
Мой вѣчный хороводъ въ движеньи круговомъ
Васъ всѣхъ влечетъ въ страну, окутанную мракомъ».

Какъ стадо, прыгаетъ безпечный родъ людской
Подъ всякой широтой, подъ всякимъ небосклономъ,
Трубы Архангела не видя надъ собой,
Чернѣющей уже зловѣщимъ мушкетономъ.

Вездѣ,—надъ Сеною, надъ Гангомъ голубымъ,—
Смерть удивляется тебѣ, кривляка странный,
И часто, миррою дыша благоуханной,
Сливаетъ свой сарказмъ съ безуміемъ твоимъ!

Игроки.

Кокетки старыя на креслахъ полинялыхъ:
Румяна на щекахъ, ужимкамъ нѣтъ числа;
Въ ушахъ завядшихъ стукъ металла и стекла,
Печать фатальности во взорѣ глазъ усталыхъ.
О, сколько лицъ безъ губъ и десенъ безъ зубовъ
Надъ зеленью стола склонилось съ болью сладкой!
О, сколько тощихъ рукъ, сведенныхъ лихорадкой,
Карманъ, давно пустой, обшариваютъ вновь!
Подъ темнымъ потолкомъ, засаленныхъ кинкетовъ
И канделябровъ рядъ бросаетъ тусклый свѣтъ
На лица мрачныя прославленныхъ поэтовъ,
Успѣвшихъ промотать работу лучшихъ лѣтъ.
Вотъ греза черная, приснившаяся живо
Больной душѣ моей въ безсонный часъ ночной:
Я самъ сижу въ углу берлоги молчаливой,
На столъ облокотясь,—холодный и нѣмой...
Сижу, завидуя застывшею душою
Веселью мрачному, упорству ихъ страстей,
Имъ всѣмъ, торгующимъ такъ нагло предо мною—
Тотъ честью старою, та красотой своей!
И ужаснулся я, почувствовавъ желанье
Стоять, подобно имъ, на роковомъ краю
Отверстой пропасти—и всетаки страданье
Предпочитать концу и адъ небытію!

Скелетъ-Земледѣлецъ.

(Старинная виньетка.)

Среди ученыхъ книжныхъ грудъ,
Что́ въ видѣ мумій позабытыхъ,
Слоями пыли перевитыхъ,
Въ лавчонкахъ уличныхъ гніютъ,
Въ глаза бросаются порою,
Будя толпу печальныхъ думъ
И поражая вмѣстѣ умъ
Какой-то важной красотою,
Рисунки странные: скелетъ
Иль остовъ, мускуловъ лишенный,
Съ лопатой, въ землю погруженной,
Стоитъ, какъ пахарь древнихъ лѣтъ.

— Колодникъ, взятый у могилы,
Всегда зловѣщій и нѣмой,
Скажи: чьей волей роковой
Ты напрягаешь снова силы
Давно разбитыхъ позвонковъ?
Въ чьей это фермѣ захудалой
Плодами жатвы небывалой
Ты закрома набить готовъ?
Иль хочешь ты, эмблемой странной
Пророча всѣмъ одну судьбу,

Намъ показать, что и въ гробу
Невѣренъ сонъ обѣтованный?
Что все намъ можетъ измѣнить,
Что даже смерть съ могилой лживы,
И тамъ, гдѣ смолкнетъ гулъ наживы,
Увы! придется, можетъ быть,
Въ поляхъ невѣдомаго края
Взрывать намъ дѣвственную новь,
Ногой, истерзанною въ кровь,
На край лопаты налегая?..

---

* * *

Съ ужасной еврейкой, прекрасной, какъ мертвый
Изваянный мраморъ, провелъ я всю ночь,
Какъ трупъ возлѣ трупа простёртый...
Порока продажную дочь
Тогда я представилъ въ величьи природномъ,—
Съ печатью ума на челѣ благородномъ
Подъ шлемомъ душистымъ тяжелыхъ волосъ,
Со взоромъ, сіяющимъ граціей нѣжной
И зорями дремлющихъ грозъ..

О, какъ бы тогда я со страстью мятежной
Любить тебя, сердце отзывное, могъ!
Отъ свѣжихъ твоихъ, нѣжно-розовыхъ ногъ
До пышно раскинутыхъ косъ твоихъ черныхъ
Какой бы огонь поцѣлуевъ разлилъ!
Какія-бъ сокровища ласкъ расточилъ,
Живыхъ, непритворныхъ,
Когда бы вечерней порою подчасъ

Затмился твой образъ безпечный
Слезой, безъ усилья добытой изъ глазъ!

Но ты, о царица толпы безсердечной,
Такъ плакала-ль въ жизни хоть разъ?.. *)

---

*) Стихотворенie это любопытно, между прочимъ, тѣмъ, что вызываетъ противорѣчивыя толкованiя. Вотъ подлинный текстъ:

Une nuit que j'étais près d'une affreuse Iuive,
Comme au long d'un cadavre un cadavre étendu,
Je me pris à songer près de ce corps vendu
A la triste beauté dont mon désir se prive.
Je me représentai sa majesté *native*,
Son regard de vigueur et de grâces armé,
Ses cheveux qui lui font un casque parfumé,
Et dont le souvenir pour l'amour me ravive.
Car j'eusse avec ferveur baisé ton noble corps,
Et depuis tes pieds frois jusqu'à tes noirs tresses
Déroulé le trésor des profondes caresses,
Si quelque soir, d'un pleur obtenue *sans effort*
Ie pouvais seulement, ô reine des cruelles!
Obscurcir la splendeur de tes *froides* prunelles.

Многимъ думается, что стихи: «A la triste beauté» и т. д. относятся уже не къ еврейкѣ,—что, находясь возлѣ нея, поэтъ мечтаетъ о какой-то другой «печальной красавицѣ», которую онъ любитъ, но которая ему недоступна. При такомъ пониманiи, стихотворенiе было бы банально—и ничего больше. Но ни грамматика, ни логика не допускаютъ въ концѣ концовъ подобнаго толкованiя: во второй половинѣ пьесы Бодлеръ имѣетъ въ виду, конечно, ту же еврейку, но только въ преображенномъ видѣ,—какою она *могла бы* быть по своей природѣ.—Настоящiй переводъ, въ частностяхъ, слѣдуетъ признать вольнымъ.

Къ прохожей.

Людная улица глухо шумѣла...
Въ траурѣ полномъ, изящной рукой
Шлейфа качая фестонъ кружевной,—
Прямо держа величавое тѣло,—
Съ очеркомъ смѣлымъ и строгимъ чела,—
Царственной поступью, тѣнью безшумной
Стройная женщина мимо прошла...
Скорчась, за ней я глядѣлъ, какъ безумный!
Въ небѣ очей ея, въ знойный туманъ
Страсти одѣтомъ, дремалъ ураганъ,
Зори эдема и ада горѣли...
Полная тайны, мерцала любовь...

Молніи проблескъ—и ночь!.. Неужели
Въ вѣчности только мы встрѣтимся вновь?!
Гдѣ-то далёко отсюда, не скоро..
Поздно... Быть можетъ, увы, никогда!
Я вѣдь не знаю, зачѣмъ и куда
Держишь ты путь съ быстротой метеора,
Кто̀ ты, кого я любить бы хотѣлъ,
Взоръ чей меня возродилъ и согрѣлъ!..

* * *

Ангелъ радости, знакома-ль вамъ тоска,
Страхъ самой себя во тьмѣ безсонной ночи,
Угрызеній боль, когда не плачутъ очи,
Сердце-жъ, будто, жметъ холодная рука?
Ангелъ радости, знакома-ль вамъ тоска?

Ангелъ доброты, знакома-ль злоба вамъ?
Стиснувъ кулаки, вы проливали-ль слезы
Горькія, какъ желчь, шептали ли угрозы,
Адскія угрозы и хулы врагамъ?
Ангелъ доброты, знакома-ль злоба вамъ?

Ангелъ свѣжести, знакомы-ль вамъ больницы,
Сумракъ стѣнъ сырыхъ, гдѣ въ поискахъ тепла
Волоча худыя, блѣдныя тѣла,
Зябкихъ лихорадокъ бродятъ вереницы?
Ангелъ свѣжести, знакомы-ль вамъ больницы?

Ангелъ красоты, знакомы-ль вамъ морщины?
Въ дорогихъ когда-то, любящихъ глазахъ
Вы читали тайный отвращенья страхъ?
Знали вы обманъ, видали вы личины?
Ангелъ красоты, знакомы-ль вамъ морщины?

Ангелъ доброты, веселости и свѣта!
Дряхлый царь Давидъ изъ вашихъ устъ и глазъ
Жизнь бы черпать могъ для своего скелета;
Я-жъ однѣхъ молитвъ, молитвъ прошу у васъ,
Ангелъ доброты, веселости и свѣта!

Признаніе.

Разъ, одинъ только разъ, дорогая волшебница,
Ваша нѣжная ручка довѣрилась мнѣ
(Этотъ день еще ярко горитъ въ моей памяти,
Въ сокровенной ея глубинѣ).

Было поздно... Сверкнувъ, какъ монета огромная,
Изъ-за кровель домовъ показалась луна,
И дремотная полночь струилась торжественно
Надъ Парижемъ, тепла и душна.

Осторожныя кошки скользили таинственно
Вдоль домовъ, въ подворотняхъ скрываясь отъ глазъ,
Словно тѣни родныя, походкой безшумною
Провожая сочувственно насъ.

Вдругъ среди разговора, интимно расцвѣтшаго,
Задушевнаго, чуждаго мрачныхъ заботъ,
Изъ груди вашей звучной, изъ этого чуднаго
Инструмента, гдѣ радость живетъ,

Изъ груди лучезарной, какъ въ утро весеннее
Предразсвѣтной трубы ободряющій звукъ,

Нота вырвалась странная—жалкая, грустная,
Все собой пошатнувшая вдругъ!

Какъ ребенокъ больной, безобразный, уродливый,
Вызывающій въ собственной матери страхъ,
Отъ чужого же глаза ревниво скрываемый
Въ потаенныхъ, далекихъ углахъ,—

Бѣдный ангелъ! она, ваша нота крикливая,
Горько пѣла: «Все—ложь на землѣ и обманъ,
Все—минутный миражъ! Эгоизмъ человѣческій
Всюду виденъ подъ маской румянъ.

«Что за пошлая роль—быть красивою женщиной!
Что за тягостный трудъ—танцовщицею быть,
То безумьемъ объятой, то кстати умѣющей
Въ машинальной улыбкѣ застыть!

«Какъ нелѣпо на сердце людское разсчитывать,
Какъ измѣнчиво все—красота и любовь...
Все смѣшается въ общей корзинѣ забвенія,
Возвратится въ ничтожество вновь»!

Я не разъ вызывалъ эту полночь волшебную,
Эту даль, озаренную мягкой луной,
И довѣрчивый шепотъ признанья ужаснаго,
Какъ святыня, хранимаго мной!..

Одухотворенный Разсвѣтъ.

Когда въ окнѣ разсвѣтъ румяный забѣлѣетъ,
И строгій Идеалъ, грустя, войдетъ за нимъ,
Толпа развратниковъ внезапно онѣмѣетъ:
Въ животномъ пробужденъ стыдливый серафимъ!

Въ душѣ униженной, но все еще томимой
Печалью жгучею и жаждой райскихъ сновъ,
Вдругъ вспыхнула лазурь межъ хмурыхъ облаковъ
И въ бездну свѣтлую влечетъ неодолимо...

Такъ на дымящихся развалинахъ страстей
Порхаетъ близъ моихъ расширенныхъ очей
Твой образъ розовый, о, чистая богиня!

Свѣтъ призрачный свѣчей померкъ въ сіяньи дня...
И, точно солнце, ты восходишь для меня,
Тобой озарена души моей пустыня!

Глаза-факелы.

Два брата-близнеца, два чудныхъ гостя рая
Идутъ передо мной,—и день и ночь идутъ,
Алмазными огнями потрясая...
Живые факелы, куда они ведутъ?

Изъ холода и тьмы порочнаго вертепа
Они ведутъ меня дорогой красоты,
Храня отъ западней грѣха и суеты,—
И я, какъ вѣрный рабъ, имъ повинуюсь слѣпо.

Прелестные глаза! Свѣтъ восковыхъ свѣчей,
Не меркнущій, какъ вы, среди дневныхъ лучей,
Напоминаетъ мнѣ вашъ блескъ спокойный, странный:

Онъ прославляетъ смерть, вы—жизни даръ желанный!
О воскресеніи поете вы моемъ,
Двѣ гордыя звѣзды, сіяющія днемъ!

Неожиданное.

Отецъ еще дышалъ, кончины ожидая,
А Гарпагонъ въ мечтахъ уже сказалъ себѣ:
«Валялись, помнится, средь нашего сарая
Три старыя доски—гробъ сколотить тебѣ».

«Я—кладезь доброты, воркуетъ Целимена:
Природа создала прекрасною меня»...
Прекрасною?! Душа, исполненная тлѣна,
Трещитъ, какъ окорокъ, средь адскаго огня.

Мня свѣточемъ себя, кричитъ газетчикъ пыльный
Тому, кого онъ самъ во мракѣ утопилъ:
«Гдѣ этотъ Всеблагой, Всезрящій и Всесильный,
Который бѣдняка хоть разъ бы защитилъ?»

Но всѣхъ гнуснѣе мнѣ развинченные фаты,
Которые, входя въ молитвенный экстазъ,
И плачутъ, и твердятъ, раскаяньемъ объяты:
«Мы станемъ добрыми, о небо... черезъ часъ!»

Часы же счетъ ведутъ: «У ада житель лишній!
Грозили мы ему, шептали: близокъ врагъ.
Но онъ былъ слѣпъ и глухъ, онъ былъ подобенъ вишнѣ,
Которую грызетъ невидимый червякъ.»

И вотъ приходитъ Тотъ, надъ кѣмъ вы всѣ смѣялись,
И гордо говоритъ: «Уже немало дней
Изъ дароносицы моей вы причащались
За черной радостной обѣднею моей.

«Вы храмъ воздвигли мнѣ въ душѣ богопротивной,
Тайкомъ лобзали вы меня....
Признайте-жъ Сатану, услышавъ кличъ призывный
И хохота его торжественный раскатъ!

«Иль вы надѣялись, трусливыя лисицы,
Хозяина грѣховъ лукаво провести,—
Не бросивъ журавля, не выпустить синицы,
Сокровища сберечь и съ ними въ рай войти?

«Чтобъ дичь мою добыть, я натружалъ мозоли,
Я ночи проводилъ, не закрывая глазъ...
Ко мнѣ, товарищи моей печальной доли,
Я отвести пришелъ въ свои владѣнья васъ!

«Подъ грудой вашего наваленнаго праха,
Подъ толщею земли чертогъ сіяетъ мой,
Чудовищный, какъ я, облитый моремъ страха,
Изъ цѣльныхъ черныхъ глыбъ, надъ бездною нѣмой...

«Онъ созданъ изъ грѣховъ всего земного міра,
Въ немъ скорбь моя живетъ, любовь моя и честь!»
А гдѣ-то высокó,—тамъ, въ глубинѣ эфира,—
Архангелъ, между тѣмъ, трубитъ побѣды вѣсть,

Побѣды вѣчной тѣхъ, чье сердце повторяло:
«Благословенъ твой бичъ, карающій Отецъ!

Благословенна скорбь! Твоя рука сплетала
Не для пустой игры колючій нашъ вѣнецъ».

И въ эти вечера уборки винограда
Такъ упоительно, такъ сладостно звучитъ
Неустрашимый рогъ... Онъ свѣтелъ, какъ награда
За дни страданій и обидъ!

Испытаніе полночи.

Чу! захрипѣвъ, часы сердито
Бьютъ полночи угрюмой часъ,
Насмѣшливо и ядовито
Отчета требуя у насъ:
—Кому, какой служа святынѣ,
Свой день употребили мы?—
Увы! мы шли путемъ гордыни,
Мамона, ереси и тьмы!

Отъ Бога правды—Іисуса
Мы отрекались со стыдомъ;
Рабы притупленнаго вкуса,
За Валтасаровымъ столомъ
Лизали руки грубой силѣ,
Слугѣ презрѣнному земли;
Надъ тѣмъ ругались, что̀ любили,
Тому молились, что̀ клялѝ!

Мы беззащитныхъ огорчали,
Всѣхъ, презираемыхъ толпой,
Лобзанья Глупости давали,
Быку съ огромной головой;
Хвалили сонъ и отупѣнье,

Своимъ цѣпямъ несли привѣтъ
И омерзительнаго тлѣнья
Благословляли тусклый свѣтъ.

И все, чѣмъ молодость богата,
Чѣмъ свѣтелъ гордый даръ пѣвца,
Въ самозабвеніи разврата
Мы унижали безъ конца:
И объѣдались до упаду,
И опивались мы виномъ...
Задуемъ же скорѣй лампаду,
Потонемъ въ сумракѣ ночномъ!

*
*

Чтȯ вамъ небо съ грядущими вѣчными муками?
Что вамъ строгихъ законовъ земли приговоръ?
Совѣсть, правду зовете вы праздными звуками,
И не нуженъ вамъ славы ласкающій взоръ.

О, ступайте-жъ, ступайте дорогой паденія,
Ниже, ниже спускайтесь въ зіяющій адъ,
Гдѣ подъ огненной бурею всѣ преступленія,
Точно змѣи шипя, въ безпорядкѣ кипятъ!

Торопитесь, бѣгите, о жертвы несчастныя,
Расточайте здоровье, разсудокъ и честь!
Ненасытимы ваши мечты сладострастныя,
И на днѣ наслажденья найдете вы месть!

Предупредитель.

Въ груди у всѣхъ, кто помнитъ стыдъ
И человѣкомъ зваться можетъ,
Живетъ змѣя,—и сердце гложетъ,
И «нѣтъ» на всѣ «хочу шипитъ.

Какимъ ни кланяйся кумирамъ,
Предайся никсамъ иль сатирамъ—
Услышишь: «Долга не забудь!»

Рождай дѣтей, малюй картины,
Лощи стихи, копай руины—
Услышишь: «Дологъ-ли твой путь?»

Подъ игомъ радости и скуки
Ни одного мгновенья нѣтъ,
Когда-бъ не слышался совѣтъ
Жизнь отравляющей гадюки.

Часы.

Часы!.. Зловѣщій богъ, суровый, непреклонный,
Чей перстъ всегда грозитъ: «Опомнись!.. Близокъ день—
И въ сердце робкое вопьются, какъ въ мишень,
Отчаянье и скорбь о жизни расточенной.

«Какъ радужный тýманъ, какъ легкій рой сильфидъ,
Со сцены праздничной умчатся наслажденья...
Повѣрь: и самое короткое мгновенье
Твой кубокъ счастія на каплю уменьшитъ!

«Три тысячи шестьсотъ секундъ, не уставая,
Какъ суетливый рой докучливыхъ цикадъ,
«Опомнись»! каждый часъ безъ умолку твердятъ...
«Я—*Нѣкогда*!»—*Теперь* бормочетъ, улетая.

«Remember! Пробудись, безпечный! Memor esto!
(Гортанью мѣдною я говорю на всѣхъ
Нарѣчіяхъ земли).—Очнись! Великій грѣхъ—
Безъ пользы занимать на божьей нивѣ мѣсто.

Вѣдь время—жалости не знающій игрокъ,
Ударъ его руки не попадаетъ мимо...
Опомнись! Бездна ждетъ, она неумолима,
И изъ часовъ течетъ безъ отдыха песокъ.

«Ужъ близокъ, близокъ часъ, когда, возставши грозно,
Природа, Разумъ, Честь, забытый Долгъ и Стыдъ,
Все, все надъ головой безумца прогремитъ:
«Умри, о старый трусъ!.. Исчезни! Слишкомъ поздно.»

Идеалъ.

Вы ненавистны мнѣ, красавицы виньетокъ,
Растенья чахлыя, созданья дней больныхъ,
Въ ботинкахъ узенькихъ, въ гремушкахъ дорогихъ,—
Вашъ рой щебечущій, назначенный для клѣтокъ!

Дарю васъ Гаварнѝ, пѣвцу хлорозныхъ дѣвъ.
Средь этихъ блѣдныхъ розъ оранжереи модной
Нѣтъ яркаго цвѣтка моей мечты свободной!
Нѣтъ! Сердцу гордому, въ которомъ тлѣетъ гнѣвъ,

Могла-бъ внушить любовь и подарить забвенье
Ты, лэди Мàкбетъ, духъ, могучій въ преступленьи,
Свободныхъ горъ властительная дочь;

Иль ты, великая, таинственная Ночь,
Смиренно легшая у мощныхъ ногъ Джульяно *),—
Краса, рожденная для гордыхъ устъ титана!

*) Знаменитая аллегорическая фигура Микель-Анджело на саркофагѣ Джульяно Медичи.

Оскорбленная луна.

Луна, моихъ отцовъ безхитростныхъ отрада,
Наперсница мечты, гирляндою цвѣтной
Собравшая вокругъ звѣздъ раболѣпный рой,
О Цинтія моя, моихъ ночей лампада!

Чтó видишь ты, плывя въ воздушной синевѣ?
Восторги-ль тайные на ложѣ новобрачномъ,
Поэта-ль надъ трудомъ, въ его раздумьи мрачномъ,
Иль змѣй, рѣзвящихся на мягкой муравѣ?

Подъ желтымъ домино, царица небосклона,
Спѣшишь ли ты, какъ встарь, ревнуя и любя,
Лобзать увядшія красы Эндиміона?

—«Нѣтъ! я гляжу, какъ грудь, вскормившую тебя,
Сынъ оскудѣлыхъ дней, бѣля и притирая,
Надъ зеркаломъ твоя склонилась мать сѣдая.»

Продажная Муза.

О, Муза милая, влюбленная въ чертоги!
Когда сѣдой Январь придетъ клюкой стучать,
Во мракѣ снѣжныхъ вьюгъ чѣмъ будешь согрѣвать
Ты фіолетовыя ноги?

Какъ къ жизни возвратишь холодный мраморъ плечъ?
И, чувствуя сухимъ и кошелекъ и нёбо,
Гдѣ силу ты найдешь и бодрый духъ—до гроба
Честь неподкупную сберечь?

Какъ бѣдное дитя на клиросѣ уныломъ,
И ты начнешь играть дымящимся кадиломъ,
Te Deum тупо распѣвать;

Иль, какъ голодный шутъ, покрытый мишурою,
Улыбкой, смѣшанной съ незримою слезою,
Чернь отупѣлую прельщать!

Позднія угрызенія.

Когда во рву, наполненномъ водою,
Ты ляжешь спать, красавица моя,
И будетъ черной мраморной плитою
Прижата грудь пугливая твоя,

И страшный камень, чуждый сожалѣній,
Не дастъ ни сердцу биться и желать,
Ни легкимъ ножкамъ весело бѣжать
Дорогой скользкой приключеній,—

Тогда въ ночи безъ утра и безъ сна
Могильный мракъ тебѣ шепнетъ съ укоромъ
(Съ могилой скорбь моя дружна):

— «Узнай, узнай, дитя съ безпечнымъ взоромъ,
Какъ могутъ горько мертвые рыдать!»—
И сонмъ червей тебя придетъ глодать.

Цыгане въ пути.

Провидящій народъ съ огнемъ во взорахъ смѣлыхъ
Въ путь тронулся вчера, въ нѣмую глубь степей,
Закинувъ за спины малютокъ загорѣлыхъ,
Прижавши ихъ къ сосцамъ цвѣтущихъ матерей.

Мужья идутъ пѣшкомъ вблизи телѣгъ скрипучихъ,
Гдѣ семьи скучены,—съ кинжаломъ при бедрѣ,
Задумчиво слѣдя цѣпь облаковъ летучихъ,
Умѣя тайный смыслъ постигнуть въ ихъ игрѣ *).

Сверчокъ, завидѣвъ ихъ изъ глубины зеленой
Одѣтыхъ пылью травъ, заводитъ гимнъ влюбленный;
Къ бездомнымъ странникамъ Природа-мать нѣжнѣй:

Струится свѣтлый ключъ изъ почвы каменистой,
Въ пустынѣ стелется коверъ цвѣтовъ душистый—
Для нихъ, читающихъ во мглѣ грядущихъ дней!

---

*) Въ подлинникѣ другой образъ:
Promenant sur le ciel des yeux appesantis
Par le morne regret des chimères absentes.

Экзотическій ароматъ.

Если вечеромъ теплымъ осеннимъ закрою глаза я,
Изъ груди твоей жаркой вдыхая живой ароматъ,—
Мнѣ приснятся тотчасъ берега благодатнаго края,
Гдѣ лучи монотонные солнца такъ ярко горятъ.

Этотъ островъ лѣнивый, обломокъ цвѣтущаго рая,
Гдѣ на странныхъ деревьяхъ плоды наливные висятъ,
Гдѣ лучистыя женскія очи по-дѣтски глядятъ,
А мужчина — и крѣпокъ, и строенъ, какъ пальма родная.

Предо мной воскресаютъ картины счастливыхъ годовъ:
Гавань, полная мачтъ и надутыхъ слегка парусовъ,
Не успѣвшихъ забыть о летавшихъ надъ ними циклонахъ...

И напѣвы матросовъ въ сіяньи лазурнаго дня,
И томительный запахъ изъ рощъ тамариндовъ зеленыхъ,
Въ гармоничный сливаясь аккордъ, опьяняютъ меня!

Къ малабаркѣ.

Пластичностію формъ и граціею смѣлой
Внушила-бъ зависть ты и самой гордой бѣлой!
Отъ бархатныхъ очей, горящихъ какъ алмазъ,
Задумчивый артистъ не оторвалъ бы глазъ.
Цвѣтку лазурныхъ странъ, тебѣ одно знакомо—
Раскуривать чубукъ для господина дома,
Изъ шалаша бродягъ-москитовъ прогонять,
Кувшины звучною водою наполнять
И по-утру, едва зашелестятъ платаны,
На рынкѣ покупать фисташки и бананы.
Босая, ты идешь—куда зоветъ мечта,
И пѣньемъ цѣлый день, какъ птичка, занята.
Когда же въ мантіи багряной вечеръ сходитъ,
Цыновку въ уголку постелешь,—и уводитъ
Незримый духъ тебя въ міръ граціозныхъ сновъ,
Колибри золотыхъ и рѣзвыхъ мотыльковъ.

— Счастливое дитя! зачѣмъ же край прекрасный
Покинуть хочешь ты для Франціи несчастной
И, съ тамариндами родными распростясь,
Пуститься въ океанъ, волненій не страшась?
Подъ хрупкой кисеей, открыта снѣжной вьюгѣ,
Какъ будешь плакать ты о лучезарномъ югѣ,

Когда, одѣвши грудь въ безжалостный корсетъ,
Ты будешь подбирать свой ужинъ и обѣдъ
На нашихъ мостовыхъ—и тщетно взоромъ жаднымъ
Искать родимыхъ пальмъ въ туманѣ непроглядномъ...

Гармонія Вечера.

Вотъ и часъ, когда, свѣжей омывшись росой,
Всѣ цвѣты, какъ кадильницы, льютъ испаренья;
Ароматовъ повсюду и звуковъ теченья,—
Вальсъ, истомою полный и нѣжной тоской!

Всѣ цвѣты, какъ кадильницы, льютъ испаренья;
Гдѣ-то скрипка рыдаетъ подъ чуткой рукой:
Вальсъ, истомою полный и нѣжной тоской!
Небо пышной гробницей лежитъ безъ движенья...

Гдѣ-то скрипка рыдаетъ подъ чуткой рукой,—
Сердце нѣжное, полное слезъ огорченья...
Небо пышной гробницей лежитъ безъ движенья;
Тонетъ солнце въ крови, уходя на покой.

Сердце нѣжное, полное слезъ огорченья,
Каждый слѣдъ собираетъ отрады былой!
Тонетъ солнце въ крови, уходя на покой...
Милый образъ мнѣ свѣтитъ ковчегомъ спасенья!

Романтическій закатъ

Прекрасенъ утра часъ, когда, какъ яркій взрывъ,
Во мракѣ солнце загорится,
Намъ бросивъ: «добрый день!» изъ-за холмовъ и нивъ...
Но тотъ блаженъ, кто, трудный путь свершивъ,
Закатомъ пышнымъ насладится!

Мнѣ вспомнился одинъ торжественный закатъ:
Подобно сердцу въ часъ прощальный,
Весь западъ трепеталъ, мѣняя свой нарядъ...
— Бѣжимъ туда скорѣй! Мгновенія летятъ—
Бѣжимъ, бѣжимъ на западъ дальній!

Но тщетно я спѣшилъ за гордымъ божествомъ:
Всесильной ночи мракъ раскинулся кругомъ
Какимъ-то влажнымъ, чернымъ свиткомъ,

И пахло въ воздухѣ могилою сырой...
Въ болотѣ я блуждалъ и робкою ногой
Скользилъ по жабамъ и улиткамъ...

Уединеніе.

Будь мудрой, Скорбь моя! Не унывай безъ мѣры!
Ты вечеръ все звала—и вотъ онъ настаетъ.
Весь городъ полумракъ окутываетъ сѣрый,
Однимъ неся покой, другимъ—ярмо заботъ.
Но пусть толпа невѣждъ, подъ плетью наслажденья,
На рабскомъ праздникѣ, въ забвеніи тупомъ
Проводитъ эту ночь и копитъ угрызенья
На совѣсти своей... Уйдемъ отъ нихъ, уйдемъ!..
Дай руку мнѣ свою! Взгляни на сводъ небесный:
Не прошлые-ль Года стоятъ тамъ кучкой тѣсной
Въ одеждахъ старины, съ поникшей головой?
Не Сожалѣніе-ль тамъ, надъ рѣкой, всплываетъ
Съ улыбкой кроткою?.. Ужъ солнце умираетъ:
Взгляни—закатъ горитъ, какъ тяжело-больной...
И слушай, Скорбь моя, - о, слушай, дорогая,
Какъ нѣжно сходитъ ночь, парчею гробовой
Съ востока дальняго таинственно сползая!..

Печаль луны.

Въ этотъ вечеръ луна такъ лѣниво мечтаетъ!..
Какъ красавица, полная грёзъ золотыхъ,
Средь подушекъ небрежной рукою ласкаетъ,
Засыпая, контуры грудей молодыхъ,—

Такъ на ложѣ атласномъ лавинъ этихъ снѣжныхъ,
Умирая, она погрузилась въ мечты;
И глаза ея бродятъ межъ призраковъ нѣжныхъ,
Чтò въ лазури, бѣлѣя, растутъ, какъ цвѣты.

И порой, когда въ грусти мечтательно-сладкой
Со щеки она сронитъ слезинку украдкой,
Сну враждебный поэтъ богомольно беретъ

Эту чистую каплю, обломокъ опала,
И, въ груди схоронивъ глубоко, бережетъ,
Чтобъ ревнивое солнце ея не украло!

Кошки.

От книжной мудрости, иль нѣгъ любви уставъ,
Мы всѣ влюбляемся, поры достигнувъ зрѣлой,
Въ изнѣженность и мощь ихъ бархатнаго тѣла,
Въ ихъ чуткость къ холоду и домосѣдный нравъ.

Покоемъ дорожа и тайными мечтами,
Ждутъ тишины онѣ и сумерекъ ночныхъ.
Эребъ въ свой экипажъ охотно впрёгъ бы ихъ,
Когда бы сдѣлаться могли онѣ рабами!

Святошамъ и толпѣ онѣ внушаютъ страхъ.
Мечтая, видъ онѣ серьезный принимаютъ
Тѣхъ сфинксовъ каменныхъ, которые въ пескахъ

Невѣдомыхъ пустынь красиво такъ мечтаютъ!
Ихъ чресла искръ полны, и въ трепетныхъ зрачкахъ
Песчинки золота таинственно блистаютъ.

Совы.

Подъ черными тисами выстроясь въ рядъ
И красныя очи впередъ устремляя,
Недвижно, какъ нѣкіе боги, сидятъ
Мохнатыя совы, въ тиши размышляя.

И такъ проведутъ онѣ солнечный день,
Пока, поднимая съ болота туманы,
На свѣтлыя рощи, холмы и поляны
Не ляжетъ унылая тѣнь.

И видъ ихъ даетъ мудрецу указанье,
Что въ жизни нѣтъ слаще покоя минутъ,
А шумъ и движенье къ добру не ведутъ!

Суровое ждетъ смѣльчака наказанье,
Лишь только, покинувъ спасительный мракъ,
За тѣнью блестящей онъ сдѣлаетъ шагъ!

Разбитый колоколъ.

Зимой, у камелька, въ часы ночей печальныхъ,
Съ отрадой горькою въ сердечной глубинѣ,
Ловлю я голоса воспоминаній дальнихъ
Сквозь гулъ колоколовъ, поющихъ въ тишинѣ.

Завидую тебѣ я, колоколъ счастливый
Съ могучей глоткою! Въ ночную темноту
Увѣренно ты шлешь свой крикъ благочестивый,
Какъ бодрый часовой, стоящій на посту.

А я... Моя душа давно разбита, смята!
И, еслибъ пѣснею я вздумалъ, какъ когда-то,
Спугнуть холодный мракъ, я только-бъ прохрипѣлъ,

Какъ раненый, врагомъ забытый безсердечнымъ
Въ кровавомъ озерѣ, подъ грудой мертвыхъ тѣлъ,
Безсильный двинуться въ усильи безконечномъ!

Moesta et errabunda.

Ты во снѣ, хоть порой, улетала-ль, Агата,
Изъ нечистаго моря столицы больной
Далеко, далеко, въ океанъ голубой,
Гдѣ, какъ юность твоя, все и чисто и свято?
Ты во снѣ хоть туда улетала-ль, Агата?

Тамъ,—о тамъ только можно забвенье сыскать!..
Кто снабдилъ тебя, море, широкое море,
Этой нѣжностью няни, умѣющей горе,
Какъ дитя, воркотнею своей укачать?
Тамъ,—о, тамъ только можно забвенье сыскать!

Я въ вагонѣ умчусь; улечу на фрегатѣ!
Здѣсь отъ слезъ нашихъ грязь подъ ногами течетъ...
Ахъ, не снится-ль порой и несчастной Агатѣ,
Что отъ мрачныхъ злодѣйствъ, отъ скорбей и заботъ
Улетаетъ она на проворномъ фрегатѣ?..

Какъ далекъ онъ, увы, благовонный эдемъ,
Гдѣ подъ ясной лазурью все—радость и счастье,
Все, что любишь, достойно любви и участья,
Все, чѣмъ дышешь, дано для дыханія всѣмъ!
Какъ далекъ онъ, увы, благовонный эдемъ!

Но зеленый эдемъ нашей дѣтской любви —
Бѣготня, поцѣлуи, букеты, улыбки,
За холмами дрожащія скрипки
На закатѣ, вдали потонувшемъ въ крови,—
Но зеленый эдемъ нашей дѣтской любви,

Безгрѣховный эдемъ наслажденій украдкой —
Неужели онъ дальше теперь, чѣмъ Китай?
Крикомъ гнѣва и скорби вернемъ-ли тотъ рай,
Оживимъ-ли мелодіей сладкой?
Рай невинной любви и свиданій украдкой!..

Приглашеніе къ путешествію.

Мой ребенокъ, ангелъ мой!
Улетимъ въ тотъ край съ тобой,
Свѣтлый и незлобный,
Гдѣ такъ сладко жить вдвоемъ,
Жить и лечь въ гробу одномъ,—
Край, тебѣ подобный!

Тамъ въ неясной дымкѣ даль;
Тучекъ легкая вуаль
Полдня зной смягчаетъ,
И, какъ твой невѣрный взоръ
Сквозь туманный грусти флёръ,
Солнце въ нихъ сверкаетъ.

Все тамъ—роскошь, блескъ и красота,
Праздникъ нѣги, счастья полнота!

* * *

Мебель пышныхъ старыхъ дней
Станетъ въ комнатѣ твоей,
Въ позолотѣ яркой;
Запахъ амбры и цвѣтовъ
Будетъ вѣять въ нашъ альковъ
Атмосферой жаркой.

Странъ изнѣженныхъ дары,
Зеркала, хрусталь, ковры,
Пышные наряды,
Потолковъ узорный сводъ—
Все тамъ съ сердцемъ рѣчь ведетъ,
Полную отрады.

Все тамъ—роскошь, блескъ и красота,
Праздникъ нѣги, счастья полнота!

* * *

Видишь—въ гавани лѣса
Сонныхъ мачтъ и паруса
Кораблей лѣнивыхъ?
Пожелай чего, шепни—
И помчатся вдаль они
Легче птицъ игривыхъ!

Гіацинтами горя,
Золотитъ уже заря
Гавань, поле, зданья;
Не шелóхнется эфиръ;
Засыпая, грезитъ міръ
Въ розовомъ сіяньи...

Все тамъ—роскошь, блескъ и красота,
Праздникъ нѣги, счастья полнота!

Солнце.

Въ то время, какъ солнце стрѣляетъ жестоко
И въ городъ, и въ нивы,—въ предмѣстьи глухомъ,
Вдоль жалкихъ и сонныхъ пріютовъ порока,
Спустившихъ расшитыя шторы кругомъ,

Иду я, съ толпою созвучій сражаясь,
За рифмой шпіоня во всѣхъ уголкахъ,—
То, будто о камень, о слогъ спотыкаясь,
То путаясь въ хлынувшихъ моремъ стихахъ.

— О, Солнце, отецъ нашъ! Смиряя заботы,—
Какъ розы, ты пѣсни рождаешь въ поляхъ
И полныя меда, душистыя соты,
Какъ въ ульяхъ, заводишь въ людскихъ головахъ.

Ты еле живыхъ, чуть бредущихъ съ клюкою,
Какъ дѣвушекъ рѣзвыхъ, подчасъ молодишь;
На лонѣ, цвѣтущемъ безсмертной весною,
Зеленыя жатвы цвѣтишь-колосишь.

Ты тотъ же поэтъ-чародѣй! Благороднымъ
И низкое можешь ты сдѣлать вокругъ.
По-царски ты шагомъ вступаешь свободнымъ
Въ дворцы и больницы, безъ шума и слугъ.

Пейзажъ.

Чтобъ цѣломудренно слагать мои эклоги,
Спать подлѣ неба я хочу, какъ астрологи,—
Изъ оконъ чердака, подъ мирный лепетъ сновъ,
Гудѣнью важному внимать колоколовъ.
Тамъ, подперевъ щеку задумчиво рукою,
Увижу улицу я съ пестрой суетою,
И мачтъ Парижа—трубъ необозримый лѣсъ,
И ширь зовущихъ насъ къ безсмертію небесъ.
Отрадно сквозь туманъ слѣдить звѣзды рожденье,
Въ завѣшенномъ окнѣ лампады появленье,
И дыма сизаго густыя пелены
И чары блѣдныя колдующей луны.
Тамъ будутъ дни мои неслышно течь за днями...
Когда-жъ придетъ зима съ докучными снѣгами,
Всѣ двери, входы всѣ закрою я гостямъ
И чудные дворцы въ ночи моей создамъ!
И буду грезить я о горизонтахъ синихъ,
О сказочныхъ садахъ, оазисахъ въ пустыняхъ,
О поцѣлуяхъ дѣвъ небесной красоты,
О всемъ, что дѣтскаго бываетъ у мечты.

Пусть подъ окномъ моимъ мятежъ тогда бушуетъ,—
Меня онъ за трудомъ любимымъ не взволнуетъ:
Въ искусство дивное всецѣло погруженъ -
По волѣ вызывать весны волшебный сонъ,
Изъ сердца извлекать я буду волны свѣта,
Изъ мыслей пламенныхъ—тепло и роскошь лѣта.

Туманы и Дожди.

Осени конецъ и дни зимы съ весною,
Смоченною грязью, я за то люблю,
Что они могилы смутной пеленою
Обнимаютъ душу мертвую мою.

Въ дни, когда въ равнинѣ ходитъ вѣтеръ шумный,
Флюгеръ по ночамъ хрипѣть не устаетъ,—
И моя душа съ отвагою безумной
Крылья ворона широко распахнетъ!

Сердцу, гдѣ звучатъ напѣвы погребенья,
Спрятанному въ иней, ждущему забвенья,
Любо созерцать, какъ плачущій февраль

Льетъ холодный свѣтъ, на сумерки похожій;
Иль, въ безлунный вечеръ, на случайномъ ложѣ
Усыплять вдвоемъ привычную печаль.

Парижская греза.

I.

Еще сейчасъ въ дали неясной,
Въ безбрежный вылившись просторъ,
Пейзажъ невиданно-ужасный
Дивилъ и радовалъ мой взоръ.

Сонъ, полный чудныхъ привидѣній!
По странной прихоти мечты,
Міръ хаотическій растеній
Не нарушалъ ихъ красоты.

Художникъ, самъ въ себя влюбленный,
Я краски мертвыя лишь бралъ:
Мерцанье влаги монотонной,
Холодный мраморъ и металлъ.

То былъ гигантъ-дворецъ, вмѣщавшій
Аркадъ и лѣстницъ Вавилонъ,
Тяжелымъ золотомъ взметавшій
Фонтановъ цѣлый легіонъ.

Парчею занавѣсовъ плотныхъ,
Театра дивнаго кулисъ,

Рядъ водопадовъ искрометныхъ
Со стѣнъ базальтовыхъ повисъ.

Какъ лѣсъ, стояли колоннады
Вкругъ мирно дремлющихъ прудовъ.
Гдѣ исполинскія наяды
Плескались въ пѣнѣ береговъ.

Одѣты въ яркіе граниты,
Озера синія текли,
На милліоны верстъ разлиты,
Къ краямъ невѣдомымъ земли.

Цвѣтовъ неслыханныхъ утесы
И волны, полныя чудесъ!—
Зеленогривые колоссы,
Блескъ отражавшіе небесъ,

Гдѣ, беззаботны и безмолвны,
Катились Гáнгесы огня,
Алмазовъ трепетныя волны
Въ моря лазурныя гоня.

Создатель замковъ вдохновенныхъ,
Шутя, бросалъ я, какъ титанъ,
Мосты изъ камней драгоцѣнныхъ
Чрезъ укрощенный океанъ.

Все, даже черный цвѣтъ, сверкало
Какимъ-то радужнымъ огнемъ;
Волна дышала и играла
Кристально-свѣтлымъ серебромъ.

Ничей бы глазъ подъ небесами
Свѣтила дня не усмотрѣлъ,
Но на волшебной панорамѣ
День ослѣпительный горѣлъ!

И надо всѣмъ, какъ надъ могилой,
(Страшнѣй, неслыханнѣй всего:
Все—глазу, слуху—ничего!)
Молчанье вѣчности парило...

2.

Воспламененный взоръ открывъ,
Очнулся я въ своей берлогѣ,
Разбитъ, безпомощенъ, чуть живъ,
Въ тискахъ заботы и тревоги.

Нахально полдень прозвучалъ,
Докучно улица шумѣла,
И съ неба сумракъ упадалъ
На этотъ міръ закоченѣлый!..

Человѣкъ и море.

Свободный человѣкъ! Не даромъ ты влюбленъ
Въ могучій океанъ: души твоей безбрежной
Онъ—зеркало; какъ ты, въ движеньи вѣчномъ онъ,
Не меньше горечи въ твоей груди мятежной.

Какъ по сердцу тебѣ въ его волнахъ нырять,
На немъ покоить взглядъ! Въ его рыданьяхъ гнѣвныхъ
И дикихъ жалобахъ какъ любо узнавать
Родные отзвуки своихъ невзгодъ душевныхъ!

Равно загадочны вы оба и темны,
Равно обвѣяны молчаньемъ ледовитымъ.
Кто, море, знаетъ ключъ къ твоимъ богатствамъ скрытымъ?
Твои, о человѣкъ, кто смѣритъ глубины?..

И что-же? Безъ конца, не зная утомленья,
Войну вы межъ собой ведете искони!
Такъ любите вы смерть и ужасы рѣзни,
О, братья-близнецы, враги безъ примиренья!

Великанша.

Въ тѣ дни, когда цвѣла Природа красотой,
Чудовищныхъ дѣтей въ восторгахъ зачиная,
Я-бъ жить хотѣлъ у ногъ гигантши молодой,
Въ объятьяхъ лѣности, ярма заботъ не зная;

Слѣдить, какъ, ужасы въ забаву превративъ,
Растетъ она душой и созрѣваетъ тѣломъ,
Угадывать страстей бунтующихъ порывъ
Во взглядѣ женственно-стыдливомъ и несмѣломъ.

Величьемъ формъ ея я услаждалъ бы взоръ,
По склонамъ ползалъ бы ея колѣнъ огромныхъ,
И въ часъ, когда бы зной, пора желаній томныхъ,

Ее, усталую, по полю распростеръ,
Въ тѣни ея грудей дремалъ бы я небрежно,
Какъ у подошвы горъ поселокъ безмятежный.

Прежняя жизнь.

Подъ сѣнью портиковъ обширныхъ, безъ заботы,
Я жилъ, какъ полубогъ... Я помню дивный сонъ:
Тамъ превращалъ закатъ въ базальтовые гроты
Величественный рядъ возвышенныхъ колоннъ.

Прибрежная волна, вся полная движенья,
И лѣни царственной, и сказочныхъ чудесъ,
Сливала съ звуками торжественнаго пѣнья
Роскошные цвѣта пылающихъ небесъ.

Тамъ жилъ я, въ царствѣ грезъ, среди аллей тѣнистыхъ,
Среди лазури, волнъ, рабовъ полунагихъ,
Въ лицо мнѣ вѣявшихъ вѣтвями пальмъ душистыхъ,

Ловившихъ каждый взглядъ лѣнивыхъ глазъ моихъ
И слившихъ въ цѣль одну всѣ думы, всѣ желанья—
Загадку мукъ моихъ постичь и увяданья...

Симпатическій ужасъ.

«Съ этого страннаго неба багроваго,
Бурнаго, сходнаго съ нашей судьбой,
Въ грудь твою, грудь несчастливца суроваго,
Сходятъ какія мечтанья? Открой.»

— Тайны и тьмы ненасытно алкающій,
Я, какъ Овидій, не стану рыдать,
Въ рай свой латинскій душой унывающей,
Рабской душой улетать.

Небо, грозою, какъ берегъ, размытое!
Въ ранахъ твоихъ я любуюсь собой;
Тучи твои, какъ кортежъ гробовой,

Грезы мои провожаютъ убитыя...
Блескъ твой, готовый сейчасъ умереть,—
Адъ, гдѣ душѣ моей любо горѣть!

Алхимія скорби.

Одинъ рядитъ тебя въ свой пылъ,
Другой въ свою печаль, Природа.
Что̀ одному гласитъ: «Свобода!»—
Другому: «Тьма! Покой могилъ!»

Меркурій! ты страшишь меня
Своею помощью опасной:
Мида̀съ алхимикъ былъ несчастный—
Его еще несчастнѣй я!

Мѣняю рай на адъ; алмазы
Искусно превращаю въ стразы;
Подъ катафалкомъ облаковъ

Любимый трупъ я открываю
И близъ небесныхъ береговъ
Рядъ саркофаговъ воздвигаю...

Осенняя пѣсня.

I.

Короткая пора мелодій и цвѣтовъ,
Прости! Мы къ будничнымъ должны вернуться звукамъ.
Ужъ слышно, падаютъ на мостовой дворовъ
Тяжелыя дрова съ печально-рѣзкимъ стукомъ.

И вотъ, опять зима встаетъ передо мной—
Со злобой, дрожью, тьмой, заботой, жизнью мглистой...
И сердце станетъ вновь въ груди моей больной,
Какъ солнце полюса, лишь глыбой крови льдистой!

Полѣнья падаютъ, топоръ стучитъ, спѣша...
Такъ строятъ эшафотъ зловѣщій утромъ рано.
Какъ башня старая, дрожитъ моя душа
Подъ неустанными ударами тарана!

И все мнѣ чудится, что то̀ гробовщики
Кому-то гробъ поспѣшно забиваютъ...
Не лѣта-ль яснаго такъ грустно замираютъ
Вдали послѣдніе шаги?..

II.

Люблю я вашихъ глазъ зеленоватый блескъ,
Но въ этотъ горькій день мой умъ любви не цѣнитъ:
Ни ласка милыхъ рукъ, ни дровъ горящихъ трескъ
Мнѣ солнца яркаго надъ моремъ не замѣнятъ!

И все же, нѣжный другъ, любите!.. Съ добротой
Сестры-ль, любовницы-ль,—о, все равно,—любите!
Заката пышнаго послѣдней теплотой
Неблагодарнаго и злого подарите.

Недологъ будетъ трудъ,—смерть не заставитъ ждать,
Могила вырыта... Напомните жъ мнѣ мать:
Позвольте—голову колѣнямъ ввѣрить милымъ
И желтой осени остывшій лучъ вкушать,
Грустя о лѣтѣ свѣтлокрыломъ!..

Маяки.

О, Рубенсъ,—лѣни садъ, водоворотъ забвенья,
Для дикой оргіи разубранный альковъ,
Гдѣ мѣста нѣтъ любви, но все полно движенья,
Какъ бурныя стада весеннихъ облаковъ!

Да-Винчи... Зеркало съ смѣющейся толпою
Прелестныхъ ангеловъ въ бездонной глубинѣ—
На фонѣ глетчеровъ, окрашенныхъ зарею,
И сосенъ, дремлющихъ въ пустынной вышинѣ.

Рембрандтъ... Огромная, печальная больница
Со вздохами молитвъ надъ смрадомъ нечистотъ,
Гдѣ на убогій крестъ, символъ любви,—денница
Холодные лучи изъ хмурыхъ оконъ льетъ.

Анджело... Смутный міръ, гдѣ съ Геркулесомъ рядомъ—
Мадонны и Христы; гдѣ привидѣній рой,
Въ обрывкахъ савановъ, съ оцѣпенѣлымъ взглядомъ,
Изъ бездны тянется съ угрозою нѣмой;

Гнѣвъ гладіатора, безстыдный хохотъ фавна...
Могучій, гордый духъ, рядящій и неряхъ
Въ сіянье красоты, царящій полноправно
Надъ сонмами рабовъ въ позорѣ и цѣпяхъ!

Ваттò... Кипучій вальсъ, въ которомъ безъ раздумья
Кружатся сотни паръ, наряднѣй мотыльковъ,
Межъ тѣмъ какъ люстры льютъ тревогу и безумье
На этотъ садъ живыхъ порхающихъ цвѣтовъ.

Ты, Гойя,—злой кошмаръ съ чудовищными снами,
Съ орудіями мукъ и смѣхомъ палачей,
Ужасный шабашъ вѣдьмъ съ кипящими котлами,
Готовящими въ снѣдь зародыши дѣтей...

Делякруа... Заливъ, кровавой пѣны полный,
Нечистыхъ ангеловъ излюбленный притонъ,
Гдѣ лѣсъ зеленыхъ пихтъ угрюмо смотритъ въ волны,
И странный трубный звукъ разносится, какъ стонъ...

Всѣ эти жалобы, мольбы, богохуленья,
Проклятья, возгласы и слезы безъ конца—
Священный опіумъ, дарящій намъ забвенье,
Врачующій тоской убитыя сердца!

Призывъ охотниковъ, попавшихъ въ глубь ущелій,
Крикъ заблудившихся средь дебрей вѣковыхъ,
Маякъ, на тысячѣ зажженный цитаделей,
Пароль, назначенный для тысячъ часовыхъ!

И это—лучшее, Создатель, указанье
На то, что человѣкъ рожденъ не для оковъ,—
Крикъ этотъ пламенный, похожій на рыданье,
Катящійся къ Тебѣ сквозь лабиринтъ вѣковъ!

Маска.

(Аллегорическая статуя во вкусѣ Возрожденія.)

Вглядимся въ этотъ перлъ межъ грацій Флорентинскихъ:
Изящество и мощь, двѣ царственныхъ сестры,
Въ изгибахъ этихъ формъ укрылись исполинскихъ.
Все въ дивной женщинѣ прекрасно; всѣ дары
Природной прелести въ ней слиты во-едино.
На ложахъ роскоши ея удѣлъ блистать,
Любовнымъ нектаромъ досуги чаровать
Первосвященника, иль міра властелина.
А эти тонкія съ улыбкою уста,
Гдѣ сладострастіе до дерзости доходитъ,
Межъ тѣмъ какъ хитрый взоръ съ насмѣшливостью бродитъ,
И властно говоритъ намъ каждая черта:
«Ко мнѣ взываетъ страсть! Меня любовь вѣнчаетъ!»
Съ какимъ величіемъ и царскимъ торжествомъ
Веселый, рѣзвый видъ она соединяетъ!
Приблизимся же къ ней, всю обойдемъ кругомъ.

— О, неожиданность! О, дикій фарсъ искусства!
У этой женщины, чьи формы божества
Сулятъ счастливцу рай, всѣ обольщая чувства,
Двуликая сидитъ на шеѣ голова.

Но нѣтъ! то маска лишь, пустое украшенье—
Прелестное лицо съ улыбкой на губахъ:
Вотъ, вотъ оно, лицо безъ лжи и ухищренья,
Своими корчами внушающее страхъ!
Могучая рѣка твоихъ нѣмыхъ рыданій,
О злополучная великая краса,
Туманомъ и мои подернула глаза...
О чемъ же плачешь ты, не одолѣвъ страданій?
Краса небесная, у чьихъ бы ногъ легла
Земля покорная, о чемъ твои печали?

О томъ безумная тоскуетъ, что жила,
И что живетъ теперь!.. Но, чтó острѣе стали
Ей проникаетъ въ грудь, чтó съ головы до ногъ
Бросаетъ въ дрожь ее,—увы!—что такъ же надо
Еще и завтра жить среди земного ада,—
И завтра, какъ вчера... И не назначенъ срокъ!

Гимнъ красотѣ.

О, кто ты? Дочь небесъ, иль порожденье ада?..
Порочный и святой, загадоченъ твой взглядъ.
Онъ, какъ вино: въ немъ свѣтъ, въ немъ райская услада
И преступленья мрачный адъ.

Какъ вечеръ въ бурный день, ты вся благоухаешь.
Амфора дивная съ таинственнымъ питьемъ,
Лобзаньемъ ты дитя въ героя превращаешь
И мужа—дѣлаешь рабомъ.

Откуда ты?—Со звѣздъ? Изъ бездны-ль неразсвѣтной?
Какъ вѣрный пёсъ, бѣжитъ самъ Демонъ за тобой.
И радость и печаль ты сѣешь безотвѣтной,
Равно безтрепетной рукой.

Въ твоей косѣ, какъ перлъ, блеститъ и Ужасъ блѣдный,
Съ восторгомъ грудь твою Убійство обняло!
По трупамъ ты идешь съ усмѣшкою побѣдной,
Поднявши гордое чело.

Прельщенный мотылекъ, треща и обжигаясь,
Но сердцемъ веселясь, кружится надъ свѣчей;
Влюбленный, на груди прекрасной задыхаясь,
Въ объятьяхъ гробъ сжимаетъ свой.

О, что за дѣло мнѣ—эдема-ль чистой пери,
Сирены-ль темной взоръ мой разумъ освѣтилъ,
Мнѣ къ Безконечному невѣдомыя двери,
Давно желанныя, открылъ!

Чтó мнѣ отъ Бога ты, иль нѣтъ, когда ты—Дива
Со взглядомъ бархатнымъ, вся блескъ и ароматъ,
Съ кѣмъ эта ночь кругомъ глядитъ не такъ пугливо,
Мгновенья менѣе томятъ!..

Соотвѣтствіе.

Природа—дивный храмъ, гдѣ рядъ живыхъ колоннъ
О чемъ-то шепчется невнятными словами;
Лѣсъ темный символовъ знакомыми очами
На проходящаго глядитъ со всѣхъ сторонъ.

Какъ эхо дальняго стозвучные раскаты
Волною смѣшанной въ ущельяхъ горъ плывутъ,
Такъ голоса другъ другу подаютъ
Всѣ тоны на землѣ, цвѣта и ароматы.

Есть много запаховъ здоровыхъ, молодыхъ,
Какъ тѣло дѣтское; какъ звуки флейты, нѣжныхъ;
Зеленыхъ, какъ луга... И много есть иныхъ,

Нахально блещущихъ, развратныхъ и мятежныхъ!
Такъ амбра съ мускусомъ, и ладанъ, и бензой
Поютъ экстазы чувствъ и бодрыхъ силъ прибой.

Неотступное.

Огромные лѣса, страшите вы меня,
Какъ сумрачный соборъ! Вашъ вой—органа пѣнье...
И въ проклятыхъ сердцахъ, лишенныхъ свѣта дня,
Гдѣ все еще дрожатъ старинныя хрипѣнья
И угрызеніе правдивое не спитъ,
Вашъ адскій рэквіемъ угрозою звучитъ!

Ты ненавистенъ мнѣ, угрюмый океанъ!
Твои прыжки змѣи, рыданья и угрозы
Сердечныя мои напоминаютъ грозы...
Мнѣ ярость чудится неотомщенныхъ ранъ,
Непризнанныхъ обидъ, непонятаго горя
Въ громадномъ хохотѣ бунтующаго моря!

О, ночь-волшебница! Измученъ шумнымъ днемъ,
Какъ я тебя-бъ любилъ, любилъ до обожанья,
Когда-бъ не этихъ звѣздъ привѣтное мерцанье,
Лепечущее мнѣ знакомымъ языкомъ,
Тогда какъ я ищу застывшею душою
Тьмы, безразсвѣтной тьмы съ холодной пустотою!..

Но и холодный мракъ есть только пелена,
Скрывающая міръ огромнаго былого.

Отжившій міръ скорбей ужъ не воскреснетъ снова,
Но изъ зрачковъ моихъ, какъ искры изъ горна́,
Исчезнувшихъ существъ выходятъ миріады,
Кидая грустные, родные сердцу взгляды...

Пучина.

Паскаля мысль одна, всегда, вездѣ терзаетъ.
— Ахъ! бездна все: мечта, желанье, дѣло, звукъ...
Я чувствую порой, какъ холодъ вѣтра вдругъ
По волосамъ моимъ отъ страха пробѣгаетъ.

Безмолвіе вездѣ—вверху, внизу, вокругъ...
Пространство безъ конца влечетъ и ужасаетъ...
На тьмѣ ночей моихъ Создатель вышиваетъ
Кошмары, полные многообразныхъ мукъ.

Я часа сна боюсь, какъ темной, страшной ямы,
Куда и тянетъ насъ и гдѣ не видимъ дна мы.
Сквозь окна всѣ глядитъ безбрежность бытія,—

И, тяжестью ея подавленъ роковою,
Нирванѣ мертвой я завидую порою...
— Міръ Чиселъ и Идей зачѣмъ покинулъ я!

Къ картинѣ Делакруа.

„Тассъ въ темницѣ".

Поэтъ въ тюрьмѣ, всклокоченный, больной,
Ногами топчущій безсмертный свитокъ свой...
Онъ, будто, лѣстницу глазами измѣряетъ,
Съ которой умъ его померкшій ниспадаетъ!

Смѣхъ раздражающій надъ нимъ звучитъ кругомъ,
Видѣнья странныя встаютъ въ мозгу горячемъ...
И воздухъ оглашенъ его безсильнымъ плачемъ:
Сомнѣніе надъ нимъ и дѣтскій ужасъ въ немъ.

Въ берлогу брошенный неоцѣненный геній,
Съ его кривляньями и свитой привидѣній,
Вперяющій во тьму оцѣпенѣлый взглядъ,

Встающій въ ужасѣ безсонными ночами,—
Вотъ образъ твой, душа съ таинствеными снами,
Кому Дѣйствительность—такой же казематъ!

Крышка.

Вездѣ,—на гребняхъ волнъ, на муравѣ долинъ,
На льдистомъ полюсѣ, подъ солнцемъ раскаленнымъ;
Служитель истины, Цитеры вѣрный сынъ,
Поденщикъ темный, Крезъ съ желудкомъ пресыщеннымъ;

Гуляка городской, немудрый селянинъ
Съ мозолистой рукой, съ умомъ, въ покой влюбленнымъ;
Повсюду человѣкъ питаетъ страхъ одинъ—
Въ загадочную высь глядитъ съ лицомъ смущеннымъ.

Тамъ—неба душный сводъ... Банальный потолокъ
Надъ оперою-буффъ, залитой моремъ свѣта,
Гдѣ каждый шутъ въ крови отъ головы до ногъ...

Гроза распутника, мечта анахорета...
Тамъ крышка черная огромнаго котла,
Гдѣ человѣчество кипитъ во мракѣ зла!

Художникъ.

Какъ Сизифъ, будь терпѣньемъ богатъ,
Точно волъ подъяремный, работай—
И одной все терзайся заботой:
Трудъ огроменъ, а годы летятъ!

Въ сторонѣ отъ гробницъ знаменитыхъ,
На заглохшемъ кладбищѣ временъ
Все ищу я великихъ именъ,
Безсердечной молвой позабытыхъ.

Много перловъ таится въ землѣ,
Въ вѣковѣчномъ забвеньи и мглѣ,
На кирку̀ попадая случайно;

Много чудныхъ родится цвѣтовъ,
Съ ароматомъ прекраснымъ, какъ тайна,
Въ глубинѣ нелюдимыхъ песковъ...

*
* *

Я мысленно живу прошедшими вѣками,
Когда румяный Фебъ влюбленными лучами
Живыя статуи повсюду золотилъ;
Когда, кипя огнемъ нерасточенныхъ силъ,
Мужчина съ женщиной безъ робости притворной
Вкушали радостей напитокъ животворный.
Въ тѣ дни Природа-мать въ дарахъ любви своей
Не мачихой была для собственныхъ дѣтей,
Но, сердцемъ нѣжная волчица Квиринала,
Сосцами смуглыми вселенную питала.
По мышцамъ Геркулесъ, по виду Антиной,
Мужчина вправѣ былъ гордиться красотой
Богоподобныхъ дѣвъ, его царемъ признавшихъ,—
Плодовъ гранатовыхъ, уста невольно звавшихъ...

Теперь, когда поэтъ приходитъ въ тѣ мѣста,
Гдѣ прежней дерзостью блистаетъ нагота,
И думаетъ былой упиться красотою,—
Онъ содрогается отъ ужаса душою
Предъ полной холода картиной новыхъ дней...
О, куклы мертвыя, пародіи людей!
О, торсы жалкіе, достойные корсета!
Брюха̀ отвислыя, боящіяся свѣта,

Носящія въ крови весь темный ядъ вѣковъ,
Пороки матерей и гнусности отцовъ!

То правда: у эпохъ изнѣженныхъ разврата
Есть виды красоты, невѣдомой когда-то,—
Печать сердечныхъ язвъ на молодыхъ чертахъ
И прелесть томности мечтательной въ очахъ...
Но эти выдумки поэтовъ запоздалыхъ
Не осчастливили народовъ захудалыхъ,—
И мы завидуемъ съ мучительной тоской
Далёкой юности, наивной и святой,
Той свѣтлой юности, простой и непорочной,
Со взоромъ голубымъ яснѣй воды проточной,
Богатой пѣснями, безпечной, какъ цвѣты,
Струившей ароматъ любви и красоты!..

Балконъ.

Королева грацій, мать воспоминаній,
Ты,— о весь мой долгъ, награда всѣхъ трудовъ,—
Помнишь ли, скажи, о прелести свиданій
Въ тишинѣ волшебныхъ лѣтнихъ вечеровъ?
Королева грацій, мать воспоминаній!

Въ поздніе часы, при пламени камина,
На балконѣ, скрытомъ въ розовыхъ парахъ,
Ты была нѣжна, добра, какъ мать для сына;
Вслухъ мечтали мы о сладостныхъ вещахъ...
Въ поздніе часы, при пламени камина.

Какъ прекрасно солнце въ теплый часъ заката!
Какъ прозрачна даль! Какъ духъ растетъ, любя!
Наклонясь къ тебѣ, источникъ аромата,
Кровь твою, казалось, я вдыхалъ въ себя...
Какъ прекрасно солнце въ теплый часъ заката!

Полночь опускалась занавѣсомъ темнымъ.
Я твои зрачки угадывалъ впотьмахъ,
Мысль твою читалъ я... И съ довѣрьемъ скромнымъ
Твои ножки спали у меня въ рукахъ...
Полночь опускалась занавѣсомъ темнымъ.

Я искусство знаю вызывать блаженство,
Вспоминая рай объятій дорогихъ.
Гдѣ, зачѣмъ искать полнѣе совершенство,
Чѣмъ въ твоей душѣ, въ теплѣ очей твоихъ?
Я искусство знаю вызывать блаженство...

Этотъ праздникъ ласкъ, обѣтовъ и лобзаній—
Онъ вернется-ль вновь? Воскреснетъ ли любовь,
Какъ свѣтило дня, омывшись въ океанѣ,
Надъ землей восходитъ, молодѣя вновь?
Праздникъ ласкъ, обѣтовъ, пламенныхъ лобзаній!

Падаль.

Было ясное утро. Подъ музыку нѣжныхъ рѣчей
Шли тропинкою мы; полной грудью дышалось.
Вдругъ, вы вскрикнули громко: на ложѣ изъ жесткихъ камней
Безобразная падаль валялась...

Какъ безстыдная женщина, нагло впередъ
Обнаженныя ноги она выставляла,
Открывая цинично зеленый животъ,—
И отравой дышать заставляла...

Но, какъ-будто на розу, на остовъ гнилой
Небо ясно глядѣло, привѣтно синѣя!
Только мы были хмуры, и вы, ангелъ мой,
Чуть стояли, дрожа и блѣднѣя.

Рои мошекъ носились вблизи и вдали,
Непріятнымъ жужжаньемъ нашъ слухъ поражая;
Вдоль лоскутьевъ гнилыхъ, извиваясь, ползли
И текли, какъ похлебка густая,

Батальоны червей... Точно въ морѣ волна,
Эта черная масса то внизъ опадала,
То вздымалась тихонько: какъ будто она
Еще жизнію смутной дышала.

И неслась надъ ней музыка странная... Такъ
Зерна хлѣба шумятъ, когда вѣтра стремленьемъ
Ихъ несетъ по гумну; такъ сбѣгаетъ въ оврагъ
Говорливый ручей по каменьямъ.

Формы тѣла давно уже были мечтой,
Походя на эскизъ, торопливо и блѣдно
На бумагу набросанный чьей-то рукой
И закинутый въ уголъ безслѣдно.

Изъ-за груды каменьевъ на смрадный скелетъ
Собачонка глядѣла, сверкая глазами
И, какъ будто, смакуя роскошный обѣдъ,
Такъ не во-время прерванный нами...

* * *

Но, однако, и вамъ этотъ жребій грозитъ—
Быть такимъ же гнилымъ, отвратительнымъ соромъ,
Вамъ, мой ангелъ съ горячимъ румянцемъ ланитъ,
Съ вашимъ кротко мерцающимъ взоромъ!

Да, любовь моя, да, мое солнце! Увы,
Тѣмъ же будете вы... Въ видѣ столь же позорномъ,
Послѣ таинствъ послѣднихъ, уляжетесь вы
Средь костей, подъ цвѣтами и дерномъ.

Такъ скажите-жъ червямъ, когда станутъ они
Ваши ѣсть поцѣлуи на тризнѣ ужасной,
Что я душу сберегъ моей мертвой любви,
Образъ пери нетлѣнно-прекрасный!

Портретъ.

Болѣзнь и смерть лишь пепелъ намъ дарятъ
Того огня, что такъ свѣтилъ прекрасно.
Гдѣ чудные глаза, которыхъ пылкій взглядъ
Горѣлъ такъ ласково и ясно?

Гдѣ милыя пурпурныя уста,
Ихъ поцѣлуй, гасившій умъ мой бѣдный?
Ужасный сонъ: все прошлое—мечта,
И живъ одинъ рисунокъ блѣдный!..

И тотъ, какъ я, покорно смерти ждетъ.
Сѣдымъ крыломъ насъ Время третъ и третъ,—
Ни красоты не пощадитъ, ни чувства...

Нѣтъ, злой убійца, темный врагъ искусства!
Не умертвишь ты въ памяти моей
Ее, мой свѣтъ и славу юныхъ дней!

* * *

Когда—корабль, гонимый аквилономъ,—
До позднихъ лѣтъ дойдетъ мой грустный стихъ,
По вечерамъ напѣвомъ монотоннымъ
Будя мечты въ сердцахъ людскихъ,—

Пусть образъ твой потомкамъ отдаленнымъ
Чаруетъ умъ, какъ сказка дней сѣдыхъ,
Къ моимъ мечтамъ прикованный и стонамъ,
Какъ цѣпью, звономъ рифмъ моихъ.

Несчастная, отъ свѣтлыхъ высей рая
До бездны безднъ мнѣ одному родная!
Твоя душа передъ людскимъ судомъ

Безстрастіемъ и гордостью богата,
О, статуя съ глазами изъ агата,
Прекрасный ангелъ съ бронзовымъ челомъ!

Вампиръ.

Сверкнувши властно и злорадно,
Какъ острой стали лезвiё,
Ты въ сердце жалкое мое
Вошла, безумна и нарядна!

И тронъ, и ложе для себя
Нашла въ душѣ моей безсильной...
— О ты, съ кѣмъ до черты могильной,
Какъ цѣпью, скованъ я, любя,

Какъ горькiй пьяница съ бутылкой,
Какъ трупъ съ червями, какъ съ игрой
Игрокъ отчаянный и пылкiй,—
Будь проклятъ, проклятъ демонъ злой!

Я звалъ кинжалъ на призракъ темный,
Чтобъ онъ разбилъ мою тюрьму,
Молилъ и ядъ, чтобъ вѣроломный
Помогъ безсилью моему;

Но, отвергая всѣ моленья,
Они глумились надо мной:
«Томись въ неволѣ, рабъ слѣпой,
Ты недостоинъ сожалѣнья!

«Когда бъ вампира твоего,
Безумецъ, поразить могли мы,
Ты поцѣлуями живыми
Вновь оживилъ бы трупъ его.»

Привидѣніе.

Какъ духъ отчаянья и мести,
Покину я пріютъ гробовъ
И въ часъ ночной, съ тѣнями вмѣстѣ,
Скользну безъ шума въ твой альковъ.

Тебѣ я дамъ, мой другъ, лобзанья
Луны мертвѣй и холоднѣй,
И ядъ змѣинаго дыханья
Вопьешь ты съ ласкою моей.

Но только утро засинѣетъ,
Твоя свѣтлица опустѣетъ,
И станешь тѣнью ты бродить.

Какъ люди—нѣжностью сердечной,
Такъ я надъ юностью безпечной
Хочу лишь ужасомъ царить!

Hėautontimoroumėnos *).

Я безъ гнѣва чашу мукъ
Дамъ испить тебѣ, мой другъ!
Не изъ мести, не для кары
Я, какъ новый Моисей
Въ мертвый камень средь степей,
Буду грозные удары
Милой въ сердце наносить:
Чтобы зной моей Сахары—
Жажду сердца утолить!..

И когда изъ глазъ любимыхъ,
Въ пыткѣ мукъ невыносимыхъ,
Брызнетъ горькою волной
Ключъ страданія живой,
Мой взыграетъ духъ печальный,
Какъ корабль на лонѣ водъ
Въ часъ, когда къ отчизнѣ дальной
Странникъ бѣдный поплыветъ!
И твой плачъ, мой другъ, во мракѣ
Для души моей больной
Прозвучитъ, какъ въ часъ аттаки
Барабанный грозный бой!

---

*) Самобичующій.

Не аккордъ ли я фальшивый
Въ стройномъ хорѣ міровомъ?
Ядъ ироніи крикливой
Слышенъ въ голосѣ моемъ.
Черный ядъ! Убійца вѣры!
Онъ всю кровь мою проникъ...
Ахъ! Я—зеркало, Мегеры
Отражающее ликъ!
Я—и ножъ и вмѣстѣ рана,
Беззащитная щека
И разящая рука...
Кроткой жертвѣ, мнѣ—тирана
Сердце злобное дано!
Я несчастный, что́ смѣяться
Долженъ вѣкъ свой—и давно
Ужъ не въ силахъ улыбаться!..

Печальный мадригалъ.

Пусть тебя гордый свѣтъ презираетъ:
Будь прекрасна,—печальна! Слеза
Только прелесть лицу прибавляетъ.
Вѣдь долину рѣка украшаетъ,
Вѣдь цвѣты освѣжаетъ гроза!

Я люблю, когда радость живая
Съ дорогого сбѣгаетъ чела,
И въ душѣ твоей, ужасъ рождая,
Словно туча встаетъ грозовая—
Память горя былого и зла.

Я люблю, когда взоръ твой атласный
Полонъ влаги, горячей, какъ кровь,
И, какъ няня, пытаюсь напрасно
Убаюкать порывъ твой ужасный,
Надъ которымъ невластна любовь.

И вдыхаю твои я рыданья
(О, восторгъ незабвенныхъ ночей!),
Точно сладостный гимнъ упованья:
Озарятъ эти перлы страданья
Мракъ души угнетенной твоей!

Да! я знаю, мой другъ, и не скрою:
Въ непосильной житейской борьбѣ
Ты умѣла сберечь за душою
Каплю гордости той, что̀ порою
Осужденные носятъ въ себѣ.

Но подъ властью кошмаровъ печальныхъ,
Угнетающихъ сердце и умъ,
Въ этихъ грезахъ и снахъ погребальныхъ
Слыша отзвуки выстрѣловъ дальнихъ
И мечей угрожающій шумъ,

Всюду зло и печаль открывая,
Содрогаясь при боѣ часовъ, .
Ты не знала еще, дорогая,
Всей печали отверженцевъ рая,—
Пресыщеньемъ отравленныхъ сновъ!

И ни разу, о нѣжная дива,
Въ тяжкомъ ужасѣ ночи больной,
Ты, любившая только пугливо,
Не могла мнѣ сказать горделиво:
«Я сравнялась, о царь мой, съ тобой!»

Флаконъ.

Бываютъ запахи, которымъ нѣтъ преградъ,—
Сквозь прочное стекло ихъ проникаетъ ядъ.
Вскрывая сундучекъ, полученный съ востока,
Съ визгливой крышкою, проржавѣвшей жестоко,

Иль почернѣлый шкафъ невѣдомыхъ временъ,
Случается найти надтреснутый флаконъ,
Стоявшій много лѣтъ, слой пыли накопляя,
Откуда брызнетъ вдругъ душа, еще живая...

И рой прекрасныхъ грёзъ, таившихся въ тиши,
Подобно куколкамъ, средь сумерекъ души,—
Раскрывши крылышки лазурно-золотыя,
Вспорхнетъ восторженно подъ небеса родныя!

Но вотъ тяжелый сонъ, зловѣщій, какъ гроза,
Встаетъ изъ мрака дней... Смыкаются глаза,
Кружится голова... Невѣдомая сила
Руками страшными и мозгъ, и грудь сдавила

И тянетъ къ пропасти безъ берега и дна,
Гдѣ призрачный мертвецъ, срывая путы сна,
Какъ Лазарь, движется, обвитый пеленами,
Пропахшій старою любовью и грѣхами...

Такъ, на пиру людей ненужнымъ хламомъ ставъ,
Заброшенъ нѣкогда въ такой же мрачный шкафъ,
Флаконъ осушенный, отвергнутый, надбитый,
И грязью липкою и плѣсенью покрытый,—

Твоей гробницею я буду, милый ядъ,
Источникъ горестей и неземныхъ отрадъ,
Издѣлье ангеловъ изъ лучшихъ гроздій рая,
О, жизнь моя и смерть, моя цикута злая!..

Разговоръ.

Небо осени вы, голубое, прозрачное,
А во мнѣ поднимается скорбь, какъ волна;
И, отхлынувъ назадъ, на уста мои мрачныя
Ѣдкой горечи слѣдъ налагаетъ она.

Ваша ручка напрасно, не зная усталости,
По груди моей бродитъ—въ ней пусто, мертво:
Это сердце пожрали давно и безъ жалости
Зубы женщины... Нѣтъ, не ищите его!

Это сердце—развалины царскаго зданія,
Гдѣ на смерть убиваютъ, и пьютъ и шумятъ;
По груди-жъ вашей нѣжной плыветъ ароматъ...

—Бичъ сердецъ, Красота! ты чужда состраданія?
Брилліантовымъ взоромъ сожги же скорѣй
То, что когти еще пощадили звѣрей!

---

* * *

Въ одеждахъ волнистыхъ и бѣлыхъ
Скользишь ты, какъ змѣи проворныя,—
Тѣ змѣи, что пляшутъ, искусству покорныя,
На палкахъ жрецовъ посѣдѣлыхъ.

Какъ въ блескѣ лазури пустыня безгласная,
Какъ сѣть безконечная зыбкаго моря,
Ты взору являешься—чуждая горя
И чуждая страсти, къ землѣ безучастная...

Глаза твои—два минерала прелестныхъ:
И кротость въ нихъ ангеловъ чистыхъ небесныхъ,
И сфинкса порой безсердечность желѣзная.

Смѣсь золота, перловъ и стали холодной,
Сіяешь ты вся, какъ звѣзда безполезная,
Застывшимъ величіемъ дѣвы безплодной.

Жажда Обмана.

Всякій разъ, какъ плывешь ты, лѣнивица милая,
Въ звукахъ вальса, залитая блескомъ огней,
Гармоничная, томная, будто унылая,
Долгимъ взоромъ блуждая по лицамъ гостей;
Всякій разъ, какъ мелькаетъ лицо твое блѣдное,
Гдѣ окрашенный газъ зажигаетъ зарю
И темнѣютъ очей глубины неизслѣдныя,—
«Какъ прекрасна она!» я себѣ говорю.
Не былое-ль само, испытаньемъ богатое,
Всѣ черты, всѣ движенья вѣнчаетъ твои?
Душный полдень пробилъ... И, какъ персикъ помятое,
Проситъ сердце созрѣвшее мудрой любви.
Плодъ ли осени ты, лишь серпа ожидающій,
Погребальная-ль урна, просящая слезъ?
Ароматъ ли, зовущій въ оазисъ сіяющій,
Иль дешевый вѣнокъ изъ искусственныхъ розъ?
Есть глаза, драгоцѣнныя тайны сулящіе,
Безъисходною полные грустью глаза,
Дорогіе ларцы, медальоны блестящіе—
И, увы! столь пустые, какъ вы, небеса!
Но для сердца, отвергшаго истину скучную,
Не довольно-ль миража, несущаго свѣтъ?
Украшенье, иль маску пустую, бездушную,
Обожаю тебя я! Тебѣ мой привѣтъ!

Разрушеніе.

Невидимо паря, вокругъ меня снуетъ
Неугомонный духъ, неусыпимый геній:
Какъ воздухъ, льется въ грудь и легкія мнѣ жжетъ
Огнемъ преступныхъ вожделѣній.

И, зная страсть мою къ искусству, по ночамъ
Подъ маской женщины является прекрасной
И, подъ предлогами коварными, къ губамъ
Мнѣ ядъ подноситъ сладострастный.

И водитъ онъ меня отъ Бога вдалекѣ,
Изнеможеннаго, изнывшаго въ тоскѣ,
Въ пустыняхъ скуки и томленья.

И тамъ, какъ въ тяжкомъ снѣ, рисуетъ предо мной
Одежды грязныя, и ранъ открытыхъ гной,
И кровь и ужасъ разрушенья!..

Слѣпые.

Взгляни, взгляни... Они меня пугаютъ!
Какъ манекены, странны и смѣшны;
Въ какой-то сонъ всегда погружены;
Свой мутный взоръ куда они вперяютъ?

Давно лишенный искры божества,
Онъ все туда, въ небесный край стремится;
И къ мостовой задумчиво склониться
Упрямая не хочетъ голова.

Вверху же—мракъ, печальный братъ молчанья...
Межъ тѣмъ, какъ въ вихрѣ шумномъ ликованья
Безумный городъ пляшетъ и поетъ,—

О, посмотри: влачусь я въ свой чередъ!
Но къ небесамъ не устремляю взгляда:
Чего вверху слѣпцамъ всѣмъ этимъ надо?..

Сплинъ.

Я—точно царь страны дождливой,
Богатый, властный, но больной,
Во цвѣтѣ юности счастливой
Старикъ и тѣломъ и душой.
Ничто развлечь его не можетъ—
Ни конскій бѣгъ, ни звукъ роговъ,
Ни стонъ народа не тревожитъ
Передъ балконами дворцовъ.
Давно не видитъ шутъ любимый
Улыбки на его губахъ;
Какъ трупъ, лежитъ онъ недвижимый
На ложѣ, убранномъ въ цвѣтахъ!
Глядитъ чертогъ, какъ склепъ могильный...
И чтобъ согрѣть живой скелетъ,
Ужъ камеръ-фрейлины безсильны
Найти безстыднѣй туалетъ.
Межъ тѣмъ мудрецъ его придворный,
Что̀ дѣлать золото умѣлъ,
Болѣзни элементъ злотворный
Внутри еще не усмотрѣлъ...
И тщетно въ ваннахъ крови алой,
Когда-то грѣвшихъ царскій Римъ,
Руинамъ хочетъ онъ живымъ
Огонь ихъ отыскать бывалый.

Живетъ въ нихъ тайная змѣя,
Ее извлечь никто не въ силахъ,
И Леты затхлая струя,
Не кровь течетъ въ зеленыхъ жилахъ!

Сплинъ.

Февраль, сѣдой ворчунъ и врагъ всего живого,
Насвистывая маршъ зловѣщій похоронъ,
Въ предмѣстьяхъ сѣетъ смерть и льетъ холодный сонъ
На блѣдныхъ жителей кладбища городского.

Улегшись на полу, больной и зябкій котъ
Не устаетъ вертѣть всѣмъ тѣломъ шелудивымъ;
Чрезъ жолобъ кровельный, со стономъ боязливымъ,
Поэта стараго бездомный духъ бредетъ.

Намокшія дрова, шипя, пищатъ упрямо;
Часы простуженной имъ вторятъ фистулой;
Межъ тѣмъ, валетъ червей и пиковая дама,—

Наслѣдье мрачное страдавшей водяной
Старухи,—полные зловонья и отравы,
Болтаютъ про себя о дняхъ любви и славы...

Сплинъ.

Не больше-бъ помнилъ я, проживши сотни лѣтъ!
Въ шкафу, гдѣ ящичкамъ и полкамъ счета нѣтъ,
Гдѣ свалены въ пыли разрозненные томы
Процессовъ и стиховъ, записочки, альбомы,
Въ роспискахъ локоны душистые волосъ,—
Секретовъ менѣе-бъ, навѣрное, нашлось,
Чѣмъ у меня въ мозгу: въ немъ труповъ больше было,
Чѣмъ сколько помѣститъ и общая могила!
Кладбище мрака я, враждебное лунѣ,—
Гдѣ черви длинные по самымъ милымъ мнѣ
Покойникамъ ползутъ съ остервенѣньемъ жаднымъ,
Подобно совѣсти укорамъ безпощаднымъ!
Я—старый будуаръ, поблёклыхъ полный розъ,
Въ которомъ царствуетъ плѣнительный хаосъ,
И дышутъ запахомъ флаконовъ незакрытыхъ
Пастэли грустныя и кучи модъ забытыхъ...
И что́ сравнить съ длиной тѣхъ хромоногихъ дней,
Когда подъ снѣгомъ вьюгъ и ливнями дождей
Хандра, которой ледъ ничто не растопляетъ,
Размѣры грозные безсмертья принимаетъ?!
Я—смутнымъ ужасомъ обвѣянный гранитъ,
Недвижно дремлющій, затерянъ и забытъ,
Въ туманной глубинѣ пылающей Сахары...
Подъ молотомъ вѣковъ полуистертый, старый,
Ненужный міру сфинксъ, чей нелюдимый нравъ
Поетъ, прощальный лучъ заката увидавъ!

Сплинъ.

Когда въ когтяхъ хандры природа изнываетъ,
И крышка сѣрыхъ тучъ, ползущихъ надъ землей,
Вотъ-вотъ прихлопнетъ міръ, и небо проливаетъ
День сумрачный, какъ ночь, слезливый и больной;

Когда земля тюрьмой становится сырою,
Гдѣ свѣтлый рой надеждъ, какъ рой нетопырей,
Пугливо носится и бьется головою
О мокрый камень стѣнъ, не находя дверей;

Когда намъ кажутся рѣшеткой исполинской
Повисшаго дождя свинцовыя струи,
И стаи пауковъ со злобой сатанинской
Въ глубь мозга нашего ведутъ силки свои,—

Вдругъ съ дикой яростью колокола заскачутъ,
Подымутъ тяжкій вой... И чудится тогда:
То—души грѣшниковъ непогребенныхъ плачутъ,
Лишенныхъ родины небесной навсегда!

И длинный рядъ гробовъ неспѣшно выступаетъ
Во тьмѣ души моей въ процессіи нѣмой,
И знамя черное побѣдно развѣваетъ
Свирѣпая Тоска, склонясь на черепъ мой!..

Непоправимое.

I.

Возможно-ль боль забыть сердечныхъ угрызенiй,
Волнующихся въ насъ, сверлящихъ намъ сердца,
Какъ гусеницы дубъ, какъ черви мертвеца?
О, можно-ль боль забыть старинныхъ угрызенiй?

Въ винѣ какихъ страстей, или въ какомъ питьѣ
Утопимъ мы врага, губителя отрады,
Любовницы жаднѣй, докучливѣй цикады?
Въ винѣ какихъ страстей, или въ какомъ питьѣ?—

Колдунья нѣжная, открой, о, дорогая,
Солдату, павшему средь сѣчи роковой
И видящему сталь копытъ надъ головой,—
Колдунья нѣжная, открой, о дорогая!

Скажи несчастному!.. Его ужъ чуетъ волкъ,
И воронъ стережетъ... Онъ стонетъ черезъ силу...
Скажи: найдетъ онъ крестъ и честную могилу?..
Минуты сочтены—ужъ близко бродитъ волкъ!

Зажжется ли разсвѣтъ на этомъ черномъ небѣ?
Прорвется-ли когда зiяющая мгла
Безъ молнiй и безъ звѣздъ, густая, какъ смола?
Возможенъ-ли разсвѣтъ на этомъ черномъ небѣ?

Въ гостиницѣ огни потушены давно.
Безъ мѣсячныхъ лучей, среди пути глухого,
Какъ путникамъ дойти до сладостнаго крова?
Нечистый всѣ огни задулъ уже давно!

Скажи, волшебница, отверженцевъ ты любишь?
Виновной совѣсти страшатъ тебя черты?
Неизгладимое простить способна-ль ты?
Скажи, волшебница, отверженцевъ ты любишь?

Змѣй сожалѣнія грызетъ меня, грызетъ
Всѣ дни и ночи всѣ.. Подъ монументъ разбитый
Онъ подрывается, какъ хищные термиты...
Непоправимое грызетъ меня, грызетъ!

II.

На дешевыхъ сценахъ я видалъ бывало,
Какъ, восторгъ будя въ неопытныхъ сердцахъ,
Въ громѣ флейтъ и скрипокъ фея зажигала
Дивную зарю на адскихъ небесахъ.

Горделивымъ жестомъ властнаго приказа
Прогоняя мракъ съ лазурной вышины,
Существо изъ свѣта, золота и газа
Низвергало въ бездну царство сатаны.

Духъ мой—та же сцена; но людского глаза
Не прельститъ она, одѣта вѣчной мглой:
Тамъ не ждутъ прихода феи молодой
Съ крыльями изъ свѣта, золота и газа!..

Жажда небытія.

Усни, угрюмый духъ, борьбою пресыщенный!
Безсмысленно тупить не хочетъ съ этихъ поръ
Надежда объ тебя когда-то острыхъ шпоръ,
О кляча дряхлая, одёръ изнеможенный.

Усни же сномъ безъ сновъ, какъ воинъ побѣжденный!

Чтó для тебя любовь? Лишь праздный разговоръ —
Не больше, старый плутъ, въ обманахъ изощренный...
Простите-жъ, вздохи флейтъ, мечты души влюбленной!
Вы, пѣсни мѣдныя, молчите съ этихъ поръ!

Чарующей весны поблекъ живой уборъ.

И дни, за мигомъ мигъ, какъ снѣгъ неугомонный,
Твой поглощаютъ трупъ... Окоченѣлый взоръ
Встрѣчаетъ въ вышинѣ синѣющій шатеръ,
Но больше кровли въ немъ не видитъ благосклонной...

— Лавина! скоро-ль ты разбудишь воздухъ сонный? *)

---

*) Въ подлинникѣ другой оборотъ:
Avalanche, veux-tu m'emporter dans ta chute?
Но смыслъ тотъ же.

Семь стариковъ.

(Посвящено Виктору Гюго.)

Въ столичномъ омутѣ, гдѣ призраки снуютъ
При полномъ свѣтѣ дня, прохожихъ задѣвая,
И тайны, чудится, по улицамъ текутъ,
Какъ соки мрачные, дыханье отравляя,

Однажды по утру, когда туманъ сырой
Клубился медленно нечистыми волнами
Надъ узкой улицей, казавшейся рѣкой
Съ гранитными крутыми берегами,

Въ предмѣстье я забрелъ... Закутанный въ туманъ,
Съ развинченной душой, я двигался устало.
Скрипѣніе колесъ мнѣ нервы потрясало—
Какихъ-то грязныхъ фуръ тянулся караванъ...

Вдругъ немощный старикъ въ лохмотьяхъ жалкихъ (цвѣта
Поблёкло-желтыхъ тучъ на мокрыхъ небесахъ),
Къ которому дождемъ текли-бъ подачки свѣта,
Когда-бъ не злой огонь, свѣтившійся въ глазахъ,

Явился предо мной... Его зрачекъ, казалось,

Намоченъ желчью былъ. Не брита никогда,
Впередъ, какъ у Іуды, выставлялась
Рапирой острою большая борода.

Онъ не былъ сгорбленъ, нѣтъ! но на двѣ половины
Разломленъ. Съ палкою въ трясущихся рукахъ,
Онъ видъ и складъ больной напоминалъ скотины,
Безпомощно на трехъ влачащейся ногахъ.

Въ осенній снѣгъ и грязь неловко увязая
(Какъ будто трупы онъ давилъ подъ башмакомъ!),
Онъ шелъ—куда Богъ вѣсть, минуты не теряя,
Не только чуждъ всему, но золъ на все кругомъ.

За нимъ его двойникъ: такое-жъ одѣянье,
Такая-жъ борода, походка, палка, взглядъ...
Два странныхъ близнеца, два сумрачныхъ созданья,
Которыхъ выпустилъ одинъ и тотъ же адъ!

Чьей гнусной шуткой я введёнъ былъ въ заблужденье?
Какой враждебный рокъ мой разумъ ослѣпилъ?
Семь разъ, семь страшныхъ разъ, мгновенье изъ мгно-
венья,
Старикъ передо мной зловѣщій проходилъ!..

Пусть тотъ, кто горестью моей не опечаленъ,
Чье сердце жалостью отзывной не дрожитъ,
Подумаетъ о томъ, что эти семь развалинъ,
Семь выходцевъ могилъ имѣли вѣчный видъ!

Не умеревъ сейчасъ, увижу-ль я восьмого,
Такого-жъ грознаго въ фатальности своей

Отца и сына ихъ? Но спину я сурово
Къ кортежу адскому поворотилъ скорѣй.

Озлобленъ, раздраженъ, какъ пьяница, который
Весь видитъ міръ вдвойнѣ, вернулся я домой;
Въ ознобѣ заперъ дверь, задвинулъ всѣ затворы,
Смущенъ нелѣпицей и тайной роковой.

Но тщетно почвы я искалъ вокругъ въ туманѣ:
Подъ бурей прыгала и билась мысль моя,
Какъ судно жалкое безъ мачтъ и безъ руля
На безграничномъ океанѣ!..

Донъ Жуанъ въ Аду.

Лишь оболъ свой Харону швырнулъ на колѣна
Донъ Жуанъ и къ подземной волнѣ подступилъ,—
Мрачный нищій, съ надменнымъ лицемъ Антисфена,
Весла гнѣвной рукою схватилъ *).

Позади же, подъ черными сводами ада,
Рои женщинъ, отвисшія груди раскрывъ,
Точно жертвъ принесенныхъ огромное стадо,
Повторяли къ отмщенью призывъ **).

Сганарелло ***) насмѣшливо требовали платы;
Тамъ Донъ-Людвигъ ****) указывалъ дряхлой рукой
На сѣдины свои, что̀ не ворогъ заклятый—
Сынъ, увы, опозорилъ родной!

---

*) Нищій, котораго Донъ Жуанъ заставилъ отречься отъ Бога.
**) Жертвы сластолюбія Донъ Жуана.
***) Слуга Донъ Жуана.
****) Отецъ Д. Ж.

Пряча въ трауръ свой станъ цѣломудренно-гибкій,
Здѣсь Эльвира *) глядитъ ему нѣжно во слѣдъ,
Будто молитъ отвѣтить послѣдней улыбкой,
Полной сладости первыхъ бесѣдъ.

Человѣкъ изъ гранита, съ бронёю желѣзной,
Надъ рулемъ возвышаясь, боролся съ волной **);
Но, склонясь на рапиру, за пѣнистой бездной
Равнодушно слѣдилъ безмятежный герой!

---

*) Жена Д. Ж., родного брата которой онъ убилъ на дуэли и которую бросилъ тотчасъ же послѣ свадьбы.

**) Командоръ.

Мятежникъ.

Разгнѣванный Ангелъ, орломъ съ высоты
Низринувшись, мощной рукою хватаетъ
За чубъ нечестивца и грозно вѣщаетъ:
«Я – ангелъ-хранитель! раскаешься-ль ты?

«Знай: дóлжно любить безъ гримасы печальной
Убогаго, злóго, хромого, слѣпца,
Чтобъ вышить изъ этой любви безъ конца
Для ногъ Іисуса коверъ тріумфальный.

«Любовь такова... Полюби же теплѣй—
И будетъ блаженство наградой твоей,
Блаженство, которое ввѣкъ не наскучитъ!»

И Ангелъ добра, прибѣгая къ бичу,
Рукой исполина отступника мучитъ.
А тотъ отвѣчаетъ одно: «Не хочу!»

Жалобы Икара.

Любовники пошлаго сыты,
Ихъ доля свѣтла и легка;
А руки Икара разбиты
За дерзость обнять облака.

Вы, дивные свѣточи ночи,
Вы, кроткія звѣзды, виной,
Что эти потухшія очи
Лишь помнятъ про день золотой!

Конецъ и начало вселенной
Отважно задумавъ найти,
Не знаю, чьей волей надменной
Я былъ остановленъ въ пути.

Со всею моею любовью,
Я имени даже не дамъ
Меня схоронившимъ волнамъ,
Моею упившимся кровью!

Мученица.

(Картина неизвѣстнаго мастера.)

Среди зеркалъ, картинъ, флаконовъ расписныхъ
Съ ароматичными духами,
Дразнящей мебели и платьевъ дорогихъ,
Висящихъ пышными волнами;

Въ закрытой комнатѣ, гдѣ воздухъ неживой
Пахучъ и зноенъ, какъ въ теплицахъ,
Гдѣ гордые цвѣты поникли головой
Въ своихъ узорчатыхъ гробницахъ,—

Подушку влажную мертвецъ безъ головы
Живою кровью заливаетъ,
И шелковая ткань прожорливѣй травы
Потокъ румяный поглощаетъ.

Какъ блѣдный выходецъ изъ міра мрачныхъ грёзъ,
Болѣзни спутницъ неизмѣнныхъ,
Съ тяжелой гривою эбеновыхъ волосъ
И ношей камней драгоцѣнныхъ,

Синѣя, голова на столикѣ лежитъ.
Лишенный мысли, мутный, бѣлый,

Какъ сумеречный свѣтъ, изъ мертвенныхъ орбитъ
Выходитъ взоръ оцѣпенѣлый.

А на постели трупъ въ величьи наготы
Раскрылъ съ небрежною свободой
Весь сокровенный блескъ, всѣ чары красоты,
Ему дарованной природой.

На мраморной ногѣ, какъ память о быломъ,
Чулокъ остался розоватый,
И свѣтитъ издали пылающимъ зрачкомъ
Подвязка съ вышивкой богатой.

Безлюдье, тишина, еще живая кровь,
Нагого тѣла положенье—
Все, все наводитъ мысль на мрачную любовь,
На пиръ безумный преступленья,

Восторги адскіе, лобзаній дикихъ ядъ...
И мнится—съ роемъ мыслей черныхъ
Всѣ злые ангелы невидимо парятъ
Межъ складокъ занавѣсъ узорныхъ!

Однако, этихъ плечъ сухой, изящный видъ,
Ноги по-дѣтски округленной
И нѣжной таліи—такъ ясно говоритъ
О страсти, рано пробужденной.

Вѣдь это—лилія, расцвѣтшая съ зарей!...
Въ чаду невѣдомыхъ мученій
Разверзъ ли душу *онъ* для стаи роковой
Порочныхъ чувствъ и вожделѣній?

Жестокій человѣкъ, чей ненасытный пылъ
Не утолила ты, живая,
Такъ пламенно любя,—о, счастливъ ли онъ былъ,
Твой трупъ угодливый лаская?

Отвѣть, нечистый трупъ! И, за косы себя
Поднявъ трепещущей рукою,
Повѣдай, страшный ликъ: онъ приклеилъ, любя,
Къ твоимъ зубамъ «прости» нѣмое?..

— Вдали отъ зоркихъ глазъ придирчивыхъ властей,
Отъ клеветы и поруганья,
Въ могилѣ заключась таинственной своей,
Спи въ мирѣ, странное созданье!

Спи въ мирѣ! Твой супругъ отъ свѣта убѣжитъ,
Но не отъ скорби: образъ милый
Съ нимъ будетъ и во снѣ... Какъ ты, онъ сохранитъ
Любовь и вѣрность до могилы!

Эпиграфъ къ одной осужденной книгѣ.

Другъ мира, неба и людей,
Восторговъ трезвыхъ и печалей,
Брось эту книгу сатурналій,
Безчинныхъ оргій и скорбей!

Когда въ риторикѣ своей
Ты Сатанѣ не подражаешь,
Брось!—Ты больнымъ меня признаешь,
Иль не поймешь ни слова въ ней.

Но, если умъ твой въ безднахъ бродитъ,
Ища обѣтованный рай,
Скорбитъ, зоветъ и не находитъ,

Тогда... О, братъ! тогда читай
И братскимъ чувствомъ сожалѣнья
Откликнись на мои мученья!

Врагъ.

Ахъ! въ юности моей я помню только громъ:
Проглянетъ солнца лучъ сквозь тучи иногда—
И снова ливня шумъ.. И нѣтъ въ саду моемъ
Ни одного румянаго плода!

Заботы осени въ душѣ моей царятъ.
Съ лопатой, съ граблями, задумчивъ и унылъ,
Бреду я въ садъ... Размытъ мой бѣдный садъ,
Куда ни глянь—подобія могилъ!

И въ почвѣ, бурями расшатанной, - какъ знать!—
Сумѣете ли сокъ живительный сыскать
Вы, новые цвѣты больной души моей?

О, скорбь! о, злая скорбь! Такъ скоро жизнь идетъ
И черный врагъ смѣлѣй все и смѣлѣй
Сосетъ намъ кровь изъ сердца и растетъ!

Конецъ дня.

Кружась подъ блѣднымъ освѣщеньемъ,
Жизнь неосмысленно бѣжитъ,
Безстыдно пляшетъ и шумитъ
Съ разгульно пьянымъ увлеченьемъ.

И вотъ,—лишь Ночь, смиряя стыдъ
И даже голодъ усыпляя,
Приходитъ, радость обѣщая,—
Поэтъ съ восторгомъ говоритъ:

«О, наконецъ! костямъ усталымъ
Давно покоя жажду я...
Плотнѣй, о мракъ, укрой меня

Твоимъ холоднымъ покрываломъ!
И, обернувшись вверхъ лицомъ,
Засну я крѣпкимъ, мрачнымъ сномъ.»

Путешествіе.

I.

Ребенокъ, въ глобусы влюбленный и въ эстампы,
Глазами жадными глядитъ на Божій свѣтъ:
О, какъ огроменъ онъ при скудномъ свѣтѣ лампы,
Пока въ душѣ еще воспоминаній нѣтъ!

Однажды на зарѣ выходимъ мы въ дорогу
Съ душою, въ розовый закутанной туманъ:
Мы жаждемъ вѣчнаго—и юную тревогу
Просторомъ призрачнымъ ласкаетъ океанъ.

Тотъ радъ, что убѣжалъ отъ родины позорной,
Тотъ самъ былъ для нея угрозой, иль стыдомъ;
А тотъ... О, тотъ усталъ пить ароматъ тлетворный
Изъ устъ Цирцеи злой и быть ея рабомъ!

И вотъ, стряхнувъ кошмаръ и волю вновь почуявъ,
Грудь дышетъ глубоко... То зной палитъ огнемъ,
То щиплется морозъ, коварныхъ поцѣлуевъ
Недавніе слѣды стирая день за днемъ.

Но странникъ истинный лишь тотъ, кто безъ упрека
И людямъ, и себѣ изъ края въ край идетъ,

Кто грудью встрѣтить радъ всѣ ухищренья рока
И каждый день твердитъ, Богъ вѣсть зачѣмъ: «Впередъ!»

Чьи думы и мечты имѣютъ очертанья
Летучихъ облаковъ; кто грезитъ въ тишинѣ
О наслажденіяхъ, которымъ нѣтъ названья,
О жизни, полной тайнъ, въ невѣдомой странѣ!

II.

Увы! мы, какъ волчекъ, у ногъ дѣтей жужжащій,
Вертимся, прыгаемъ, не уходя изъ глазъ;
А любопытства страсть, какъ нѣкій ангелъ мстящій,
Въ минуты даже сна подхлестываетъ насъ.

И грустно, и смѣшно! Какой-то жребій странный,
Гдѣ цѣль сегодня здѣсь, а завтра тамъ лежитъ,
Гдѣ человѣкъ живетъ надеждой неустанной
И, какъ глупецъ, всю жизнь за отдыхомъ бѣжитъ!

Душа его—корабль, бѣгущій величаво
Къ Икаріи своей, на встрѣчу бурь и грозъ.
Чу! съ марса *) слышенъ крикъ: «Любовь!.. Богатство... Слава!..»
О, адъ! корабль попалъ на каменный утесъ...

Намъ въ каждомъ островкѣ ужъ снится Эльдорадо,
Едва лишь вахтенный про землю возвѣститъ,
Но тамъ, гдѣ пиръ создать воображенье радо,
Пустынный явится, съ разсвѣтомъ дня, гранитъ!

---

*) Часть корабельной палубы называется марсомъ.

Любовники химеръ, искатели Америкъ!
Въ оковы заключить пылъ безпокойный вашъ,
Иль высадить скорѣй на нелюдимый берегъ?
Ахъ, горекъ безъ того вашъ радужный миражъ!..

Бродяги старые, вы по дорогѣ грязной
Плететесь съ головой, подъятой къ небесамъ,
И роскошь Капуи мерещится вамъ тамъ,
Гдѣ чуть дымитъ ночникъ въ конурѣ безобразной...

III.

Въ пучинѣ вашихъ глазъ, о странные пловцы,
Читаемъ томы мы чудеснѣйшихъ разсказовъ.
Итакъ, откройте намъ тѣ пышные ларцы,
Гдѣ столько перловъ вы храните и алмазовъ!

Мы путешествовать хотимъ безъ парусовъ,
Безъ ужасовъ борьбы съ стихіею упрямой:
Пусть быстрою мелькнутъ предъ нами панорамой
Воспоминанія далекихъ береговъ!

Ну, что̀ жъ вы видѣли?

IV.

«Небесъ пустынныхъ своды,
Да звѣздъ неровный свѣтъ, да желтые пески...
И, не смотря на всѣ толчки и непогоды,
Мы чуть не умерли, какъ дома, отъ тоски.

«Блескъ людныхъ городовъ подъ пышною зарею,
Малиновый отливъ чуть плещущей волны

Лишь наполняли насъ тревогой и тоскою
По дивной красотѣ невѣдомой страны.

«Нѣтъ, мы не встрѣтили ландшафтовъ грандiознѣй
Тѣхъ замковъ сказочныхъ, тѣхъ чудныхъ городовъ,
Чтò видишь иногда порой заката поздней
Въ причудливой игрѣ нарядныхъ облаковъ!

«И ненасытное желанье насъ томило...
Такъ старый кипарисъ все рвется къ небесамъ,
Какая-бъ ноша лѣтъ его ни тяготила,—
Все жаждетъ ближе быть къ полуденнымъ лучамъ!

«Нашъ духъ былъ удрученъ безсонною заботой...
Но все же, если *тамъ*, въ туманѣ голубомъ
Чужбины, вашъ эдемъ вамъ снится,—мы съ охотой
Эскизовъ нѣсколько въ вашъ помѣстимъ альбомъ.

«Съ хвостомъ и хоботомъ почтили мы кумировъ;
Видали мы дворцы, которыхъ красота
И роскошь дикая у васъ царямъ банкировъ
Во снѣ приснится лишь какъ праздная мечта.

«Костюмы женскiе намъ опьяняли взоры;
Раскрашенныхъ зубовъ эмаль видали мы,
И змѣй ласкавшiе насъ тѣшили жонглеры».

V.

— И что-жъ еще, еще?..
«О, дѣтскiе умы!

«Узнайте жъ главное, о чемъ мы умолчали.
Всегда, во всемъ, вездѣ, отъ нижнихъ ступенѣй
Фатальной лѣстницы до верхнихъ, созерцали
Одно мы зрѣлище разнузданныхъ страстей:

«На мѣстѣ женщины, съ зари вѣковъ донынѣ,
Самодовольную и пошлую рабу;
Мужчину—деспота, раба своей рабыни,
Съ душой, похожею на сточную трубу.

«Лобъ мѣдный палача и жертвы взоръ молящій;
За пиромъ—амброю приправленную кровь;
Власть опьянѣлую, народъ все выносящій,
Къ кнуту сыновнюю питающій любовь.

«Религій множество: подобно нашей, тоже
Всѣ лѣзутъ къ небесамъ... Какъ нѣжный сибаритъ
Подъ пологомъ изъ розъ на ароматномъ ложѣ,
И Святость на гвоздяхъ для наслажденья жъ спитъ!

«Кичливый человѣкъ, ребячески болтливый,
Безумствуя теперь точь въ точь, какъ встарину,
Взываетъ къ божеству въ агоніи тоскливой:
— О Ты, подобный мнѣ, кляну Тебя, кляну!..

«А кучка смѣльчаковъ—изъ загородки тѣсной,
Отъ стада общаго, живущаго день въ день,
Уходитъ въ опіумъ свободный и чудесный...
— Вотъ шара нашего обычный бюллетень».

VI.

Печальная судьба... Вотъ для какой науки
Должны мы проходить чрезъ тѣсный міръ земной,—
И завтра, какъ вчера, встрѣчать лишь образъ свой,
Оазисъ ужаса въ пустынѣ мертвой скуки!

Скажите-жъ, мудрецы: пускаться ли намъ въ путь,
На мѣстѣ ли влачить постылой жизни бремя?—
Тотъ прячется въ углу, въ надеждѣ обмануть
Ужаснаго врага, недремлющее Время;

Другой всю жизнь свою спѣшитъ, какъ вѣчный жидъ:
Летитъ на кораблѣ... Въ испугѣ одичаломъ
Бросается въ вагонъ... Но по пятамъ бѣжитъ
Загадочный боецъ съ опущеннымъ забраломъ!

Когда онъ на хребетъ поставитъ ногу намъ,
«Впередъ»!—воскликнемъ мы, отваги не теряя,
И, точно вновь плывя къ завѣтнымъ берегамъ
Цвѣтущей Индіи иль дальняго Китая,

Мы въ море Сумрака, какъ юные пловцы,
Помчимся весело... Чу! грустный, еле внятный
Доносится напѣвъ... Незримые пѣвцы
Таинственно поютъ: «Вы, лотосъ ароматный

Желавшіе вкусить, сюда, друзья, сюда!
Здѣсь райскіе сады съ чудесными плодами,
Здѣсь голодъ вашъ уснетъ сердечный навсегда,
И вечеръ сладкими васъ напоитъ струями».

Изъ бездны тянутся къ намъ руки и уста,
Пиладовъ узнаемъ мы дорогія тѣни...
«Твоя Электра я... Сюда!» —зоветъ насъ та,
Которой нѣкогда лобзали мы колѣни...

VII.

О, старый капитанъ, о Смерть, стряхнемъ же лѣнь!
Наскучилъ этотъ край, пора поднять вѣтрила...
Пусть небо и земля темнѣютъ, какъ чернила,—
У насъ въ сердцахъ восторгъ и лучезарный день!

Пролей же въ нихъ струю крѣпительнаго яда
И въ двери Вѣчности насъ, жаждущихъ, впусти...
О, все равно—въ эдемъ, или подъ своды ада!
Въ міръ неизвѣстнаго, чтобъ *новое* найти!..

Бодлеръ его жизнь и поэзія *).

Почти полвѣка прошло уже съ тѣхъ поръ, какъ имя Шарля Бодлѐра впервые появилось на горизонтѣ французской поэзіи, и сборникъ его стиховъ, вышедшій подъ страннымъ и вызывающимъ названіемъ «Цвѣтовъ Зла», возбудилъ съ одной стороны цѣлый взрывъ негодованія и возмущенія, съ другой—горячія восхищенія и аплодисменты. Правительство Наполеона III, въ лицѣ полиціи нравовъ, вынесло этой книгѣ суровое осужденіе, признавъ ее противной религіи и нравственности, наложивъ штрафы на автора и издателя и предписавъ уничтоженіе части стихотвореній. Того же мнѣнія было о ней и большинство тогдашняго французскаго общества. Одни кричали, что авторъ безбожникъ и кощунъ; другіе—что онъ проповѣдуетъ развратъ, третьи—что онъ нарушаетъ всѣ общепринятыя понятія объ искусствѣ и поэзіи. Съ другой стороны, Викторъ Гюго изъ своего изгнанія писалъ огорченному поэту: «Я получилъ ваше благородное письмо и вашу прекрасную книгу. Искусство, какъ небесная лазурь,—безконечно: вы только что доказали это. Ваши «Цвѣты Зла» блестятъ и ослѣп-

*) При составленіи біографіи поэта я пользовался существующими жизнеописаніями Теофиля Готье и Эжена Крэпѐ, а также 4 т. т. «Oeuvres complètes» 1886 г., перепиской Бодлѐра съ друзьями и дневникомъ «Mon coeur mis á nu».

ляютъ, какъ звѣзды. Продолжайте. Я кричу изо всѣхъ силъ «браво» вашему отважному духу. Позвольте мнѣ кончить эти нѣсколько строкъ поздравленіемъ. Вы получили одну изъ рѣдкихъ наградъ, какія можетъ дать существующее французское правительство. Вы осуждены во имя того, что оно зоветъ своею моралью и своимъ правосудіемъ. Это лучшій вѣнокъ для васъ. Жму вашу руку, поэтъ». Эдуардъ Тьерри приравнивалъ въ то же время «Цвѣты Зла» къ «Божественной Комедіи» Данта и утверждалъ, что флорентинскій поэтъ не разъ узналъ бы въ этой книгѣ «свою мрачную фугу, свои безжалостные образы и звучность своего мѣднаго стиха»... Еще десятокъ-другой знатоковъ поэзіи (Жоржъ-Зандъ, Флоберъ, С. Бевъ, Готье, маркизъ де-Кюстинъ, Эмиль Дешанъ и др.) встрѣтили книгу съ восторгомъ и своими одобреніями поддержали въ авторѣ бодрость и мужество. Но фактъ осужденія *полиціей нравовъ* остался, тѣмъ не менѣе, надолго фактомъ въ общественномъ мнѣніи. Десять лѣтъ спустя, надъ свѣжей могилой поэта, друзьямъ его пришлось печатно доказывать, что онъ былъ не безбожникъ и развратникъ, а, напротивъ,—глубоко религіозный человѣкъ съ нѣжнымъ и любящимъ сердцемъ. Одинъ изъ друзей Бодлѐра, отговаривавшій его отъ изданія «Цвѣтовъ Зла», утверждая, что книга навсегда останется «пятномъ» на его имени, оказался правымъ въ своей наивности: даже и теперь, уже полвѣка спустя, имя Бодлѐра и у себя на родинѣ, и за границей (между прочимъ и въ Россіи) пользуется нѣсколько двусмысленной репутаціей: не то это—великій поэтъ, проповѣдникъ свѣтлыхъ стремленій и идеаловъ, не то писатель реакціоннаго значенія, извращенная натура, «отецъ современныхъ декадентовъ»...

Не безъинтересно было бы, поэтому, разобраться въ этомъ хаосѣ противорѣчивыхъ мнѣній и выяснить, наконецъ, какое мѣсто въ дѣйствительности принадлежитъ Бодлѐру на современномъ Парнасѣ, плюсомъ или минусомъ слѣдуетъ считать его поэзію, развращающее

или, напротивъ, возвышающее вліяніе можетъ оказывать она на литературу и общество *).

Шарль-Пьеръ Бодлèръ родился въ Парижѣ 21 апрѣля 1821 года. По его собственному признанію, многіе изъ предковъ его были идіотами или маньяками, и всѣ отличались «ужасными страстями». Старшій братъ его Клодъ (отъ другой матери) на 55 г. жизни былъ разбитъ параличемъ и умеръ, кажется, въ сумасшедшемъ домѣ почти въ одно время съ поэтомъ. У матери послѣдняго, въ старости, были парализованы ноги. Всѣ эти генеалогическія данныя невольно наводятъ на мысль, что Бодлèръ уже въ крови своей носилъ, быть можетъ, задатки той странной болѣзни, которая преждевременно свела его въ могилу и которая наложила такой горькій и темный отпечатокъ на его талантъ и характеръ. Но не подлежитъ также сомнѣнію, что и самъ поэтъ прибавилъ къ этимъ ненормальнымъ основамъ своей природы значительную каплю яда. Долгое время друзья его, и особенно Теофиль Готье, пытались реабилитировать въ этомъ отношеніи его память, называя вздоромъ ходившіе въ обществѣ слухи о злоупотребленіи гашишемъ и опіу-

*) Говоря о невѣрной оцѣнкѣ у насъ бодлеровской, поэзіи, нужно отмѣтить, между прочимъ, одно курьезное и вмѣстѣ прискорбное недоразумѣніе. Въ «Энциклопедич. словарѣ» Брокгауза и Ефрона авторъ довольно справедливой въ общемъ и симпатизирующей Бодлèру статьи называетъ его «пѣвцомъ растлѣнія человѣческой души»; и тотъ же авторъ не разъ называлъ его на страницахъ «Вѣстника Европы»—«пѣвцомъ зла и порока»... Что же это значитъ? Неужели Бодлèръ, въ самомъ дѣлѣ, *воспѣвалъ*, т. е. прославлялъ зло, порокъ и нравственное растлѣніе? Онъ, который такъ страстно ненавидѣлъ грязь и пошлость окружающей жизни и до послѣдняго вздоха мечталъ и скорбѣлъ объ идеалѣ? Нѣтъ, очевидно, почтенный авторъ придавалъ своимъ словамъ совершенно иной смыслъ... Не назвалъ же бы онъ, въ самомъ дѣлѣ, Ювенала «пѣвцомъ растлѣнной римской имперіи», или Некрасова—«пѣвцомъ крѣпостного права»!

момъ и утверждая, что Бодлѐръ изъ любознательности только сдѣлалъ одинъ или два опыта съ однимъ изъ этихъ опасныхъ веществъ. Увѣренія друзей, казалось, подтверждались и тѣми словами самого поэта, которыя находимъ мы въ интересномъ его сочиненіи «Искусственный Рай» («Поэма о гашишѣ» и «Пожиратель опіума»): «Человѣкъ не такъ покинутъ и не такъ лишенъ честныхъ средствъ достичь неба, чтобы призывать себѣ на помощь фармацію и колдовство; ему нѣтъ необходимости цѣною своей души покупать опьяняющія ласки и любовь гурій. И что значитъ рай, который покупается цѣною вѣчнаго спасенья?» Однако, обнародованная въ послѣднее время интимная переписка Бодлѐра не оставляетъ теперь никакихъ сомнѣній въ томъ, что онъ не былъ свободенъ отъ несчастной страсти къ наркотикамъ. Въ одномъ изъ писемъ 59 года онъ говоритъ: «Я очень мраченъ, мой другъ, а опіума нѣтъ». Въ дневникѣ 62 г. читаемъ: «Я культивировалъ свою истерію съ наслажденіемъ и ужасомъ». А въ письмѣ, относящемся къ 65 году (за два года до смерти) онъ уже прямо сознается: «лѣчившій меня докторъ не зналъ про то, что *нѣкогда я долго* употреблялъ опіумъ». Конечно, Бодлѐръ не былъ знаменитымъ англійскимъ опіофагомъ Кинсеемъ, который цѣлыхъ шестнадцать лѣтъ пожиралъ это наркотическое вещество, дойдя подъ конецъ до 320 грановъ въ сутки (!!), и который посмѣялся бы надъ французскимъ своимъ подражателемъ, какъ надъ ребенкомъ; но за то у Кинсея и здоровье было желѣзное: онъ имѣлъ силу воли отдѣлаться въ концѣ концовъ отъ своей несчастной слабости и прожилъ потомъ еще много лѣтъ въ полномъ здоровьи. Но если Бодлѐръ и не особенно злоупотреблялъ опіумомъ, пользуясь имъ только для успокоенія желудочныхъ и нервныхъ болей, которыми страдалъ съ молодости, то на его нѣжномъ, слабомъ отъ природы организмѣ и это могло оставить зловредные слѣды. Одно прибавлялось къ другому. Конечно, никто не споритъ, что не меньшую роль сыграли здѣсь и несчастія лич-

ной жизни, а также тѣ душевныя муки современнаго писателя, которыя такъ ярко описываетъ первый біографъ поэта, самъ знаменитый писатель, Теофиль Готье: «При долговременности этой борьбы нервы раздражаются, мозгъ сгораетъ, чувствительность изощряется,— и вотъ приходитъ неврозъ со всѣми своими странными безпокойствами, безсонницами, полными галлюцинацій, неопредѣленными страданіями, болѣзненными капризами, безпричинной тоской, то безумнымъ порывомъ энергіи, то вялымъ безсиліемъ, съ поисками возбуждающихъ средствъ и отвращеніемъ ко всякой здоровой пищѣ».

Отецъ Шарля, Франсуа Бодлѐръ, былъ также въ своемъ родѣ замѣчательной личностью. По показаніямъ поэта, онъ «носилъ сутану раньше, чѣмъ надѣть фригійскій колпакъ». Во всякомъ случаѣ онъ учился въ духовной семинаріи, былъ затѣмъ учителемъ въ какомъ-то коллежѣ и репетиторомъ дѣтей герцога Шуазеля. У него были дружескія связи въ двухъ противоположныхъ кругахъ общества, въ аристократіи и среди революціонеровъ. Въ мрачные дни террора онъ держалъ себя въ высшей степени мужественно и благородно, цѣлыми днями бѣгая по тюрьмамъ и судилищамъ, открыто заступаясь за наиболѣе скомпрометтированныхъ лицъ и для спасенія чужой жизни рискуя собственной головой. Онъ же, говорятъ, доставилъ ядъ знаменитому Кондорсе, когда не могъ спасти его. Крайній радикалъ по убѣжденіямъ, онъ былъ аристократъ по манерамъ и любви ко всему изящному. Онъ часто водилъ маленькаго Шарля по общественнымъ садамъ, гдѣ любилъ показывать ему статуи, и подъ его вліяніемъ у мальчика пробудилась необыкновенная страсть къ пластическому искусству. Ему было десять лѣтъ, когда умеръ старикъ-отецъ. Овдовѣвшая молодая мать Шарля вскорѣ вышла вторично замужъ за блестящаго молодого офицера Опи̇ка, впослѣдствіи генерала и маршала Людовика-Филиппа, и этотъ фактъ скораго забвенія памяти дорогого человѣка образовалъ

глубокую рану въ сердцѣ поэта, который долго послѣ того не въ силахъ былъ относиться къ матери съ прежней страстной любовью. Что касается вотчима, то у насъ нѣтъ основаній думать, что онъ дурно относился къ пасынку: напротивъ, онъ, повидимому, любилъ его по своему и мечталъ устроить ему такую же блестящую карьеру, какую сдѣлалъ самъ; но въ немъ не было ни той сердечной нѣжности, ни той любви къ искусству, какія Шарль помнилъ въ своемъ отцѣ. Во всякомъ случаѣ извѣстно, что съ ранняго дѣтства и и до конца жизни поэтъ относился къ нему съ глубокой антипатіей... Девяти лѣтъ Шарль поступилъ въ коллежъ въ Ліонѣ. Любознательный и способный, онъ обладалъ крайне живымъ, безпокойнымъ умомъ, мѣшавшимъ усидчивости и внимательности, и успѣхи его въ коллежѣ были посредственны. Уже въ тѣ ранніе годы будущій писатель отличался независимымъ и оригинальнымъ характеромъ. «Удары жизни, борьба съ учителями и товарищами, глухая тоска,—кратко говоритъ онъ объ этомъ времени въ своихъ автобіографическихъ замѣткахъ, - чувство одиночества всегда и вездѣ. Между тѣмъ—очень живой вкусъ къ жизни и удовольствіямъ». На 16-мъ году онъ перемѣстился въ коллежъ Людовика Великаго въ Парижѣ и тамъ впервые началъ писать стихи, свидѣтельствовавшіе о ранней разочарованности въ духѣ моднаго тогда байронизма. Въ 1837—38 г. онъ совершилъ съ вотчимомъ поѣздку въ Пиренеи, оставившую въ его душѣ сильныя впечатлѣнія, и отъ этого времени сохранилось одно стихотвореніе, озаглавленное уже въ духѣ «Цвѣтовъ Зла» Incompatibilité, гдѣ встрѣчаются красивые и смѣлые образы вродѣ «безмолвія, внушающаго желаніе бѣжать, спастись отъ него». Въ 39 г. произошла какая-то невыясненная исторія, за которую Бодлэръ былъ исключенъ изъ коллежа передъ самымъ окончаніемъ курса.

Съ этого момента онъ началъ вести разсѣянную жизнь, вызывавшую въ его родныхъ большое безпо-

койство. Имъ, впрочемъ, извѣстна была только внѣшняя сторона этой жизни—дружба съ литературной богемой и женщинами двусмысленнаго общественнаго положенія, безпорядочное времяпрепровожденіе, нежеланіе вступать въ высшій свѣтъ, знакомство съ которымъ могло бы дать ему генеральское званіе вотчима, отсутствіе какихъ-нибудь видимыхъ плодовъ того труда, о которомъ онъ постоянно мечталъ и говорилъ. То, что этотъ же періодъ жизни, столь безпорядочной и неприличной на ихъ взглядъ, былъ для молодого поэта и періодомъ глубокой внутренней работы, серьезной подготовки къ избранной дѣятельности, что для него не прошло даромъ знакомство съ темными углами огромнаго города, съ грязными предмѣстьями, гдѣ копошится рабочій людъ, и жалкими мансардами, гдѣ ютится низшій сортъ богемы,—объ этомъ родители Бодлéра не имѣли представленія. Когда Шарль объявилъ имъ, что онъ рѣшилъ посвятить себя литературѣ, они были поражены, какъ громомъ. «Какъ изумились мы,—вспоминаетъ потомъ его мать объ этомъ періодѣ,—когда онъ вдругъ отказался отъ всего, что хотѣли для него сдѣлать, пожелалъ украсть у самого себя крылья и стать писателемъ... Какое разочарованіе въ нашей внутренней жизни, до тѣхъ поръ такой счастливой! Какая печаль»! Глухая семейная борьба длилась нѣсколько лѣтъ. Это по ея поводу написано Бодлéромъ, полное глубокой горечи и вмѣстѣ кроткой резиньяціи, «Благословеніе», пьеса, которою открывается сборникъ «Цвѣтовъ Зла».

Уже въ это раннее время Бодлéръ завязалъ отношенія со многими крупными дѣятелями тогдашней литературы и искусства: Урліакомъ, Жераромъ, Бальзакомъ, Левавассеромъ, Делятушемъ. Разсказываютъ, что Бальзакъ и Бодлéръ случайно наскочили одинъ на другого во время прогулки, и это комичное столкновеніе, вызвавшее у обоихъ смѣхъ, послужило поводомъ къ знакомству: полчаса спустя они уже бродили, обнявшись, по набережной Сены и болтали обо всемъ.

что приходило въ голову. Бальзакъ сталъ однимъ изъ любимыхъ писателей и литературныхъ учителей Бодлéра. Внѣшность послѣдняго въ тотъ свѣтлый юношескій періодъ друзья описываютъ самыми идеальными красками. Къ сожалѣнію, эта «божественная красота» скоро поблекла подъ зноемъ душевныхъ мукъ и жизненнаго горя; однако, и впослѣдствіи Бодлéръ сохранилъ лицо, обращавшее на себя общее вниманіе. Къ этому слѣдуетъ прибавить, что одѣвался онъ всегда съ большимъ вкусомъ, имѣя своимъ идеаломъ въ этомъ отношеніи дэнди во вкусѣ романовъ Ричардсона. Худощавый, тонкій, изысканно-просто одѣтый во все черное, онъ ходилъ медленными, мягкими, ритмическими шагами...

Родители имѣли во всякомъ случаѣ достаточно мотивовъ тревожиться образомъ жизни своего сына. Въ ужасъ должны были придти они, прочитавъ, наприм., одно изъ тогдашнихъ его стихотвореній: «Не блестящая львица была моя любовница; нечувствительная ко взглядамъ насмѣшливаго свѣта, красота ея цвѣтетъ лишь въ моемъ печальномъ сердцѣ. Чтобы купить себѣ башмаки, она продавала свою любовь; но смѣшно было бы, если бы подлѣ этой безстыдницы я сталъ корчить изъ себя святошу, я, который продаю свою мысль и хочу быть писателемъ. Порокъ несравненно болѣе тяжкій: она носила парикъ» и т. д. Надо думать, что стихотвореніе это не есть цѣликомъ плодъ дѣйствительности, а, по крайней мѣрѣ на половину, является данью романтическому «бунту», который охватилъ французскихъ поэтовъ того времени; но и половины было достаточно, чтобы родители Шарля, страшно встревоженные, рѣшили принять относительно него крайнія мѣры. Послѣ нѣсколькихъ бурныхъ семейныхъ сценъ, молодой поэтъ принужденъ былъ покориться и въ маѣ 1841 г. сѣлъ въ Бордо на корабль, который долженъ былъ отвезти его въ Индію. Мать Бодлéра надѣялась, что путешествіе подѣйствуетъ на него отрезвляющимъ образомъ, дастъ другое направленіе

его мыслямъ. Но съ первыхъ же дней пути самая мрачная печаль охватила юнаго странника, и вскорѣ тоска по родинѣ превратилась у него въ настоящую болѣзнь. Не радовали его ни картины невиданной до тѣхъ поръ природы, ни яркія краски южнаго неба, ни горячее тропическое солнце—онъ съ каждымъ днемъ худѣлъ и таялъ, какъ воскъ. Впослѣдствіи самъ Бодлѐръ, до крайности любившій всякія мистификаціи, разсказывалъ своимъ друзьямъ, будто онъ долгое время жилъ въ Калькуттѣ, занимаясь поставкой мяса для англійской арміи; благодаря этимъ фантастическимъ разсказамъ, создались цѣлыя легенды относительно его путешествія. Но біографическій матеріалъ безжалостно разрушаетъ всѣ эти легенды... Положительно извѣстно, что путешествіе длилось всего лишь десять мѣсяцевъ, и что капитанъ корабля, перепуганный болѣзнью Бодлѐра и уступая его собственнымъ настояніямъ, еще съ острова св. Маврикія или, самое большее, съ о. Бурбона отправилъ его на попутномъ кораблѣ обратно во Францію. Такимъ образомъ, Индіи-то онъ и не видалъ вовсе!.. Тѣмъ не менѣе не подлежитъ сомнѣнію, что эта короткая поѣздка въ тропическія страны оставила въ душѣ поэта неизгладимый слѣдъ, который мы находимъ всюду въ его произведеніяхъ: съ этихъ поръ мечты его постоянно уносятся на далекій востокъ, къ полуденному солнцу, подъ которымъ растутъ такіе странные цвѣты и деревья съ опьяняющими ароматами...

Въ февралѣ 42 г. Бодлѐръ вернулся въ Парижъ и, черезъ два мѣсяца достигнувъ совершеннолѣтія, получилъ свою долю отцовскаго наслѣдства. Старшій братъ Клодъ предпочелъ получить землю, Шарль—деньги. Капитала въ 75 тысячъ франковъ, казалось, было вполнѣ достаточно для безбѣдной жизни въ теченіе многихъ лѣтъ, но въ рукахъ вѣтренаго поэта онъ скоро разстаялъ и замѣнился еще огромными долгами, ставшими несчастіемъ и проклятіемъ всей его остальной жизни. Искренно или изъ желанія ориги-

нальничать и поражать друзей, Бодлѐръ утверждалъ, что вынесъ изъ своего путешествія культъ черной Венеры и не можетъ болѣе глядѣть на бѣлыхъ женщинъ. Дѣйствительность вскорѣ зло подшутила надъ этой его страстью, и фигурантка одного изъ маленькихъ парижскихъ театровъ, въ которую Бодлѐръ влюбился, мулатка Жанна Дюваль, на всю жизнь забрала его въ руки. Связь эта была по истинѣ роковою для Бодлѐра. По единогласному свидѣтельству всѣхъ друзей и знакомыхъ поэта, въ этой Жаннѣ не было ничего замѣчательнаго: ни особенной красоты, ни ума, ни таланта, ни сердца, ничего, кромѣ безграничнаго эгоизма, корыстолюбія и легкомыслія. Но, сойдясь съ нею и, быть можетъ, въ началѣ полюбивъ вполнѣ искренно, Бодлѐръ считалъ уже потомъ долгомъ чести не покидать до конца эту несчастную. Она всячески обманывала его, разоряла, вводила въ неоплатные долги, надѣвала ему петлю на шею, а онъ кротко и покорно выносилъ все, никогда никому не жалуясь, не пытаясь даже порвать эту неестественную связь съ своей «belle ignorante», какъ называлъ онъ Жанну Дюваль въ стихахъ. Какъ многія изъ женщинъ цвѣтной расы, Жанна имѣла пристрастіе къ спиртнымъ напиткамъ и еще въ молодые годы была поражена параличемъ. Бодлѐръ помѣстилъ ее въ одну изъ лучшихъ лѣчебницъ и, отказывая во всемъ себѣ, устроилъ тамъ самымъ комфортабельнымъ образомъ. Но, любя веселье и ненавидя отъ всей души скуку, Жанна, не успѣвъ еще хорошенько поправиться, поспѣшила выйти изъ больницы и поселилась на этотъ разъ въ одной квартирѣ съ поэтомъ. Надо думать, что этотъ періодъ совмѣстной жизни съ фривольной, невѣжественной и взбалмошной женщиной былъ для него особенно тяжелъ; тѣмъ не менѣе, онъ терпѣливо вынесъ нѣсколько лѣтъ такой жизни. Даже въ самые послѣдніе годы, находясь уже въ добровольномъ изгнаніи въ Бельгіи, въ когтяхъ полной нищеты, Бодлѐръ не переставалъ помогать Жаннѣ; не забывала и она

его,—даже въ то время, когда онъ лежалъ уже на смертномъ одрѣ, продолжая громить письмами, въ которыхъ требовала денегъ и денегъ... Послѣ смерти поэта впавъ въ страшную нищету, и она вскорѣ умерла гдѣ-то въ госпиталѣ.

Конечно, такая несчастная связь не могла не оставить въ душѣ поэта мрачныхъ слѣдовъ. Живя въ такой средѣ, гдѣ мало встрѣчалось порядочныхъ женщинъ, и судя о нихъ по Жаннѣ и по другимъ образчикамъ большею частью того же типа, онъ естественно долженъ былъ пріобрѣсти самые странные и дикіе взгляды на ихъ счетъ. Онъ считалъ женщину одною изъ обольстительныхъ формъ дьявола; онъ выражалъ даже удивленіе тому, что ее пускаютъ въ церковь...

Возрастающая нужда лишила вскорѣ Бодлѐра возможности позволять себя какую бы то ни было роскошь. Съ 1849 года онъ ходилъ по пустыннымъ улицамъ С.-Жерменскаго предмѣстья уже не въ модномъ черномъ костюмѣ, а въ рабочей блузѣ. Впрочемъ, извѣстнаго рода дэндизмъ онъ умѣлъ сохранять даже и въ этомъ одѣяніи. Между тѣмъ выступать на литературную арену съ произведеніями своей музы Бодлѐръ медлилъ. Слава объ его оригинальномъ и сильномъ талантѣ уже давно вышла изъ предѣловъ тѣснаго дружескаго кружка, гдѣ поэтъ любилъ читать свои стихи монотонно-пѣвучимъ, властнымъ голосомъ, производившимъ на слушателей глубокое впечатлѣніе; но, тонкій цѣнитель красоты, онъ не спѣшилъ печататься и все исправлялъ, отдѣлывалъ и оттачивалъ форму своихъ произведеній. До чего доходила его строгость къ себѣ, показываетъ тотъ фактъ, что свое чудное стихотвореніе «Альбатросъ», читанное друзьямъ вскорѣ послѣ поѣздки въ Индію, онъ не рѣшился помѣстить въ первомъ изданіи «Fleurs du Mal», вышедшемъ въ свѣтъ пятнадцать лѣтъ спустя!.. Въ печати Бодлѐръ выступилъ впервые не стихотворцемъ, а критикомъ—сначала салоновъ живописи, а затѣмъ и литературы. Въ мірѣ французскихъ худож-

никовъ до сихъ поръ принято считать, что Францiя не имѣла художественнаго критика, равнаго Бодлèру по тонкости вкуса, красотѣ и энергiи стиля. Всѣ его симпатiи склонялись на сторону нарождавшейся тогда школы реальной живописи, но любимымъ его художникомъ былъ Делякруа; изъ поэтовъ онъ больше всего любилъ пѣвца рабочихъ Пьера Дюпона, съ которымъ вмѣстѣ дрался потомъ въ iюньскiе дни на баррикадахъ. Впослѣдствiи литературные вкусы Бодлèра значительно отклонились въ сторону чистаго искусства; къ Беранже онъ чувствовалъ отвращенiе, къ Гюго равнодушiе, признавалъ только Шатобрiана, Бальзака, Стендаля, Флобера, Банвиля, Готье, Мериме, де-Виньи, Леконта де-Лиля... Но въ 40-хъ годахъ, которые были перiодомъ наиболѣе пышнаго расцвѣта и для его собственнаго таланта, онъ отличался горячими демократическими вкусами. Движенiе 48 г. увлекло въ свой потокъ и Бодлèра. Нельзя, впрочемъ, сказать, чтобъ онъ имѣлъ какую-либо опредѣленную программу, принадлежалъ къ какой-нибудь опредѣленной демократической фракцiи: вѣрнѣе всего, что толкнули его въ революцiю общiе гуманитарные принципы, сочувствiе къ рабочему классу, прiобрѣтенное имъ во время скитанiй по грязнымъ предмѣстьямъ Парижа (всѣ лучшiя стихотворенiя его въ этомъ родѣ: «Душа Вина», «Пирушка Тряпичниковъ», «Сумерки», «Развсвѣтъ» и др. написаны въ бурный перiодъ конца 40 гг.); но имѣло долю влiянiя и личное озлобленiе противъ буржуазiи и правящихъ классовъ. Нѣкоторые изъ друзей видѣли, по крайней мѣрѣ, Бодлèра, съ ружьемъ въ рукѣ стоявшаго во главѣ толпы и призывавшаго ее разрушить домъ генерала Опика, его вотчима... Одновременно съ участiемъ въ уличныхъ движенiяхъ, Бодлèръ пытался служить демократическимъ идеямъ и на почвѣ журналистики, будучи редакторомъ одного эфемернаго революцiоннаго изданiя, выходившаго въ 48 г. въ Парижѣ. Но свѣтлыя мечты были вскорѣ разбиты. Часть вождей демократiи погибла или бѣжала загра-

ницу (какъ Викторъ Гюго), часть опустила голову или отдалась волнѣ реакціи. Созерцательная, кроткая натура нашего поэта не была пригодна къ боевой дѣятельности ни на полѣ уличной, ни на полѣ чернильной брани, и вскорѣ онъ почувствовалъ въ душѣ своей страшную пустыню. Протянуть руку правительству Наполеона III онъ не могъ и до конца остался въ сторонѣ отъ общественнаго пирога, который съ такой жадностью дѣлила тогда хищная толпа ренегатовъ, лицемѣрныхъ ханжей и раболѣпныхъ холоповъ; но для него невозможно было и продолженіе отношеній съ революціонерами, такъ какъ въ убѣжденіяхъ его, чуждыхъ до тѣхъ поръ какой-либо твердой обосновки, началась рѣзкая эволюція, кончившаяся прямой враждой ко всякимъ демократическимъ утопіямъ, мыслями о необходимости для современнаго общества католической религіи и политическаго абсолютизма, фантазіями о трехъ сословіяхъ—воиновъ, священниковъ и поэтовъ... Съ большой, однако, осторожностью надо относиться къ опредѣленію истиннаго смысла и значенія этой внутренней реакціи: поэтъ, написавшій «Отреченіе св. Петра», не могъ, конечно, быть правовѣрнымъ католикомъ, и папа, навѣрное, съ ужасомъ отшатнулся бы отъ такого сына своей церкви; правительство второй имперіи, присудившее къ уничтоженію сборникъ «Цвѣтовъ Зла», точно также не могло бы истолковать въ свою пользу бодлеровскій абсолютизмъ; наконецъ, и буржуазное общество, такими мрачными красками обрисованное въ его сочиненіяхъ, не могло считать его своимъ сторонникомъ. Политическіе и общественные взгляды Бодлѐра, поскольку они выразились въ его автобіографическихъ замѣткахъ, нерѣдко поражаютъ насъ своей дикостью и реакціонностью, но они не даютъ ключа къ этой своеобразной душѣ,—ключа, который можно сыскать только въ тѣхъ же «Цвѣтахъ Зла».

Съ конца 40 гг., Бодлѐръ началъ также увлекаться сочиненіями знаменитаго американскаго писателя Эдгара

По, усиленно переводя ихъ на французскій языкъ. Несомнѣнно, что у обоихъ авторовъ было въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ сильное духовное родство, и, благодаря ему-то, Бодлѐръ любилъ По такой страстной, доходившей до болѣзненнаго обожанія любовью. Начиная съ 46 г., онъ переводилъ его вплоть до самой смерти, послѣдовавшей въ 67 г., переводилъ съ изумительнымъ трудолюбіемъ, необыкновенной точностью и вѣрностью подлиннику, такъ что до сихъ поръ по справедливости признается образцовымъ и неподражаемымъ переводчикомъ американскаго поэта. До какой страстности доходила эта мистическая любовь Бодлѐра къ По, видно изъ его интимнаго дневника послѣднихъ лѣтъ жизни, гдѣ на ряду съ покойнымъ отцомъ онъ считаетъ духъ По своимъ заступникомъ передъ высшимъ милосердіемъ...

Долго медлилъ Бодлѐръ съ обнародованіемъ своихъ оригинальныхъ стихотвореній, и только лѣтомъ 1857 г. сборникъ «Цвѣтовъ Зла» увидалъ, наконецъ, свѣтъ. Автору было въ это время уже 36 лѣтъ...

«Цвѣты Зла» были динамитной бомбой, упавшей въ буржуазное общество второй имперіи. Выше мы говорили уже о пріемѣ, оказанномъ имъ во Франціи. Поэтъ чувствовалъ себя уничтоженнымъ, раздавленнымъ несправедливымъ осужденіемъ его книги, какъ безнравственной и антирелигіозной. Онъ считалъ себя опозореннымъ, лишеннымъ навсегда чести... «Развѣ актеръ, выступающій на сценѣ, съ горечью говорилъ онъ,—отвѣтственъ за роли преступниковъ, имъ изображаемыхъ? Не имѣлъ ли я права, даже не былъ ли обязанъ съ наивозможнымъ совершенствомъ приноровить свой умъ и талантъ ко всевозможнымъ софизмамъ и видамъ развращенности своего вѣка?» И лишь девять лѣтъ спустя, въ минуту озлобленія другого рода, высказалъ онъ совершенно иную мысль о своей книгѣ въ одномъ изъ интимныхъ писемъ: «Въ эту жестокую книгу я вложилъ всю мою мысль и сердце, всю мою нѣжность и ненависть, всю мою религію... И если бы я

написалъ противоположное, если бы клялся всѣми богами, что это произведеніе чистаго искусства, обезьянства, жонглерства, то я лгалъ бы самымъ безстыднымъ образомъ!»—Одно, во всякомъ случаѣ, безспорно, что «Цвѣты Зла» отнюдь не были произведеніемъ чистаго искусства. Но бѣда въ томъ, что судьи поэта имѣли слишкомъ мѣдные лбы, чтобы понять ихъ тенденцію, бившую прямо въ глаза каждому безпристрастному судьѣ и цѣнителю. Ханжамъ и фарисеямъ не было дѣла до внутренняго смысла, до *души* произведенія, а важнѣе всего было соблюденіе чисто внѣшнихъ условій пуризма,—и вотъ «Цвѣтамъ Зла» былъ вынесенъ изъ полиціи нравовъ обвинительный вердиктъ. Собственно говоря, въ настоящее время, когда французскій натурализмъ пріучилъ насъ къ такой страшной подчасъ откровенности языка, читатель, знакомый до тѣхъ поръ съ Бодлéромъ лишь по наслышкѣ, взявъ его книгу въ руки, не пойметъ даже смысла этого осужденія: гдѣ же тутъ цинизмъ, безнравственность? Вѣдь, не говоря уже о духѣ книги, въ смыслѣ формы, языка это не болѣе, какъ ребяческій лепетъ въ сравненіи съ Мопасаномъ, Катулломъ Мендесомъ, Юисмансомъ и другими новѣйшими писателями? И въ самомъ дѣлѣ: *главной* причиной осужденія книги было, несомнѣнно, ея заглавіе, дававшее поводъ думать, что авторъ сочувствуетъ изображенному въ ней «злу», искренно считаетъ «цвѣтами» (хотя и цвѣты бываютъ вѣдь разные?) всѣ нарисованные въ ней ужасы. Будь вся книга озаглавлена «Сплиномъ и Идеаломъ», какъ называется первый, самый большой и цѣнный отдѣлъ ея,—и осужденія, быть можетъ, не послѣдовало бы, а, между тѣмъ, «Сплинъ и Идеалъ» даже больше подходило бы къ названію всего сборника, чѣмъ «Цвѣты Зла», и если поэтъ выбралъ все-таки послѣднее, то, конечно, отдавая, главнымъ образомъ, дань романтическому бунту своей молодости и природной страсти къ ироніи и мистификаціямъ всякаго рода.

Въ 1861 г. выходитъ уже второе изданіе «Цвѣтовъ

Зла», съ прибавленіемъ 35 новыхъ пьесъ, въ томъ числѣ «Альбатроса», «Маленькихъ Старушекъ», по поводу которыхъ Гюго выразился, что Бодлéръ создалъ «новый родъ трепета» (le nouveau frisson), и «Путешествія», этого оригинальнаго гимна смерти, который такимъ мрачнымъ аккордомъ заключаетъ сборникъ.

Съ начала 62 г. мы видимъ поэта уже въ полной власти у страшнаго недуга. Постоянныя нервныя боли, рвоты и головокруженія отнынѣ уже не переставали его мучить. Иногда онъ появлялся еще въ увеселительныхъ мѣстахъ, но—мрачный, нелюдимый, пугая своимъ видомъ молодыхъ дѣвушекъ. Куда дѣвалось его былое остроуміе, веселая болтливость и страсть къ фланерству, смѣнившіяся теперь желчнымъ недовольствомъ всѣмъ окружающимъ! Влюбленный когда-то въ Парижъ, въ его шумную жизнь, въ его блескъ и грязь, роскошь и нищету, красивыя приманки и гноящіяся язвы, теперь онъ чувствовалъ къ нему отвращеніе. Параллельно съ ходомъ болѣзни росли и долги, охватывая его желѣзнымъ кольцомъ нужды и нравственныхъ обязательствъ... Между тѣмъ, литературный заработокъ Бодлéра былъ ничтоженъ. Этотъ родъ труда и вообще давалъ въ тѣ времена во Франціи очень мало, за исключеніемъ развѣ двухъ-трехъ знаменитостей, а творческая производительность Бодлéра была къ тому же удивительно невелика, благодаря отчасти его строгому отношенію къ своему таланту, а отчасти и лѣности. Трудолюбія, которое онъ такъ высоко цѣнилъ, ставя даже выше вдохновенія, въ немъ самомъ было очень мало, и сохранилось немало анекдотовъ о томъ, къ какимъ уловкамъ прибѣгалъ онъ для обузданія своей лѣни, и какъ послѣдняя все-таки одерживала большею частью верхъ. Теперь, съ развитіемъ болѣзни, о большихъ литературныхъ заработкахъ нечего было и думать. Въ довершеніе несчастія, издатель Бодлéра и другъ его, Пуле-де-Малясси, прогорѣлъ, и Бодлéръ, какъ всегда благородный и самоотверженный, счелъ своимъ долгомъ связать отнынѣ свою судьбу съ его

судьбою и раздѣлить съ нимъ всѣ послѣдствія краха. Наконецъ, онъ ухватился за предложеніе бельгійскихъ художниковъ прочесть въ Брюсселѣ рядъ публичныхъ лекцій объ искусствѣ и, уже совсѣмъ больной, поѣхалъ туда въ апрѣлѣ 64 г., окрыленный новыми надеждами. Первыя лекціи имѣли огромный успѣхъ, но всѣ мечты вскорѣ разлетѣлись прахомъ, такъ какъ антрепренеръ надулъ и, вмѣсто обѣщанныхъ 500 франковъ за лекцію, сталъ платить сначала по 100, а потомъ и по 50 фр.,—сумма, совершенно недостаточная даже для скуднаго существованія. Скоро поэтъ возненавидѣлъ Бельгію всѣми силами души: и люди, и природа, все внушало ему здѣсь полное отвращеніе. Народъ бельгійскій кажется ему грубымъ, эгоистичнымъ, исполненнымъ всяческихъ пороковъ; деревья представляются черными, цвѣты лишенными запаха, Брюссель вонючей и грязной клоакой... Подъ вліяніемъ болѣзни и нужды духъ поэта, и безъ того склонный къ меланхоліи, омрачается все сильнѣе и сильнѣе. Но вернуться немедленно въ Парижъ онъ не хотѣлъ, такъ какъ рѣшилъ вернуться туда лишь со славой, исполнивъ всѣ свои обязательства. Онъ приготовляетъ книгу о Бельгіи (отъ которой остались лишь отрывки), гдѣ хочетъ излить всю свою желчь противъ этой страны, всю свою ненависть къ этому народу... Много работать, однако, не удается, потому что болѣзнь продолжаетъ дѣлать свое страшное дѣло и идетъ впередъ гигантскими шагами...

Вотъ какъ описываетъ Готье наружность Бодлéра въ этотъ послѣдній періодъ его жизни: «Его фигура исхудала и какъ бы одухотворилась; глаза расширились, носъ заострился и сталъ какъ бы тверже; губы плотно сжались и, казалось, затаили въ своихъ углахъ какую-то саркастическую загадку... Къ румянымъ нѣкогда оттѣнкамъ щекъ примѣшались желтые тоны болѣзни и утомленія. Нѣсколько облысѣвшій лобъ выигралъ въ величинѣ и, такъ сказать, солидности; онъ казался теперь высѣченнымъ изъ самаго крѣпкаго

мрамора. Тонкіе, шелковистые, длинные волосы, уже болѣе рѣдкіе и почти совсѣмъ *бѣлые* (въ 44 года!), гармонировали съ этой физіономіей, одновременно и старой, и молодой, придавая поэту почти жреческій видъ».

Нельзя равнодушно читать интимный дневникъ, въ которомъ Бодлеръ записываетъ съ такой трогательной, съ такой подчасъ дѣтской откровенностью всѣ свои чувства и мысли послѣднихъ лѣтъ жизни. Идеалъ дэндизма и желаніе возбуждать удивленіе свѣта своими причудами и оригинальностями давно исчезли въ немъ безъ слѣда и смѣнились другимъ, болѣе возвышеннымъ идеаломъ—нравственнаго совершенствованія. Одновременно съ этимъ, въ немъ вспыхиваетъ страстная любовь къ матери, желаніе хоть сколько-нибудь загладить все то горе, которое онъ причинилъ ей въ жизни... Отнынѣ все, что онъ заработаетъ, онъ будетъ дѣлить на четыре равныя части: одну для себя, другую для матери, третью для Жанны и друзей, четвертую для кредиторовъ. Вотъ его обязанности. Чтобы выполнить ихъ, нужно работать и работать, а для этого необходимо здоровье. А чтобы стать здоровымъ, онъ долженъ построить жизнь по совершенно новому плану и прежде всего стать нравственно лучшимъ, чистымъ, воспитать въ себѣ любовь и жить любовью... Какія искреннія клятвы даетъ онъ себѣ и Богу—посвятить отнынѣ всю жизнь достиженію этого новаго идеала! Какія горькія сожалѣнія срываются съ его устъ о напрасно потраченныхъ силахъ и молодости! Главное средство для своего духовнаго воздержанія онъ видитъ въ трудѣ и гигіенѣ: онъ откажется отъ всего возбуждающаго, станетъ жить скромно, умѣренно, будетъ работать, какъ волъ, съ ранняго утра до поздняго вечера, и встрѣчая и кончая свой день теплой бесѣдой съ небомъ. И кто знаетъ: быть можетъ, новая жизнь и новыя наслажденія блеснутъ еще для него? Уплата долговъ, развитіе таланта, слава, обезпеченность и счастіе матери и Жанны?.. Но, увы! пора было сказать «прости» всѣмъ этимъ розовымъ мечтамъ!..

Часъ Бодлера пробилъ. Въ апрѣлѣ 66 г., параличъ разбилъ всю правую половину его тѣла и лишилъ языка. Съ этихъ поръ отъ него остается живой трупъ, и жизнь его превращается въ сплошную мучительную агонію. Лѣтомъ того же года друзья перевезли его въ Парижъ и помѣстили въ хорошую лѣчебницу. Мать находилась при сынѣ почти неотлучно до дня смерти. Одно время казалось, будто болѣзнь поддается усиліямъ врачей—больной началъ вставать, ходить и произносить нѣкоторыя слова; но временное улучшеніе наступило лишь для того, чтобы разразиться затѣмъ окончательнымъ кризисомъ и уже навсегда пригвоздить несчастнаго поэта къ постели. Только движеніемъ глазъ, всегда печальныхъ и кроткихъ, могъ онъ съ этихъ поръ выражать свои мысли и чувства, свою радость при посѣщеніяхъ друзей. Это ужасное положеніе, разрывавшее сердце матери и всѣхъ близкихъ, длилось очень долго. Смерть наступила лишь 31 августа 67 г., безъ всякихъ видимыхъ страданій, послѣ долгой, но тихой агоніи.

Бодлéръ умеръ 46 лѣтъ отъ роду.

Приступая къ характеристикѣ бодлеровской поэзіи и оцѣнкѣ ея значенія, я прежде всего хочу отмѣтить ея изъяны, всѣ тѣ уродливые и болѣзненные придатки, которые расцвѣли потомъ такимъ пышнымъ цвѣтомъ въ поэзіи его подражателей, и которые людямъ, мало знакомымъ съ подлиннымъ образомъ Бодлéра, позволяютъ считать его чуть-ли не главою современнаго декадентства и символизма. Что касается этого послѣднаго (символизма), то Бодлéръ повиненъ въ немъ лишь постольку, поскольку ни одинъ поэтъ не можетъ обойтись безъ употребленія символовъ и образовъ; относительно же декадентства слѣдуетъ сказать, что впервые слово это было примѣнено къ поэзіи Бодлéра чуть-ли не имъ самимъ, хотя разумѣлъ онъ подъ этимъ словомъ совсѣмъ не то, что разу-

мѣется подъ нимъ въ настоящее время. Именнѣ, говоря о «декадансѣ», онъ имѣлъ въ виду ту высшую пору зрѣлости національной культуры и цивилизаціи, за которою наступаетъ одряхлѣніе и разложеніе, и которая представляетъ собою такое усложненіе всѣхъ сторонъ внѣшней и внутренней жизни человѣка, какой не знали предшествовавшія, болѣе наивныя эпохи. Такой порой для Франціи онъ считалъ моментъ 50-хъ годовъ, напоминавшій ему собою послѣдніе вѣка римской имперіи и ея литературы. Онъ полагалъ, что поэтъ такой эпохи долженъ обладать и языкомъ, отвѣчающимъ новымъ условіямъ, языкомъ «болѣе сложнымъ и обдуманнымъ, полнымъ самыхъ разнообразныхъ оттѣнковъ и изысканныхъ словосочетаній, языкомъ, расширившимъ до возможныхъ предѣловъ свои границы, почерпающимъ свои сокровища во всѣхъ словаряхъ, мѣстныхъ, техническихъ, берущимъ краски у всѣхъ палитръ, звуки у всѣхъ существующихъ инструментовъ, умѣющимъ приспособлять мысль къ вещамъ, всего труднѣе поддающимся выраженію, форму къ очертаніямъ наиболѣе смутнымъ и неуловимымъ,—языкомъ, способнымъ передавать самыя тонкія признанія страстей, невроза, галюцинацій, безумія». Таковъ былъ его идеалъ новаго стиля, и самъ онъ, по общему признанію критики, былъ великимъ мастеромъ слова и формы. Въ этомъ—и только въ этомъ своеобразномъ смыслѣ—онъ дѣйствительно былъ первымъ декадентомъ XIX столѣтія. По словамъ Теофиля Готье, тоже замѣчательнаго стилиста, Бодлеръ умѣетъ однимъ какимъ-нибудь эпитетомъ, удачно и не банально выбраннымъ, выразить то, чего другой писатель не выразитъ и цѣлой страницей самаго краснорѣчиваго описанія. Особенно показалъ онъ это свое мастерство въ цѣломъ рядѣ небольшихъ прозаическихъ разсказцевъ, которые назвалъ «Les petites poémes en prose»,—названіе, заимствованное потомъ нашимъ Тургеневымъ въ его «стихотвореніяхъ въ прозѣ». То же ли самое видимъ мы, однако, у современныхъ дека-

дентовъ и символистовъ, которые преслѣдуютъ, повидимому, совершенно другую цѣль: подборомъ своихъ эпитетовъ сдѣлать образъ менѣе всего доступнымъ человѣческому пониманію?..

Гораздо серьезнѣе обвиненіе въ странности, манерности и болѣзненной изысканности самихъ образовъ, излюбленныхъ Бодлéромъ. Но есть натуры,— говоритъ тотъ же Готье,— которыя по природѣ своей манерны. Простота была бы для нихъ чистой аффектаціей и какъ бы вывороченной на изнанку манерностью. На все глядятъ онѣ подъ своеобразнымъ угломъ; мысли, наиболѣе тонкія, сложныя, напряженныя, первыми рождаются въ ихъ мозгу; образы наиболѣе странные, фантастическіе и далекіе отъ изображаемаго предмета поражаютъ ихъ раньше всего. Къ сожалѣнію, именно въ этой-то сторонѣ бодлеровской поэзіи позднѣйшіе безъидейные подражатели и нашли всего больше матерьяла для своихъ уродливыхъ и нелѣпыхъ вдохновеній. То, что у Бодлéра было естественно и искренно, что вызывалось свойствами его натуры, они развили искусственно и намѣренно, добившись того, что здоровый читатель почти надъ каждой строкой ихъ писаній долженъ широко раскрывать глаза, пожимать плечами, или даже разражаться хохотомъ...

Дѣйствительно Бодлéръ проходитъ мимо всѣхъ тѣхъ явленій жизни, которыя поражаютъ мысль и чувство обыкновеннаго наблюдателя. Его вниманіе останавливаетъ на себѣ по преимуществу все необычное, странное, болѣзненное, таинственное... Рядъ самыхъ причудливыхъ картинъ и фантасмагорій проходитъ передъ его умственнымъ взоромъ. Вотъ скелетъ, пышно разодѣтый и украшенный цвѣтами, является на балъ и видомъ своимъ замораживаетъ кровь въ жилахъ безпечныхъ танцоровъ. Внутри запертой на ключъ комнаты лежитъ на постели обнаженный и обезглавленный трупъ прекрасной молодой женщины, а рядомъ съ постелью, на ночномъ столикѣ, синѣетъ ужас-

ная голова. Сумасшедшій пьяница убиваетъ свою любимую жену, бросаетъ ее въ колодезь и засыпаетъ камнями. Влюбленные натыкаются во время прогулки чуднымъ лѣтнимъ утромъ на отвратительную картину разлагающейся падали... Переходитъ ли Бодле́ръ къ менѣе трагическимъ коллизіямъ жизни, къ описаніямъ своего родного, горячо любимаго Парижа, и тамъ онъ не можетъ отдѣлаться отъ страсти рисовать исключительныя черты и положенія, отъ скептическаго и траурнаго направленія своихъ мыслей. Плывущая по небу луна, окруженная цѣлымъ гаремомъ звѣздъ, не вызываетъ въ немъ образа влюбленныхъ, цѣлующихся гдѣ-нибудь «подъ сѣнью струй»; нѣтъ, она говоритъ поэту: «Я гляжу, какъ грудь, вскормившую тебя, сынъ оскудѣлыхъ дней, бѣля и притирая, надъ зеркаломъ твоя склонилась мать сѣдая»... Вотъ темный игорный притонъ, гдѣ знаменитые писатели проигрываютъ работу лучшихъ лѣтъ и гдѣ торгуютъ—«тотъ честью старою, та красотой своей»; вотъ мрачный и холодный госпиталь «со вздохами молитвъ надъ смрадомъ нечистотъ». Мертвецы плачутъ на кладбищѣ о томъ, что никто не приноситъ имъ свѣжихъ цвѣтовъ. Гашишистъ созерцаетъ удивительную страну, полную лазури и блеска, гдѣ, «одѣвшись въ пестрые граниты, озера синія текли, на милліоны верстъ разлиты, къ краямъ невѣдомымъ земли». Утомленный писатель, съ развинченными нервами, бредетъ въ туманное утро по грязнымъ и пустыннымъ улицамъ предмѣстья и становится неожиданно жертвой галлюцинаціи, до глубины души потрясающей его. Букинистъ продаетъ старую пыльную книгу, на обложкѣ которой изображенъ скелетъ, взрывающій землю лопатой,—и этотъ странный рисунокъ наводитъ поэта на мысль, что, быть можетъ, и тамъ, за предѣлами гроба, не кончается жизнь труда и лишеній...

Вотъ сюжеты, которые Бодле́ръ любитъ и избираетъ по преимуществу. Какъ въ жизни любилъ онъ подчеркивать свою природную оригинальность, мисти-

фицировать и даже запугивать знакомыхъ странностями и причудами своего характера, такъ и въ своей поэзіи любитъ поражать неожиданными и непріятными образами, точно смѣясь порой и надъ собой, и надъ читателемъ. Тонкій цѣнитель красоты и мастеръ искусства, изъ какого-то непонятнаго побужденія, вытекающаго, очевидно, изъ глубины его природы, онъ иногда въ прекраснѣйшіе стихи вплетаетъ неожиданно рискованный образъ, одно какое-нибудь слово, нарушающее поэтичность впечатлѣнія. Для примѣра укажемъ хотя бы на «Печаль луны», пьесу, исполненную такой нѣжной грусти и тонкой граціи. Но сравненіе луны съ дѣвушкой, ласкающей передъ сномъ «контуры молодыхъ грудей», какъ-то шокируетъ ухо и возбуждаетъ нѣкоторую досаду. Или, только что давъ въ «Поѣздкѣ на островъ Цитеру» красивое описаніе этого острова «сладостныхъ тайнъ и сердечныхъ пировъ», надъ берегами котораго «гордый призракъ Венеры, полный нѣги, витаетъ въ струяхъ аромата», авторъ съ какимъ-то безжалостнымъ реализмомъ рисуетъ намъ разложившійся трупъ висѣльника... Мучительская жилка вообще была въ натурѣ Бодлѐра, она отразилась и въ его произведеніяхъ.— Манерность письма и изысканность образовъ, въ связи съ нѣсколько преувеличенной любовью къ контрастамъ и тяжелымъ эффектамъ, дополняются еще нѣкоторыми капризами второстепеннаго значенія, за которые уцѣпились позднѣйшіе декаденты, какъ за нѣчто существенное и по преимуществу цѣнное. Такъ извѣстно, что онъ съ дѣтства отличался необыкновенно тонкимъ обоняніемъ, и что чувство это еще сильнѣе изощрилось подъ вліяніемъ путешествія въ тропическія страны съ ихъ роскошной, полной ароматовъ растительностью. Эту особенность своей организаціи онъ старается по возможности утилизировать и въ поэзіи: другіе поэты пользуются, главнымъ образомъ, цвѣтами и звуками—онъ пускаетъ въ ходъ также запахи и всевозможные оттѣнки ароматовъ.

Случайно найденный въ старомъ шкафу надбитый флаконъ съ бывшими въ немъ когда-то духами вызываетъ въ его умѣ цѣлыя картины прошедшаго, то радостнаго, то мрачнаго, и вполнѣ неожиданно для читателя поэтъ называетъ себя самого такимъ же грязнымъ старымъ флакономъ, хранящимъ божественную эссенцію — воспоминаніе о погибшей любви... Фантазія не менѣе причудливая: ароматъ, который чудится ему въ платьи, въ самомъ тѣлѣ любимой женщины, переноситъ его въ далекую Индію, къ ея зеленымъ тамариндовымъ рощамъ и пѣснямъ моряковъ на берегу, залитомъ блескомъ лазурнаго полдня; погрузивъ лицо въ ея роскошную шевелюру, онъ совершаетъ мысленно цѣлое путешествіе въ эту страну лазури и солнца, гдѣ можно упиваться «смолой и мускусомъ тропическихъ лѣсовъ»...*) Сколько блестя-

*) Вотъ переводъ этого любопытнаго стихотворенія («Шевелюра»), не помѣщенный мною въ текстѣ книги:

Душистый шелкъ кудрей, разсыпанныхъ до плечъ
Волнами мягкими, каскадами живыми...
Восторгъ! Чтобъ въ эту ночь видѣньями былыми
Альковъ мой населить и въ немъ зарю зажечь,
Какъ носовымъ платкомъ, махать я стану ими.

Вся пылкость Африки, весь блескъ ея лучей,
Вся томность Азіи, ея дворцовъ богатыхъ—
Въ тебѣ, пахучій лѣсъ, пучина волнъ косматыхъ...
Какъ въ звукахъ музыки сердца другихъ людей,
Такъ я, моя любовь, купаюсь въ ароматахъ!

Я поплыву туда, гдѣ люди и цвѣты
Подъ зноемъ климатовъ лѣнивыхъ замираютъ.
Ужъ пряди черныя, какъ волны, поднимаютъ
Мой опьяненный духъ... Чудесный пиръ мечты,
Гдѣ весла движутся и паруса сверкаютъ!

Звонкоголосый портъ, гдѣ духъ мой жадно пьетъ
Цвѣта̀ запахи... Какъ воды ярко блещутъ!
Въ волнистомъ золотѣ суда-гиганты плещутъ...
Огромной чашею синѣетъ небосводъ,
И вѣчныя подъ нимъ струи тепла трепещутъ.

щихъ красокъ, усилій искусства и какой странный капризъ фантазіи!—Бодлѐръ подчеркиваетъ извѣстный въ физіологіи фактъ связи между свѣтовыми и звуковыми ощущеніями, но прибавляетъ къ нимъ также и обонятельныя, увѣряя насъ, что «мускусъ, ладанъ и бензой воспѣваютъ экстазы ума и чувства»...

Не отсюда ли вышли всѣ эти «бѣлые павлины скуки», «желтыя собаки ревности» и прочія цвѣтныя нелѣпости современнаго символизма? Но какая и здѣсь огромная разница между подражателями и ихъ прототипомъ!

Изъ всѣхъ часовъ дня Бодлѐръ любитъ по преимуществу сумерки, изъ всѣхъ животныхъ—тѣхъ, которыя наиболѣе пугливы и загадочны,—кошекъ, совъ, летучихъ мышей... Любовь къ кошкамъ доходила у него часто до смѣшного, хотя нельзя не сознаться, что онъ умѣлъ красиво описывать этого дѣйствительно граціознаго и привлекательнаго звѣрька.

Въ ряду чисто декадентскихъ чертъ Бодлѐра нужно еще отмѣтить его предпочтеніе искусства—природѣ, красоты, надъ которою прошлась сознательная рука художника—всякой простой и естественной прелести;

Я въ черный океанъ, въ которомъ скрытъ другой,
Какъ барка погружусь, влюбленная въ купанье...
Ласкаемъ качкою, ушедши въ созерцанье
Прелестныхъ образовъ, навѣянныхъ мечтой,
Я буду лѣнь вкушать и пить благоуханья.

О, космы синія! О, темный міръ силковъ,
Опутавшихъ меня!—Я тщетно вырываюсь...
На прядяхъ скрученныхъ, какъ на вѣтвяхъ, качаюсь
И терпкимъ запахомъ тропическихъ лѣсовъ,
Смолы и мускуса безумно упиваюсь.

—Въ сапфиры съ перлами я уберу тебя,—
О, будь, всегда лишь будь рабой моихъ желаній!
Ты не оазисъ ли, рожденный для мечтаній?
Не фляга-ль вѣчности, со дна которой я
Глотаю медленно вино воспоминаній?

наконецъ, поры полной зрѣлости, близкой къ увяданію и упадку,—молодой и наивной свѣжести. Ниже мы увидимъ, что *причины такого страннаго предпочтенія коренились въ основныхъ свойствахъ бодлеровскаго ума и сердца, въ тѣхъ высокихъ запросахъ, какіе предъявляли они къ жизни и человѣку*. Къ сожалѣнію, самъ поэтъ не всегда отдавалъ себѣ ясный отчетъ въ своихъ симпатіяхъ и антипатіяхъ, и потому онѣ переходили у него нерѣдко въ простые капризы вкуса и чувства, говорившіе лишь объ ихъ ненормальности и извращенности. Такъ, извѣстно его желаніе, чтобы красивыя женщины подчеркивали свою красоту еще искуснымъ употребленіемъ пудры, румянъ и другихъ принадлежностей косметики...

Я добросовѣстно перечислилъ всѣ главные недостатки бодлѐровской поэзіи, вполнѣ убѣжденный въ томъ, что они ея не исчерпываютъ и не характеризуютъ, являясь чисто внѣшними уродливыми чертами, за которыми скрывается глубокое внутреннее содержаніе. Духовно убогіе декаденты взяли и развили по своему эти черты, совершенно проглядѣвъ и оставивъ втунѣ то, что составляло душу и смыслъ этой больной, но серьезной и высоко симпатичной поэзіи. Къ анализу ея *души* мы теперь и приступимъ.

Точно такъ же, какъ Байронъ былъ созданіемъ революціонной эпохи и ея могучаго, протестующаго духа, Бодлѐръ и его пессимистическая поэзія были порожденіемъ другой эпохи, когда нищета и подавленность однихъ, испорченность и развращенность другихъ классовъ достигаютъ своего апогея, а между тѣмъ, надъ этою бездною «зла», изъ которой несутся одуряющіе запахи его ужасныхъ «цвѣтовъ», не свѣтитъ уже маякъ надежды. Неудавшаяся революція 48 года и послѣдовавшій за нею государственный переворотъ 2 декабря погасили этотъ свѣточъ и водворили надъ Франціей и надъ всей Европой удушливый мракъ тоски и отчаянія. Я не думаю, конечно, приравнивать титана поэзіи Байрона къ Бодлѐру, та-

ланту несравненно менѣе крупному и замѣтному, но хочу только сказать, что какъ тотъ, такъ и другой, одинаково были выразителями духа своего времени, одинъ—начала нынѣшняго столѣтія, другой — середины и, пожалуй, даже конца его. Байронъ глубоко разочарованъ и въ прошломъ, и въ настоящемъ состояніи человѣчества, тому и другому равно гремятъ его проклятія. Но при всей «свирѣпой ненависти» (выраженіе Гете о Байронѣ) къ современному человѣку и дѣламъ рукъ его, на днѣ души поэта все же остается лучъ надежды на лучшее будущее, неумирающей вѣры въ идеалъ человѣчности, свободы и справедливости. Въ болѣе душное и мрачное время жилъ Бодлèръ, и его пессимизмъ, полученный въ наслѣдство отъ Байрона, успѣлъ сдѣлать значительный шагъ впередъ: скорбный взоръ поэта видитъ идеалъ уже въ какомъ-то неопредѣленномъ, туманномъ отдаленіи, на высотѣ, почти недоступной человѣку...

Отсюда тѣ безотрадныя картины, которыя Бодлèръ даетъ намъ въ своихъ «Цвѣтахъ Зла». Рисуя развратъ и пороки буржуазіи, грязь и нищету рабочихъ классовъ, онъ не находитъ у своей лиры ни одного утѣшительнаго звука, ни одного свѣтлаго тона. Въ большихъ городахъ зло и страданіе жизни наиболѣе концентрируются, и вотъ Бодлèръ является по преимуществу пѣвцомъ большихъ городовъ, Парижа въ особенности. Въ «Le crépuscule du soir» и «Le crépuscule du matin» онъ даетъ небольшое, но столь яркое и сильное изображеніе Парижа, равнаго которому французская литература не знаетъ: Франсуа Коппе, стяжавшій первую свою славу на такихъ же изображеніяхъ Парижа, и Эмиль Золя, великій мастеръ этого рода описаній, оба лишь развили и расширили содержаніе маленькихъ пьесокъ Бодлèра.

Однако, онъ не остается только холоднымъ и безстрастнымъ изобразителемъ нищеты, порока и разврата современнаго общества. Сочувствіе его всегда на сторонѣ несчастныхъ, униженныхъ и обездолен-

ныхъ—это слишкомъ ясно чувствуется по той любви и нѣжности, съ которыми онъ рисуетъ ихъ.

Парижскіе рабочіе, обитатели отдаленныхъ предмѣстій, пользуются при этомъ особенными симпатіями Бодлѐра: чтобъ убѣдиться въ этомъ, достаточно прочесть «Le vin des chiffoniers», гдѣ описывается пирушка тряпичниковъ. Зло проституціи, этой ужаснѣйшей изъ язвъ современнаго общества, также находитъ въ немъ своего художника,—и съ какимъ нѣжнымъ сочувствіемъ, съ какой глубокой скорбью рисуетъ онъ, напр., наивное дитя природы, жительницу малабарскихъ островов, собирающуюся ѣхать въ веселый Парижъ для того, чтобы стать тамъ одною изъ жертвъ нашей развращенной культуры.

Въ ряду такихъ же теплыхъ стихотвореній, посвященныхъ нищетѣ и страданію, назовемъ еще: «Маленькія старушки», «Смерть бѣдныхъ», «Душа вина», «Рыжей нищей», «Продажная муза» и др. Когда Бодлѐръ переходитъ къ картинамъ роскоши и порока, онъ бываетъ скупъ на гнѣвныя діатрибы, выражающія его личныя чувства и отношенія къ нимъ, хотя отношенія эти всегда ясны для читателя («Игра», «Пляска смерти», «Хмѣль убійцы», «Оскорбленная луна» и др.). Только очень рѣдко измѣняетъ онъ этому внѣшнему спокойствію и безстрастію и разражается мрачными проклятіями всѣмъ «ликующимъ, праздно болтающимъ, обагряющимъ руки въ крови» и себѣ самому, живущему въ ихъ «станѣ», прежде всего. Таковы «Испытаніе полночи» и «Что вамъ небо съ грядущими муками?» — стихотвореніе, оканчивающееся оригинальной угрозой: «На днѣ наслажденья найдете вы месть!..»

Но и все человѣчество, безъ различія классовъ и положеній, представляется ему, въ концѣ концовъ, одинаково страдающимъ и несчастнымъ,—это безумное, кривляющееся человѣчество, такъ страстно ищущее наслажденій и радостей. Таковъ смыслъ аллегорическаго стихотворенія «Маска, статуя во вкусѣ

Возрожденія», одного изъ наиболѣе характерныхъ для всего Бодлѐра: онъ ни въ чемъ и нигдѣ не умѣетъ видѣть свѣта безъ тьмы, красоты безъ стоящаго рядомъ съ ней безобразія, радости безъ тѣни страданія; онъ мыслитъ и чувствуетъ контрастами, въ немъ живетъ вѣчная двойственность.

Здѣсь мы приблизились къ той сторонѣ бодлѐровскаго пессимизма и къ тому отдѣлу его произведеній, которымъ онъ съ наибольшей охотой посвящаетъ свой талантъ и въ которыхъ этотъ послѣдній выразился всего ярче. Я имѣю въ виду развинченность современнаго человѣка, его раздвоенность, изломанность, нервозность, тѣ болѣзненныя и порой прямо психопатическія глубины духа, которыя граничатъ съ областью психіатріи и судебной медицины. Во главѣ этого ряда стихотвореній, какъ ключъ, отмыкающій ихъ смыслъ, слѣдуетъ поставить удивительное по красотѣ формы и тонкости письма стихотвореніе въ прозѣ «Les bienfaits de la Lune». Бодлѐръ былъ такимъ мастеромъ прозы, что подъ его рукой она звучитъ часто лучше стиховъ, и я только съ помощью рифмъ надѣялся передать на русскомъ языкѣ эту упоительную и вмѣстѣ страшную музыку.

Считаю лишнимъ комментировать эту пьесу. Мы находимся здѣсь въ области тонкихъ, едва уловимыхъ, болѣзненныхъ настроеній и чувствъ, существованіе которыхъ и страшную власть надъ душою людей «конца вѣка» нельзя отрицать, но оріентироваться въ которыхъ могутъ только поэтъ или врачъ.. Возьмемъ еще другое стихотвореніе, гдѣ Бодлѐръ находитъ возможнымъ отнестись съ кроткимъ сожалѣніемъ даже къ такого рода страданіямъ, которыя должны бы, въ сущности, находить себѣ мѣсто въ домахъ для умалишенныхъ, по существующимъ же понятіямъ зовутся просто преступленіями и подлежатъ суду присяжныхъ. Передъ нами мрачная картина убранной съ изысканной роскошью и запертой на ключъ комнаты, гдѣ на постели лежитъ обнажен-

ный трупъ прекрасной молодой женщины, съ небрежною свободой «раскрывшій весь сокровенный блескъ, всѣ чары красоты, ему дарованной природой». Страшная догадка мелькаетъ въ умѣ поэта о томъ, кто былъ убійцей несчастной красавицы, и что привело его къ этому мрачному злодѣйству...

Конечно, только слѣпая вражда къ поэту могла бы утверждать, забывая самое заглавіе стихотворенія («Мученица»), что въ этой ужасной картинѣ изображены его собственныя симпатіи и вожделѣнія, но нельзя все же не удивляться искусству, съ какимъ онъ проникаетъ здѣсь въ самую глубину больной и искалѣченной души преступника.—Ножомъ смѣлаго до дерзости анализа разбираетъ Бодлѐръ и душу всего современнаго человѣка, больной продуктъ этой блестящей на видъ и гордой культуры, не дающей въ концѣ концовъ ни счастья, ни успокоенія и подъ наружной мишурою скрывающей одну грязь и всевозможные недуги. Насмѣшливый духъ скептицизма разрушаетъ въ немъ рѣшительно всѣ иллюзіи.

И водитъ онъ меня отъ Бога вдалекѣ,
Изнеможеннаго, изнывшаго въ тоскѣ,
Въ пустыняхъ скуки и томленья,
И тамъ, какъ въ тяжкомъ снѣ, рисуетъ предо мной
Одежды грязныя и ранъ открытыхъ гной,
И кровь, и ужасъ разрушенья!..

Среди этого ужаснаго душевнаго состоянія даже любовь не является для поэта ангеломъ-хранителемъ, и въ толпѣ низкихъ демоновъ, потѣшающихся надъ его мрачной тоскою, онъ замѣчаетъ и ее, «царицу фей, свой рай и божество»...

Онъ обращается, наконецъ, къ собственной душѣ, надѣясь хоть тамъ отыскать свѣтлое исключеніе, но и тамъ видитъ все тотъ же «оазисъ ужаса въ пустынѣ мертвой скуки». И нечеловѣческій вопль скорби и отчаянія срывается тогда съ его устъ, крикъ, которому трудно, быть можетъ, сыскать во всемірной литературѣ что-нибудь равное по трагичности:

Ахъ, Создатель! дай силу и мужество мнѣ
Созерцать мое сердце и тѣло!..

Что-же, однако, приковываетъ Бодлѐра къ этимъ болѣзненнымъ, уродливымъ, грязнымъ и преступнымъ сторонамъ человѣческаго духа и жизни? Что заставляетъ его съ такой любовью останавливаться на нихъ? Какъ могутъ грязь, зло, тьма и порокъ служить источниками вдохновенія?

Изучая эту больную душу и эту скорбную поэзію, нельзя не видѣть, что *весь мрачный скептицизмъ и вся злобная мизантропія французскаго поэта проистекаютъ именно изъ его страстнаго стремленія къ свѣту, изъ мучительной любви къ красотѣ и гармоніи, изъ невозможности увидать ихъ воплощенными въ жизнь и дѣйствительность.* Идеалы любви, добра и красоты такъ могущественно владѣютъ его душой, такъ властно зовутъ вмѣстѣ съ собой въ какую-то невѣдомую страну нравственнаго единенія и порядка, что въ немъ рождается свирѣпая ненависть къ матеріи, приковывающей его къ землѣ, къ ея грязи и убожеству,—и точно птица, завороженная ужасными глазами змѣи, онъ усиленно вглядывается въ эту грязь, въ это ненавистное ему зло и съ какимъ-то сладострастіемъ отчаянія копается въ нихъ, измучивая себя и читателя, пока, наконецъ, могучимъ взмахомъ крыла не поднимется опять къ свѣтлымъ и лазурнымъ высямъ одухотворенности... Именно это-то не знающее усталости стремленіе къ идеалу, котораго онъ самъ хорошенько не знаетъ, къ гармоніи и красотѣ всего сущаго, быть можетъ, и есть причина того, что Бодлѐру особенно рѣзко бросаются въ глаза всѣ болѣзненныя и уродливыя явленія жизни, по преимуществу дающія сюжеты его стихамъ. Во всемъ и вездѣ онъ ищетъ *живой*, одухотворенной, не знающей смерти красоты, которая могла бы служить ему путеводнымъ факеломъ надъ окружающими безднами мрака и ужаса и, понятно, не находитъ ея въ явленіяхъ мертвой природы, въ измѣн-

чивыхъ и преходящихъ формахъ бездушной матеріи. *Отсюда его инстинктивный ужасъ передъ этой послѣдней, его ненависть къ ней, желаніе, чтобы ко всякой естественной красотѣ всегда были примѣшаны нѣкоторые аксессуары искусства, слѣды — хотя бы искусственной и поддѣльной одухотворенности*... Среди безплодныхъ и мучительныхъ поисковъ истиннаго свѣточа, онъ готовъ бываетъ ухватиться и за пустой миражъ, за красивую маску, лишь бы дать хоть призракъ утѣшенія своему истосковавшемуся сердцу...

Глубокій скептикъ, Бодлéръ не является, однако, пѣвцомъ безусловнаго отчаянія. На днѣ души онъ всегда носитъ какой-то спасительный огонь, который освѣщаетъ ему путь и не позволяетъ погрузиться въ нечистую тину жизни. Нельзя сказать, чтобы это было какое нибудь опредѣленное религіозное чувство, вѣра въ безсмертіе души, въ загробныя воздаянія, что-ли,— еще меньше это какой-нибудь общественный идеалъ. Но я не знаю, однако, другого поэта (за исключеніемъ развѣ Шелли), въ которомъ жило бы такое же страстное порываніе къ идеалу,—идеалу, правда, смутному, неясному, не облеченному ни въ какія реальныя формулы, но все же немолчно напоминающему человѣку объ его возвышенномъ призваніи! Еще въ раннемъ дѣтствѣ, въ огромной мрачной библіотекѣ, которую поэтъ любилъ посѣщать украдкой, ему звучали два таинственныхъ голоса, — одинъ, самодовольный, утверждавшій, что земля есть сладкій пирогъ, и обѣщавшій ему подарить хорошій аппетитъ, другой, ласковый, нѣжный, чарующій слухъ и устрашающій душу, пѣвшій среди вечернихъ сумерекъ: «Пойдемъ витать со мною за грань возможнаго, въ предѣлы тайнъ и сновъ!» — и поэтъ пошелъ за этимъ сладкимъ голосомъ. Онъ сталъ несчастнымъ, одинокимъ въ людской толпѣ. Со взоромъ, обращеннымъ къ небу, среди яснаго дня, онъ падаетъ въ ямы и служитъ предметомъ общихъ насмѣшекъ. Но таинственный голосъ постоянно утѣшаетъ его·

Безумецъ, не кляни завѣтныхъ сновъ твоихъ —
У мудрецовъ не такъ они прекрасны!

И вотъ въ этотъ же край своихъ завѣтныхъ грезъ поэтъ приглашаетъ съ собой и любимую женщину. Все въ этомъ краѣ идеально-прекрасно, все обольщаетъ чувства, примиряетъ озлобленный умъ, утѣшаетъ изстрадавшееся сердце. «Все тамъ — порядокъ и красота, роскошь, спокойствіе и наслажденіе». Къ темѣ этой Бодлéръ возвращается часто, съ особенной любовью: въ прозѣ и стихахъ у него есть поэмы, одинаково озаглавленныя—«Приглашеніе къ путешествію»... Въ стихотвореніи «Moesta et errabunda», гдѣ онъ точно такъ же восклицаетъ: «Я въ вагонѣ умчусь, улечу на фрегатѣ! Здѣсь отъ слезъ нашихъ грязь подъ ногами течетъ!»—звучитъ уже, правда, нота отчаянія въ томъ, что удастся отыскать гдѣ-нибудь на землѣ таинственный край любви и гармоніи; но жажда идеала не можетъ умереть, и поэтъ судорожно хватается за малѣйшій проблескъ надежды. То онъ уносится къ днямъ невозвратнаго дѣтства, къ этому «зеленому эдему безгрѣховной любви, бѣготни, поцѣлуевъ, свиданій украдкой»; то къ первобытнымъ временамъ наивности и гордой наготы, къ свѣтлой юности человѣчества «со взоромъ голубымъ яснѣй воды проточной, богатой пѣснями, безпечной, подобно цвѣтамъ и птицамъ»; то подъ свѣтлое небо далекой Индіи, въ лазури и блескѣ которой хочетъ видѣть хоть внѣшній образъ того идеала, по которому тоскуетъ сердце; то, наконецъ, въ чарахъ поэзіи и вдохновенія надѣется отыскать желанныя крылья, которыя подняли бы его духъ высоко надъ «заражающими земными міазмами», омыли въ свѣтозарныхъ лучахъ вѣчнаго солнца. Искусство, вообще, представляется ему высшимъ изъ всѣхъ даровъ, какіе небо дало человѣку; высшія произведенія его онъ называетъ «маяками» человѣчества, являющимися лучшимъ свидѣтельствомъ его достоинства... Отсюда вытекаетъ возвышенный взглядъ Бодлéра на поэта, какъ

на жреца и пророка,—одна изъ симпатичнѣйшихъ темъ его поэзіи.

Цѣлый рядъ другихъ стихотвореній проникнутъ тою же высокою властью духа надъ тѣломъ. Изъ нихъ особенно отмѣтимъ два: «Съ ужасной еврейкой, прекрасной, какъ мертвый изваянный мраморъ» и «Одухотворенный Разсвѣтъ». Однѣхъ только этихъ двухъ пьесъ было бы, мнѣ кажется, достаточно для того, чтобы опровергнуть всѣ обвиненія Бодлéра въ цинизмѣ и развращенности. Цинизмъ всегда пользуется, главнымъ образомъ, намеками, тонкими словесными изворотами и хожденіями вокругъ да около предмета; Бодлéръ же не знаетъ искусства намековъ и въ своихъ описаніяхъ разврата всегда прямъ, даже грубъ,—притомъ серьезенъ и глубоко-печаленъ. Развратника онъ оттолкнетъ отъ своихъ изображеній порока, въ молодой невинной душѣ вызоветъ только отвращеніе къ человѣческой низости и любовь къ тому яркому идеалу, который всегда витаетъ, грустя и плача, надъ его описаніями грязи и порока.

Но мало одного стремленія къ этому неуловимому и невѣдомому идеалу; человѣческая душа не можетъ на этомъ успокоиться: какъ найти его, гдѣ найти? Чѣмъ замѣнить среди невыносимыхъ страданій скуки, гнѣва и скорби? Жаждой небытія? Но даже и мракъ могилы не представляется спасительнымъ, такъ какъ и онъ есть вѣдь не болѣе, какъ «пелена, скрывающая міръ огромнаго былого», съ его миріадами исчезнувшихъ, но все-таки живущихъ гдѣ-то въ міровой памяти существъ, скорбей и страданій... Спасеніе отыскивается, въ концѣ концовъ, въ страданіи; съ теченіемъ времени у Бодлéра развивается нѣчто въ родѣ idée fixe нашего Достоевскаго—культъ страданія...

Благословенъ Дающій намъ страданья,
Въ пустынѣ зла источникъ водъ живыхъ,—

заявляетъ бодлéровскій поэтъ, несущій людямъ свѣтъ и примиреніе и встрѣчающій съ ихъ стороны однѣ

обиды и несправедливыя насмѣшки. И въ другомъ мѣстѣ толпа униженныхъ и оскорбленныхъ повторяетъ у него то же самое:

Благословенъ твой бичъ, карающій Отецъ!
Благословенна скорбь! Твоя рука сплетала
Не для пустой игры колючій нашъ вѣнецъ!

Эта кроткая покорность является, однако, у Бодлера не результатомъ какого-нибудь мистическаго изувѣрства и фанатизма, и потому она придаетъ мягкій и высокодуховный колоритъ всей его поэзіи. Этотъ колоритъ тихаго страданія лежитъ и на его описаніяхъ природы, крайне своеобразныхъ, всегда въ высшей степени одухотворенныхъ, проникнутыхъ грустной мечтательностью и болѣзненной красотою. Вотъ тѣсною кучкой стоятъ въ отдаленіи легкія вечернія облака—въ нихъ чудятся поэту прошедшіе годы, «въ одеждахъ старины, съ поникшей головой»; легкій туманъ встающій вечеромъ надъ рѣкой, превращается у него въ образъ Сожалѣнія, смутно поднимающагося со дна человѣческой души; луна, лѣниво мечтающая на темной лазури неба въ кружевахъ бѣлыхъ облаковъ, роняетъ на землю слезинку, и эту чистую каплю, обломокъ опала, находитъ поэтъ и прячетъ у себя на груди, боясь, чтобъ у него не украло ея ревнивое солнце; вечерній вѣтеръ на берегу моря кажется ему блуждающимъ, о чемъ то плачущимъ призракомъ; печальный стукъ непогоды о кровельный жолобъ вызываетъ въ его душѣ образъ бездомнаго, стараго духа, странствующаго и стонущаго, не находя нигдѣ пріюта... Таинственные сумерки; пышный закатъ солнца, мѣняющій ежесекундно нарядъ своихъ красокъ, трепещущихъ подобно сердцу въ моментъ разлуки; странно-багровый, точно окровавленный, закатъ; причудливыя очертанія вечернихъ облаковъ, похожихъ на огромные саркофаги; туманъ, клубящійся надъ грязными предмѣстьями Парижа, наконецъ, самый Парижъ, гдѣ признаки снуютъ среди бѣлаго дня, «зацѣпляя собою прохожихъ»,—таковы излюблен-

ныя Бодлéромъ картины природы, и только изрѣдка изображаетъ онъ болѣе мирные, свѣтлые и, такъ сказать, здоровые ландшафты вродѣ яркаго полдня, гдѣ пѣсни рождаются въ поляхъ подобно розамъ и мысли заводятся въ людскихъ головахъ, какъ душистыя, полныя меда соты въ пчелиныхъ ульяхъ...

Любовь къ женщинѣ въ произведенiяхъ каждаго поэта занимаетъ главное мѣсто; Бодлéръ также не ушелъ отъ власти этого общаго закона природы. Любви посвящено имъ значительное число стихотворенiй. Къ сожалѣнiю, намъ уже извѣстно, какъ несчастно сложилась въ этомъ отношенiи его личная жизнь и какое ложное представленiе получилъ онъ, благодаря этому, о женщинѣ, о ея роли и назначенiи, а слѣдовательно, и о любви къ ней. Въ тѣхъ женщинахъ, которыхъ онъ любилъ, онъ искалъ только грацiи и красоты, а никакъ не ума и сердца; въ женщинѣ онъ не видѣлъ товарища и соратника въ бояхъ жизни. Онъ допускаетъ, что и она также можетъ страдать и быть несчастной, но онъ увѣренъ, что и здѣсь она соблюдаетъ положенный ей предѣлъ,—бываетъ печальной лишь настолько, насколько это увеличиваетъ физическую красоту, и отнюдь не является въ скорби соперницей мужчины... Женскiе образы, которые Бодлéръ рисуетъ въ своихъ стихотворенiяхъ, всегда поэтому прелестны, грацiозны, но неглубоки; бываютъ порой и загадочны, но тогда отъ нихъ вѣетъ холодомъ и безсердечiемъ сфинксовъ. «Милая лѣнивица», «очаровательная невѣжда», «ангелъ радости»,—вотъ ласкательные эпитеты, которыми онъ чаще всего награждаетъ любимыхъ женщинъ, любуясь ими, какъ красивыми марiонетками, терзая ихъ своими капризами и нервозными взрывами. У него имѣется даже слѣдующее, по-истинѣ дикое стихотворенiе, посвященное женщинѣ, переводъ котораго не помѣщенъ мною въ текстѣ стиховъ:

Ты цѣлый мiръ вмѣстить могла бы въ свой альковъ,
Исчадье похоти! Отъ праздности ты злобна.
Съ зарею новою на жерновахъ зубовъ

Ты сердце новое измалывать способна.
Глаза твои блестятъ, какъ вывѣски купцовъ,
Какъ пламя факеловъ на торжествахъ публичныхъ;
Для наглости твоей нарядовъ нѣтъ циничныхъ,
На языкѣ твоемъ нѣтъ заповѣдныхъ словъ.
Машина страшная, глухая и слѣпая,
Спасительный вампиръ, сосущій кровь земли!
Какъ не стыдишься ты? Какъ, зеркала встрѣчая,
Не видишь прелести увядшія свои?
Иль видъ могучій зла, что отъ тебя родится,
Ни разу ужасомъ не поражалъ тебя?
Межъ тѣмъ природа-мать, свои пути любя,
Тебя, о женщина, людскихъ грѣховъ царица,
Тебя, животное бездушное, беретъ,
Лѣпя и генія, которымъ міръ гордится...

— О, грязь блестящая! О, мерзостный почетъ!

Но истинный талантъ можетъ давать своимъ жрецамъ и свѣтлыя откровенія,—и тотъ же Бодлéръ написалъ «Признаніе», въ которомъ звучитъ уже чисто-человѣческое отношеніе къ женщинѣ и вѣрное пониманіе той печальной роли, какую она играетъ въ современномъ обществѣ.

Я не могъ, конечно, исчерпать въ настоящемъ этюдѣ всего сoдержанія бодлеровской поэзіи; но я буду вполнѣ удовлетворенъ, если читатель получитъ хоть приблизительно вѣрное понятіе о великомъ поэтѣ, на памяти котораго и до сихъ поръ,—вотъ уже втеченіе пятидесяти лѣтъ,—лежитъ «пятномъ» его замѣчательная, но ложно понятая и мало оцѣненная книга.

Въ заключеніе нѣсколько словъ pro domo sua. Я узналъ и полюбилъ Бодлéра, еще будучи юношей, лѣтъ двадцать слишкомъ назадъ, когда и самóе слово «декадентъ» было у насъ неизвѣстно,—и нужно ли говорить о томъ, какія именно черты его поэзіи подкупили меня. Скажу одно только: рѣдко какое-либо литературное произведеніе оставляло во мнѣ такое безусловно-чистое впечатлѣніе, какъ «Fleurs du Mal»!

Суровой печалью вѣяло на молодую душу отъ этихъ осужденныхъ за безнравственность стиховъ; грубый, мѣстами до дерзости откровенный, реализмъ какимъ-то чудомъ искусства будилъ лишь самыя чистыя, благородныя чувства,—боль, скорбь, ужасъ, негодованіе,—и поднималъ высоко отъ «скучной земли», въ вѣчно-лазурныя страны идеала...

Но позже симпатіи мои къ французскому поэту подверглись тяжелому испытанію.

Съ половины 80-хъ годовъ въ русской литературѣ началось, какъ извѣстно, изумительное идейное оскудѣніе... Прокатилась волна «декадентства», захватившая въ свой мутный и пустозвонный потокъ многихъ передовыхъ писателей и поэтовъ; осмѣяны были и выброшены за бортъ лучшія имена и традиціи родной литературы, и на знамени самозванныхъ пророковъ съ «новой мозговой линіей» написаны были: равнодушіе къ горю ближняго, самодовлѣющая красота... Основныя причины, породившія русское декадентство, коренились, конечно, въ нашихъ домашнихъ условіяхъ, но нѣкоторые критики стали искать ихъ на Западѣ, въ хвостѣ котораго мы обыкновенно идемъ,—и вотъ однимъ изъ «отцовъ декадентства» объявленъ былъ Бодлéръ! Прежде всего это показывало плохое знакомство съ Бодлéромъ самихъ критиковъ, судившихъ лишь по нѣкоторымъ курьезамъ его поэзіи, но большая публика, еще меньше знакомая съ настоящимъ идейнымъ обликомъ автора «Цвѣтовъ Зла», удовольствовалась этимъ открытіемъ, и Бодлéръ надолго сдѣлался въ глазахъ русскихъ читателей синонимомъ всякой безъидейности и—еще того хуже—мерзости...

Теперь надъ русской литературой занимается, повидимому, заря новой жизни. Отъ эфемерной волны эстетизма, символизма и всякаго иного индифферентизма не осталось ничего, кромѣ нѣсколькихъ ничтожныхъ струекъ, никого уже не только не пугающихъ, но и не интересующихъ. Явно возрождается настроеніе, одушевлявшее литературу и общество двадцать лѣтъ

назадъ... И мнѣ кажется, безпристрастная критика можетъ теперь спокойно признать, что негодными никуда плевелами завалены были порой и чистыя зерна пшеницы. Не боясь болѣе сыграть на руку антипатичному литературному теченію, я съ спокойной совѣстью могу предложить читателю свой трудъ,—вполнѣ увѣренный, что при всѣхъ своихъ недостаткахъ онъ способенъ будить добрыя и свѣтлыя чувства.

1901, апрѣль.

P. S. Къ приведенной выше характеристикѣ Бодлéра прибавлю еще нѣсколько словъ, въ отвѣтъ на посвященные ей критическіе отзывы.

О Бодлéрѣ, какъ поэтѣ, невозможно судить правильно, выхватывая изъ его книги то или другое отдѣльное стихотвореніе. Книга его представляетъ исключительное по замыслу литературное явленіе, и разсматривать и судить ее нужно во всемъ ея объемѣ, притомъ съ точки зрѣнія, которую указалъ намъ самъ авторъ въ заглавіяхъ: «Цвѣты Зла» и «Сплинъ и Идеалъ». Нельзя забывать словъ, сказанныхъ поэтомъ послѣ осужденія его сборника полиціей нравовъ: «Развѣ актеръ, выступающій на сценѣ, отвѣтственъ за роли преступниковъ, которыхъ онъ изображаетъ? Не имѣлъ-ли я права, не былъ ли даже обязанъ съ возможнымъ совершенствомъ приноровить свой умъ и талантъ ко всевозможнымъ софизмамъ и видамъ развращенности своего вѣка?» Но критики, лишь поверхностно ознакомившіеся съ Бодлèромъ, обыкновенно про это забываютъ и все злое и жестокое, изображенное въ его книгѣ, приписываютъ самому поэту. Еще разъ—справедливо-ли это? «Цвѣты Зла» не были, съ другой стороны, и произведеніемъ чистаго искусства (опять-таки подлинныя слова Бодлèра),—нѣтъ, онъ «вложилъ въ эту жестокую книгу всю свою мысль и сердце, всю свою нѣжность и ненависть, всю свою религію»,—и онъ ли виноватъ, что за ненавистью и злобой не всякій умѣетъ разгля-

дѣть и нѣжное, любящее сердце, истекающее кровью при видѣ мрака и зла, царящихъ въ мірѣ?

Какъ одно изъ свидѣтельствъ противъ Бодлѐра, приводятъ увлеченіе «Цвѣтамъ Зла» такого завѣдомо-порочнаго человѣка, какъ Оскаръ Уайльдъ... Но если бы и самъ дьяволъ оказался въ числѣ поклонниковъ какой-либо книги, въ моихъ глазахъ это одно обстоятельство ровно ничего не говорило бы противъ ея этической цѣнности!

А, впрочемъ, еще и то: я не читалъ всей статьи Оскара Уайльда, посвященной «Цвѣтами Зла», но въ цитатѣ, приводимой однимъ изъ моихъ критиковъ, не нахожу, по совѣсти говоря, ничего ужаснаго. Напротивъ, если отбросить нѣсколько вычурную форму, то развѣ это не вѣрно, что по прочтеніи бодлѐровской книги «не на одну только минуту, а на много пустыхъ, озаренныхъ луною ночей и безлюдныхъ, безсолнечныхъ дней въ душѣ твоей поселится *отчаяніе, тебѣ чужое*, и *чужая мука* будетъ глодать твое сердце? Прочти всю книгу, дай ей сказать твоей душѣ хоть одну изъ своихъ тайнъ, и ты жадно захочешь узнать другія, будешь питаться ядовитымъ медомъ и стремиться къ *раскаянію* въ странныхъ преступленіяхъ, *въ которыхъ невиненъ*, и *къ искупленію* странныхъ наслажденій, которыхъ не зналъ». Но вѣдь заставить читателя пережить, какъ свою, чужую муку—чего больше и желать можетъ всякій истинный талантъ? И развѣ, напр., Шекспиръ, создатель леди Макбетъ, или же Достоевскій, который, очевидно, самъ пережилъ мысленно всѣ муки своего Раскольникова,—развѣ они повинны въ преступленіяхъ, которыя изображали?

Вотъ почему я еще разъ протестую противъ навязыванія Бодлѐру двусмысленнаго титула «*пѣвца* зла и порока». Хотя и не сочувствуя порокамъ, онъ обладалъ, говорятъ, даромъ проникновенія въ ихъ сущность, умѣньемъ выразить, въ чемъ заключается ихъ обаяніе... Совершенно вѣрно; но вѣдь никто же не

назоветъ, напр., Достоевскаго, обладавшаго точно такимъ же даромъ, «проповѣдникомъ сладострастія»?! Не большей логичностью отличается, на мой взглядъ, и другой доводъ, заключающійся въ томъ, что поэтъ, будто-бы, не вѣрилъ въ возможность исправить порочную человѣческую природу, и что пессимизмъ его доходилъ до полнаго отчаянія. Но неужели быть пессимистомъ значитъ непремѣнно быть апологетомъ зла? А Леопарди? Онъ, значитъ, тоже былъ *пѣвцомъ* Зла и деспотизма, въ тискахъ котораго изнывала его несчастная родина..? Подъ большимъ также сомнѣніемъ остается вопросъ, считалъ-ли Бодлѣръ *безнадежно* дурной человѣческую природу. Нотки безнадежности, разумѣется, отыскать можно; но вѣдь и у Некрасова, напр., встрѣчаются точь въ точь такія же ноты:

Человѣкъ до ужаса бездушенъ,
Дряхлый міръ на роковомъ пути!..

Справедливо-ли назвать извѣрившимся въ человѣческое достоинство—поэта, который написалъ такія благородныя и возвышенныя строки:

Car c'est vraiment, Seigneur, le meilleur tèmoignage
Que nous puissons donner de notre dignité
Que cet ardent sanglot qui roule d'âge en âge
Et vient mourir au bord de Votre éternité!

НЕОБХОДИМАЯ ПОПРАВКА.

На 131 стран. напечатано: «*Je* pouvais seulement...» Нужно читать: «*Tu* pouvais seulement.»

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

II-го ТОМА.

I.

(1898 — 1902 г.).

II.

Бодлеръ.

Конецъ.

Изданія журнала „РУССКОЕ БОГАТСТВО“:

СБОРНИКЪ ЖУРНАЛА «РУССКОЕ БОГАТСТВО» (1899 г.) Ч. I. БЕЛЛЕТРИСТИКА. Ц. 2 р. Ч. II. ПУБЛИЦИСТИКА. Ц. 1 р.

С. А. Ан—скій. ОЧЕРКИ НАРОДНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ. Ц. 80 к.

П. Булыгинъ. РАЗСКАЗЫ. Ц. 1 р. 50 к.

Н. Гаринъ. ДѢТСТВО ТЕМЫ. Изд. *третье.* Ц. 1 р. 25 к.

— ГИМНАЗИСТЫ. Изд. *третье.* Ц. 1 р. 25 к.

— СТУДЕНТЫ. Ц. 1 р. 25 к.

С. Я. Елпатьевскій. ОЧЕРКИ СИБИРИ. Изд. *третье.* Ц. 1 р.

— ОЧЕРКИ и РАЗСКАЗЫ. Ц. 1 р. 50 к.

Вл. Короленко. ОЧЕРКИ и РАЗСКАЗЫ. Кн. 1-ая. Изданіе *девятое.* Ц. 1 р. 50 к.

— ОЧЕРКИ и РАЗСКАЗЫ. Кн. 2-ая. Изданіе *пятое.* Ц. 1 р. 50 к.

— ВЪ ГОЛОДНЫЙ ГОДЪ. Изданіе *четвертое.* Ц. 1 р.

— СЛѢПОЙ МУЗЫКАНТЪ. Изданіе *восьмое.* Ц. 75 к.

Н. К. (Н. Е. Кудринъ). ОЧЕРКИ СОВРЕМЕННОЙ ФРАНЦІИ. Ц. 2 руб.

Л. Мельшинъ. ВЪ МІРѢ ОТВЕРЖЕННЫХЪ. Записки бывшаго каторжника (*Изданіе второе*): *Т. I.* Шелаевскій рудникъ.— *Т. II.* Съ товарищами. Цѣна каждаго тома 1 р. 50 к.

— ПАСЫНКИ ЖИЗНИ. Разсказы. Ц. 1 руб.

Н. К. Михайловскій. СОЧИНЕНІЯ ВЪ ШЕСТИ ТОМАХЪ. **Удешевленное** изданіе большого формата, въ два столбца, въ 30 печатныхъ листовъ каждый томъ, *съ портретомъ автора.* Ц. 12 р.

— ЛИТЕРАТУРНЫЯ ВОСПОМИНАНІЯ и СОВРЕМЕННАЯ СМУТА. Два тома, по 2 рубля каждый.

А. О. Немировскій. НАПАСТЬ. Повѣсть изъ временъ холерной эпидеміи 1892 г. Ц. 1 р.

С. Н. Южаковъ. ДВАЖДЫ ВОКРУГЪ АЗІИ. Путевыя впечатлѣнія. Ц. 1 р. 50 к.

П. Я. СТИХОТВОРЕНІЯ. Т. I. Изданіе *четвертое.* Ц. 1 руб. Томъ II. Изд. *второе.* Ц. 1 р.

Подписчики **„Русскаго Богатства“**, выписывающіе эти книги, за пересылку не платятъ.

СКЛАДЫ ИЗДАНІЙ: *въ* **С.-Петербургѣ** — *контора редакціи, уг. Спасской и Басковой ул., д. 1—9.*

въ **Москвѣ** — *отдѣленіе Конторы, Никитскія ворота, д. Гагарина.*

Дозв. ценз. Спб., 16-го августа 1902 г. Тип. **Н. Н. Клобукова**, Пряжка, № 3—1.

Цѣна 1 рубль.

СКЛАДЫ ИЗДАНІЯ:

Въ С.-Петербургѣ: въ конторѣ журнала «**Русское Богатство**»—уг. Спасской и Басковой ул., д. 1—9.

Въ Москвѣ: въ отдѣленіи конторы «**Русскаго Богатства**»— Никитскія Ворота, домъ Гагарина.